

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1974

СОДЕРЖАНИЕ

- В. З. Панфилов (Москва). Языковые универсалии и типология предложения 3

К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

- Э. В. Севортян (Москва). Послеоктябрьская тюркология в Академии наук СССР 17
Э. А. Макаев, Н. З. Гаджиева (Москва). Сравнительное языковедение в истории Академии наук 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. З. Котелова (Ленинград). Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) 48
Е. С. Кубрякова (Москва). Деривация, транспозиция, конверсия 64

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- К. С. Горбачевич (Ленинград). Зоны вариантности слов и нормы русского литературного языка 77
Н. Г. Михайловская (Москва). О реализации значения слова в древнерусском тексте 87
Ю. С. Степанов (Москва). О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции 96
В. Е. Шевякова (Москва). Актуальное членение вопросительного предложения 107
Е. Н. Мамсурова (Ленинград). Некоторые особенности каталанского языка во Франции в свете лингвогеографии и статистики 117
Э. Р. Тенишев (Москва). Принципы выделения диалектов уйгурского языка 124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

- В. И. Абаев (Москва), Р. Х. Додыхудоев (Душанбе). *Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках* 130
Т. М. Николаева (Москва). *G. Neweklowsky. Slowenische Akzentstudien; T. Magner, Z. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian* 134
Н. А. Слюсарева, Ю. Н. Марчук (Москва). «Общее и прикладное языковедение. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1967 г.» 140
Г. Ф. Благова (Москва). «О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“» 142
Т. М. Гаринов (Уфа). «Тюркологический сборник. 1972» 146
О. Б. Ткаченко (Киев). *В. Т. Коломієць. Розвиток лексики слов' янських мов у післявоєнний період* 149
Новые издания 152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Хроникальные заметки 154

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- О. С. Азманова, Р. А. Будагов, А. В. Десницкая, Ю. Д. Дешериев,*
Г. А. Климов (отв. секретарь редакции), В. З. Панфилов (зам. главного редактора),
Б. А. Серебrenников, В. М. Солнцев (зам. главного редактора),
О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин (главный редактор), *В. Н. Ярцева*

Адрес редакции: 103031 Москва, К-31, Кузнецкий мост, д. 9/10. Тел. 228-75-55

В. З. ПАНФИЛОВ

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

Одной из основных задач типологических исследований языков является выявление таких языковых универсалий, различные способы реализации которых в конкретных языках могут послужить основанием для типологической классификации языков.

Существование универсалий в языке обусловлено различными факторами и в том числе общностью таких функций языка, как экспрессивная и коммуникативная. Первая из них есть использование языка как средства осуществления абстрактного, обобщенного мышления²; вторая есть использование языка как средства передачи информации от одного индивида к другому по различным каналам связи. Экспрессивная функция языка осуществляется как в актах коммуникации, так и в процессе внутренней речи. Иначе говоря, экспрессивная функция языка может осуществляться и раздельно от коммуникативной функции.

В то же время коммуникативная функция языка может быть осуществлена только вместе с осуществлением его экспрессивной функции, поскольку любой акт коммуникации может считаться состоявшимся только в том случае, если мысль, выраженная языковыми средствами одним индивидом в целях ее сообщения другому индивиду, воспринимается этим последним.

В генезисе, т. е. на начальных этапах развития языка и абстрактного, обобщенного мышления, коммуникативная и экспрессивная функции,

¹ Основные положения настоящей статьи были доложены на Международном симпозиуме по типологии, состоявшемся в Праге 14—17 августа 1973 г.

² Под экспрессивной функцией нередко понимают использование языка для выражения эмоций. Однако при этом не учитывается, что в самих языковых средствах фиксируются скорее не сами эмоции, а мыслительное содержание о них — именно оно в соответствующих случаях входит как в лексические значения, так и в значения грамматических морфем — словообразовательных (таковы, например, в русском языке многочисленные словообразовательные суффиксы, выражающие эмоциональную оценку) или словоизменительных (таковы, например, в нивхском языке суффиксы, образующие формы выражения эмоций у глаголов и существительных). Непосредственно же выражение эмоций осуществляется в речи в основном с помощью различного рода интонаций (гнева, радости, восхищения и т. п.), а также порядка слов (эмфазы). Как средство выражения эмоций обычно рассматриваются также междометия. Однако известно, что одно и то же по своему фонемному составу междометие в зависимости от того, с какой интонацией оно произносится, может выражать самые разнообразные и нередко даже противоположные по своему характеру чувства. Это говорит о том, что средством непосредственного выражения эмоций в такого рода случаях также оказывается интонация. Видимо, лишь когда междометия возникают в речи как непосредственная реакция в связи с тем или иным психофизиологическим состоянием организма, их можно рассматривать как средство выражения эмоций, не опосредованных мыслительной деятельностью. Таким образом, эмоции находят свое выражение в языке, в его лексике и грамматике, лишь опосредствуясь мышлением, а сфера их непосредственного выражения оказывается весьма узкой, ограничиваясь эмфазой, интонацией и междометиями в случаях употребления их в речи, рассмотренных выше. Поэтому едва ли целесообразно, выделяя коммуникативную и экспрессивную функции как две основные функции языка, иметь в виду под последней использование языка для непосредственного выражения эмоций.

по-видимому, были нераздельны, так как интериоризация [языковых средств в процессе осуществления абстрактного, обобщенного мышления вне актов общения, вероятно, есть позднейшее явление. Таким образом, на этих этапах развития языка и мышления акты осуществления абстрактного, обобщенного мышления, не имеющие целью передачу соответствующей информации, и те же акты, имеющие эту цель, могли, по крайней мере в основном, совпадать по тем языковым средствам, которые в них использовались. Различия в языковых средствах между внутренней и внешне выраженной речью, наблюдаемые на современном этапе развития языка и мышления, по-видимому, являются результатом длительного исторического развития.

Потребностью осуществления актов коммуникации, функционированием языка как средства общения обусловлено немало сущностных характеристик языка, таких, как явления избыточности, которые, по-видимому, в значительной мере снимаются во внутренней речи, универсалии в области фонетического строя и др.

В то же время многие фундаментальные черты языка обязаны своим существованием его функции быть средством осуществления абстрактного, обобщенного мышления.

Мышление всего современного человечества по своим законам, а также формам и категориям (последние, т. е. формы и категории, однако, могут иметь различную степень развития) является однотипным.

Л. Леви-Брюль в свое время выдвинул концепцию об особых законах мышления так называемых первобытных людей, мышление которых, по его мнению, не соблюдает формально-логических законов, т. е. законов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания, а подчиняется закону партиципации (сопричастности). Решая вопрос о характере законов мышления первобытных³ людей, следует иметь в виду, что хотя формально-логические законы мышления обусловлены свойствами самого бытия, необходимо различать два критерия их нарушения: нарушение законов мышления в рамках системы понятий данного индивида, т. е. самого субъекта мышления (субъективный критерий) и их нарушение тем же индивидом с точки зрения системы понятий другого индивида, более адекватно отражающего эту действительность (объективный критерий). Очевидно, что если в системе понятий того или иного индивида какие-либо свойства объективной действительности отражены неадекватно, то вопрос о нарушении законов мышления данным индивидом может быть решен различно в зависимости от используемого критерия. В этой связи и выявляется несостоятельность концепции Л. Леви-Брюля, поскольку о нарушении формально-логических законов мышления первобытным человеком можно говорить, имея в виду не сложившуюся у него систему понятий, а лишь систему понятий современного человека, более адекватно отразившую объективную действительность. Иначе говоря, субъективно процесс мышления самого первобытного человека может происходить в полном соответствии с формально-логическими законами мышления, а, если исходить из системы понятий современного человека, эти законы мышления будут им нарушаться. Именно такого рода случаи и дали основание Л. Леви-Брюлю говорить о том, что мышле-

³ Вслед за Л. Леви-Брюлем и другими учеными под первобытными людьми мы имеем в виду не предков современных людей типа неандертальцев и т. п., а представителей нецивилизованных обществ, стоящих на низкой ступени общественного развития, которые имеют столь же длительную историю своего развития, как и современные им цивилизованные народы.

ние первобытного человека якобы не подчиняется формально-логическим законам⁴.

Вместе с тем нельзя принять и концепцию К. Леви-Стросса, который по существу снимает вопрос о каких-либо качественных различиях мышления «первобытных» людей и мышления современного человека, а тем самым и вопрос о качественном развитии человеческого мышления в его филогенезе⁵. Так, если, по-видимому, можно говорить об общности форм и категорий для мышления всех современных людей, т. е. как цивилизованных, так и «первобытных» людей, то степень развития этих форм и категорий мышления оказывается у них различной. Если обратиться, например, к категории количества, которую Гегель определял как снятое качество⁶, то языковые данные позволяют наметить ряд этапов в ее развитии, наблюдаемых у «первобытных» и цивилизованных народов и представляющих собой как бы различные степени или ступени снятия качества⁷.

Есть основания говорить также, что такая форма мышления, как суждение, свойственная мышлению всех современных народов, по степени своего развития, по существующим ее разновидностям не может рассматриваться как одинаковая у всех них. Так, развитие форм сложного предложения, отмечаемое многими исследователями для ряда языков, несомненно свидетельствует об обогащении форм выражаемого посредством этих предложений суждения, а также умозаключения. Средствами некоторых языков невозможно далее выразить, например, различие между отрицательными и бесконечными суждениями типа *Это не есть человек* и *Это есть не человек*. Так, в нивхском языке оба эти суждения будут выражаться одним и тем же предложением *Кыд' н'иха хадох г'ауд'*. То же самое явление наблюдается в кабардинском и адыгейском языках.

Языковые данные дают основание говорить о существенном историческом изменении содержания и объема языковой категории модальности, из чего следует, что и модальная характеристика суждения как формы мышления за соответствующий период также испытала существенные изменения.

В некоторых языках глагольное сказуемое исторически включало вначале слово со значением *вещь, нечто, что-то* или *некто, кто-то*, затем местоименный показатель, и лишь в дальнейшем обозначение действия как признака не осложнялось такого рода субстантивными показателями, т. е. выступало как атрибут. Это дает основание предполагать, что форма выражаемого здесь суждения развивалась от чисто объемного соотношения логических субъекта и предиката — включения логического *S* как класса в более широкий класс, обозначаемый логическим *P*, — к атрибутивному соотношению логических *S* и *P*, когда логический *P* приписывается логическому *S* как его признак⁸. Такой путь развития глагольного сказуемого прослеживается Н. А. Баскаковым в тюркских языках⁹.

⁴ О формально-логических законах мышления первобытных людей и критериях их нарушения см. также: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 84—112.

⁵ См. также: Р. А. Б у д а г о в, Ф. Энгельс и некоторые проблемы языкознания, сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972, стр. 17—18.

⁶ Г е г е л ь, Энциклопедия философских наук, ч. 1, Логика, М.—Л., 1929, стр. 170.

⁷ См. подробнее: В. З. П а н ф и л о в, Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке, сб. «Энгельс и языкознание».

⁸ Возникает вопрос, нет ли какой-либо зависимости между развитием такой формы мышления, как суждение, и развитием концепции суждения в истории логики (объемное и атрибутивное понимание суждения в античной логике, его трактовка в логике отношений и т. д.).

⁹ См.: Н. А. Б а с к а к о в, К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках, «Советская тюркология», 1972, 2, стр. 76.

Аналогичным образом в нивхском языке до настоящего времени наиболее употребительна в функции сказуемого глагольная форма на *-d'*. Эта форма обладает рядом именных черт: суффиксом *-d'* оформляются указательные местоимения, глаголы в этой форме легко субстантивируются, и только в этой форме они получают суффикс мн. числа *-ку ~ -уу ~ -гу ~ -ху*, который это же значение выражает у имен существительных, а также местоимений. Есть основание предполагать также, что сам суффикс *-d'* имеет именное происхождение.

Однако те изменения в степени развития некоторых форм и категорий мышления, о которых можно судить на основании этнографических и лингвистических данных, имея в виду «первобытные» и цивилизованные народы, или историческое развитие мышления носителей какого-либо языка, восстанавливаемое лингвистами по тем данным, которые дает его история, и охватывающее в лучшем случае период в несколько тысячелетий, не нарушают единства типа мышления, а проявления такого рода изменений в языке, очевидно, не могут привести к переходу от одного типологического состояния языка к другому.

К числу универсалий, обусловленных функцией языка как средства осуществления и существования абстрактного, обобщенного мышления, могут быть отнесены наличие слова и предложения как языковых единиц, присущих всем языкам мира. Их наличие во всех языках мира связано с тем, что понятие и суждение являются формами мышления, свойственными всему человечеству.

Для типологической характеристики языков и их типологической классификации в некоторых теориях использовались различия в структуре слова, в других же теориях в этих же целях использовались различия в структуре предложения. Выявление соотношения различных типологических признаков, их значимости для характеристики структуры языка в целом также является одним из условий осуществления типологической классификации языков.

Возникает вопрос, какое соотношение существует между структурой слова и структурой предложения как двумя различными типологическими признаками языков. В целях типологической характеристики языков представляется достаточным использовать два признака структуры слова¹⁰: технику, способ объединения в составе слова его конституирующих морфем и степень синтетизма, т. е. то, в какой мере различные грамматические значения выражаются в составе самого слова или вне него. Выделяя далее агглютинацию и флексию с ее двумя разновидностями, т. е. фузионной и внутренней, как два основных способа соединения морфем в составе слова, а аналитизм, синтетизм и полисинтетизм как три степени синтетизма, можно характеризовать языки в зависимости от того, какой признак из каждой этой группы является для них ведущим. В зависимости от этого тот или иной язык будет определяться как аналитическо-агглютинативный, или аналитическо-флективный, или синтетическо-агглютинативный, или синтетическо-флективный, или полисинтетическо-агглютинативный, или, наконец, как полисинтетическо-флективный.

В особый языковый тип нередко выделяются инкорпорирующие языки, к которым относят некоторые палеоазиатские (чукотский, корякский, алыторский и керекский) и индейские языки. Инкорпорирование есть общее (суффиксальное или префиксально-суффиксальное) оформление синтаксической группы (определения и определяемого, дополнения и сказуемого, обстоятельства и сказуемого), в пределах которой зависимый член

¹⁰ См. об этом: В. З. П а н ф и л о в, О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков, ВЯ, 1969, 4.

(или члены) выступает в форме основы, сохраняя свое лексическое и общеграмматическое значение, а также возможность синтаксических связей со словами вне этой синтаксической группы¹¹. Зависимые компоненты образуемого таким образом инкорпорированного комплекса могут участвовать и самостоятельное морфологическое оформление, т. е. выступать вне этого комплекса, оставаясь зависимыми членами синтаксической группы.

Инкорпорирование есть лишь один из видов группового аффиксального оформления синтаксической группы. В языках синтетическо-агглютинативного типа встречаются и такие случаи, когда в синтаксической группе, состоящей из однородных членов, падежный суффикс присоединяется только к последнему из них (тюркские языки, нивхский язык и др.). В некоторых «инкорпорировующих языках» наряду с инкорпорированием возможно и такое групповое оформление, когда зависимый член выражается словоформой, а не основой слова. Так, например, в чукотском языке суффиксальное или префиксально-суффиксальное оформление имеют составные числительные, хотя их компоненты выступают не в форме основы, а в форме слова¹².

Разного вида групповое оформление возникает исторически¹³ и существует прежде всего благодаря тому, что аффиксы в этих языках объединяются с корневыми морфемами по способу агглютинации и сохраняют большую самостоятельность, чем во флективных языках. Иначе говоря, инкорпорирование, шире — общее оформление синтаксической группы — обусловлено в этих языках агглютинацией и все эти языки по характеру структуры слова являются языками синтетическо- или полисинтетическо-агглютинативного типа. Существование в «инкорпорировующих языках» инкорпорирования как особого способа выражения синтаксических отношений между зависимым и ведущим членом синтаксической группы и параллельных построений тех же синтаксических групп, но уже с самостоятельным морфологическим оформлением их зависимых членов создает некоторые специфические черты этих языков лишь на уровне структуры предложения в том, что касается способов выражения его синтаксического и логико-грамматического членения¹⁴ и дифференцированного выражения различных отношений его компонентов. Такого рода специфические черты дают основание рассматривать «инкорпорировующие языки» как особую группу лишь внутри синтетическо- или полисинтетическо-агглютинативных языков.

И. И. Мещаниновым была разработана типологическая классификация языков, основанная на различии в структуре предложения. Он полагал, что общим для всех языков является выражение в составе предложения отношений субъекта и действия, отношений действия к объекту действия, т. е. объектных отношений и атрибутивных отношений, т. е. отношений признака к предмету и действию. Эти отношения, так же как

¹¹ См.: В. З. П а н ф и л о в, Об определен понятии слова, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 141—145.

¹² См.: П. Я. С к о р и к. Грамматика чукотского языка, I, М.—Л., 1961, стр. 393—395.

¹³ Так, например, П. Я. Скорик, рассматривая вопрос об историческом развитии грамматического строя чукотского языка, приходит к следующему выводу: «... в процессе образования аффиксальных форм в чукотском языке, обусловленный определенным порядком слов в его раннем предложении, привел к возникновению эргативной конструкции и инкорпоративных комплексов одновременно» (П. Я. Скорик, О постепенном разветвлении и совершенствовании грамматического строя, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954, стр. 252).

¹⁴ См.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 126—127.

и соответствующие члены предложения, свойственны структуре предложения всех языков и образуют, как считал И. И. Мещанинов, общезыковой субстрат. Различия же в структуре предложения различных языков обнаруживаются в связи с различием в способах выражения этих общих отношений и способах оформления членов предложения. На этом основании И. И. Мещаниновым были выделены языки с аморфной, с синтаксико-морфологической, флективно-аналитической, аналитической и морфологической конструкциями предложения¹⁵.

При этом прослеживается прямая зависимость между структурой слова и этими типами структур предложения. Так, аморфная конструкция предложения, в которой значение члена предложения в основном определяется по его функции в составе предложения и иногда по относящимся к нему служебным словам, выделяется в языках аналитическо-агглютинирующего (или, по старой терминологии, — аморфного) типа, например, в китайском или бирманском. Синтаксико-морфологическая конструкция, в которой члены предложения получают специальные морфемы, присоединяемые к нему по способу агглютинации, оказывается свойственной языкам синтетическо-агглютинативного типа, например, монгольскому и т. п.

Выражение в составе предложения отношений актантов к действию фиксирует структуру мысли (суждения), рассматриваемую в одном из направлений современной математической логики как пропозициональная, или логическая функция.

При такой трактовке суждения и его структуры глагольное сказуемое будет выражать n -местный предикат, а аргументы этой функции будут выражаться подлежащим и дополнениями, обозначающими субъект и объект действия. Фиксируемая здесь структура суждения передается формулой $A(x)$ или $A(x, y, \dots)$, поскольку пропозициональная функция может иметь один или более аргументов, т. е. предикат в ее составе может быть или одноместным или многоместным. Ср. предложения: *Иван идет* и *Иван любит Петра*. В первом из них предикат (*идет*) является одноместным и имеет при себе только один аргумент (*Иван*), а во втором предикат (*любит*) является двухместным и имеет при себе два аргумента (*Иван, Петра*).

Отношения актантов к действию, которые представляют собой один из видов пропозициональной функции, а также способы их языкового выражения давно исследуются языкознанием в составе предложения как залоговые или им подобные отношения, а также как отношения, выражаемые в таких конструкциях предложения, как номинативная и эргативная.

Но общим, универсальным для предложений во всех языках является выражение в их составе не только отношений актантов к действию, но и субъектно-предикатного отношения, т. е. отношения логического субъекта и предиката, выделяемых в традиционной логике. Структура суждения как пропозициональной, или логической функции и его субъектно-предикатная структура имеют между собой существенные различия и не совпадают друг с другом. Если не считать ее самостоятельным членом связки, очень часто не получающую в предложении самостоятельного словесного выражения, то вторая из названных структур имеет только два члена — субъект и предикат, что выражается формулой S есть P . В отличие от этого первая из указанных структур в зависимости от того, является ли предикат одноместным или многоместным, может состоять из двух

¹⁵ См.: И. И. Мещанинов, Структура предложения, М.—Л., 1963.

или более членов. Так, например, субъектно-предикатную структуру суждения *Иван любит Петра*, если в выражающем его предложении ни один из его членов не получает логического ударения, образуют два члена — субъект, выраженный подлежащим *Иван*, и предикат, выраженный группой сказуемого *любит Петра*. Структура того же суждения, рассматриваемого как пропозициональная функция, будет состоять уже из трех членов — двухместного предиката, выраженного глагольным сказуемым *любит* и двух аргументов, выраженных соответственно подлежащим *Иван* и дополнением *Петра* [формула $A(x, y)$]. Второе различие между этими двумя структурами заключается в том, что в суждении, денотатом которого является одна и та же ситуация, аргументы и n -местный предикат будут всегда выражаться одними и теми же понятиями (*любит* в суждении *Иван любит Петра* всегда будет выражать двухместный предикат, а *Иван* и *Петра* всегда будут выражать аргументы), в то время как субъектно-предикатное членение этой мысли может изменяться. Так, например, в суждении *Иван любит Петра* при логическом ударении на дополнении *Петра* оно будет выражать логический предикат, а логический субъект будет выражаться уже синтаксической группой *Иван любит*.

В составе предложения субъектно-предикатные отношения, как и отношения актантов к действию, также маркируются определенными языковыми средствами, что может рассматриваться как лингвистическое подтверждение факта наличия двух указанных структур суждения.

Существует точка зрения, согласно которой субъект и предикат суждения всегда выражаются соответственно понятиями о предмете (субстанции) и его признаках (акциденции), а в предложении — языковыми категориями подлежащего и сказуемого. Эта точка зрения основана на представлении о том, что познание представляет собой пассивный процесс отражения объективной действительности, т. е. в ее основе лежит метафизическое понимание этого процесса, свойственное всему домарксовскому материализму. Но, как показал еще Гегель, а затем с позиций диалектического материализма К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, познание есть активная деятельность познающего субъекта, а не зеркальное, мертвое отражение объективной действительности. В. И. Ленин, имея в виду это обстоятельство, писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹⁶.

В процессе познания направленность познавательного процесса, ход мысли при отражении одних и тех же явлений объективной действительности не являются постоянными. Исходными для того или иного мыслительного акта могут быть не только предметы (субстанция), но и признаки (акциденция), в результате чего в качестве субъекта суждения могут выступать не только понятия о предметах, но и понятия о признаках, и наоборот, в качестве его предиката не только понятия о признаках, но и о предметах. Соответственно в предложении логический субъект может выражаться не только подлежащим — именем существительным в именительном, абсолютном или эргативном падежах, но и другими членами предложения — сказуемым, определением, обстоятельством или дополнением. Подобным же образом и логический предикат может выражаться не только сказуемым, но и другими членами предложения. Потребность использовать в познавательном процессе понятие о признаке в качестве субъекта суждения, когда признак, следовательно, выступает как предмет мысли, и понятие предмета — в качестве предиката суждения, приводит к тому, что в языке названия признаков могут выступать в той же форме как и названия реальных, конкретных предметов, т. е. как существи-

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 194.

тельные и, наоборот, названия предметов — как названия признаков. Этим объясняются, с одной стороны, образование в самых различных языках посредством самых разнообразных словообразовательных средств (аффиксов, внутренней флексии, конверсии и субстантивации) таких рядов существительных, как абстрактные типа русских *краснота* и т. п., а с другой стороны, такого рода случаи, когда, например, в ряде языков любое имя в функции сказуемого становится глаголом, получая особый словообразовательный аффикс и словоизменительные формы глагола. Так, например, в эскимосском языке имеем: *юк* «человек», *юг-у-к* «это есть человек»; *малг'ук* «два», *малг'уг-у-к* «это есть два» и т. п.¹⁷

В самодийских языках имя, выступающее в функции сказуемого, спрягается как глагол и ему свойственны в этой функции категории лица и времени, которые выражаются теми же формами, что и у глагола. Однако в отличие от эскимосского языка в самодийских языках имя в функции сказуемого не получает особого словообразовательного суффикса; наоборот, в этих языках глагол, в отличие от имени, включает специальную морфему, которая происходит от глагола «быть»¹⁸.

То направление грамматических исследований (так называемый семантический синтаксис), представители которого пытаются прямолинейно свести структуру предложения к структуре ситуации, по поводу которой оно высказывается, в конечном счете также базируется на понимании познавательного процесса как зеркального, мертвого отражения, а в его крайних формах — по существу на бихевиористском понимании языка и речевой деятельности по схеме «стимул — реакция», не оставляющей места для мысли и языкового значения как чего-то самостоятельного по отношению к действительности и материальным языковым формам.

Если брать наиболее часто повторяющуюся ситуацию, составляющими которой являются субъект действия, объект действия и само действие, то активность познавательного процесса, направленного на ситуацию этого типа, в частности, проявляется в том, что об одной и той же ситуации могут быть высказаны различные предложения при одном и том же его лексическом составе, отражающем составляющие компоненты этой ситуации. В частности, эти предложения могут отличаться по своей залоговой характеристике (ср., например: *Дом построен рабочими* и *Рабочие построили дом*). Сущность грамматической категории залога состоит не только в том, что она фиксирует различные отношения актантов к действию, но она состоит также в различии хода познания и языковых способов выражения этих отношений. Именно поэтому, как нам уже приходилось отмечать¹⁹, не могут считаться адекватными те определения залога, согласно которым залог «обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола»²⁰. Природе этой грамматической категории, как нам представляется, в большей мере соответствует следующее определение: категория залога глагола характеризует то или иное

¹⁷ См.: Г. А. Меновщиков, Грамматика языка азиатских эскимосов, II, Л., 1967, стр. 23—27.

¹⁸ См.: Н. М. Терещенко, Грамматические категории глагола в самодийских языках, «Тезисы докладов „Типология грамматических категорий“», М., 1973.

¹⁹ См.: В. З. Панфилов, О залоге глагола в нивхском языке, сб. «Вопросы грамматики», М.—Л., 1960, стр. 103—121; е го ж е, Грамматика и логика, М.—Л., 1963, стр. 64—68.

²⁰ См.: «Грамматика русского языка», I, М., 1952, стр. 412. Это определение залога буквально или с небольшими изменениями, не затрагивающими его существа, повторяется в большинстве грамматических исследований по самым различным языкам. Сохраняется оно и в последней «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 года (см. стр. 351).

соотношение подлежащего (грамматического субъекта) и дополнения (грамматического объекта) с субъектом и объектом действия, определяемое глаголом и приуроченное к его определенной форме²¹.

Существование эргативной и номинативной конструкций предложения, которые отличаются друг от друга падежами подлежащего и прямого дополнения, выражающими субъект и объект действия, а также характером их выражения в форме глагольного сказуемого, также связано с различием в языковых способах отражения одной и той же ситуации.

Поскольку как отношения актантов к действию, так и субъектно-предикатные отношения, образующие два уровня выражаемой в предложении мысли, получают определенное формальное выражение в структуре предложения, можно выделить два уровня его структуры, два вида его членения — синтаксическое и логико-грамматическое (иначе, актуальное, коммуникативное)²². В различных языках логико-грамматическое членение выражается различными способами. Поэтому возникают вопросы о том, может ли различие в способах выражения этого членения использоваться как один из типологических признаков, в каком отношении этот признак находится к структуре слова и как соотносится логико-грамматическое членение предложения с его синтаксическим членением в различных языках.

Анализ языковых средств, используемых для маркирования субъектно-предикатной структуры мысли, выражаемой в устной речи в предложении, употребленном в акте коммуникации²³, а также для маркирования предикативности и модальности, характеризующих эту мысль, пока-

²¹ См.: В. З. П а н ф и л о в, О залоге глагола в нивхском языке. В последние годы этот же принцип соотношения двух рядов явлений — синтаксических членов предложений и семантических категорий субъекта и объекта действия — кладется в основу определения залога и рядом других авторов. См., например: И. А. М е л ь ч у к, А. А. Х о л о д о в и ч, К теории грамматического залога (Определение. Исчисление), «Народы Азии и Африки», 1970, 4, стр. 113 и сл.; А. А. Х о л о д о в и ч, Залог, в кн.: «Категория залога», Л., 1970, стр. 13; В. С. Х р а к о в с к и й, Активные и пассивные конструкции в языках эргативного строя, ВЯ, 1972, 5, стр. 40, особенно примеч. 21. Последний автор, однако, расширяет понятие залога и включает в эту категорию не только случаи, когда различия в соотношении этих двух рядов явлений сопровождаются различием глагольных форм, но и все иные способы их маркировки в составе предложения (указ. соч., стр. 41). Нами последние случаи в категорию залога не включались (см.: В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, стр. 68). Представляется более оправданным вслед за И. И. Мещаниновым сохранить термин «залог» за случаями лишь морфологической маркировки соответствующих значений в глагольной форме, включая их наряду со случаями выражения этого типа значений иными способами в более широкую понятийную категорию залоговости (ср. термины «время» и «темпоральность», «вид» и «аспектуальность» у А. В. Бондарко).

²² Последний термин кажется самым неудачным, так как логико-грамматическое членение предложения имеет место не только в процессе коммуникации, но и во внутренней речи.

Некоторые авторы непосредственно увязывают синтаксическое и логико-грамматическое (актуальное) членение предложения с двумя основными языковыми функциями, а именно, соответственно с экспрессивной и коммуникативной (см., например: И. П. Р а с п о п о в, Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. АДД, М., 1964, стр. 9; В. Г. А д м о н и, Типология предложения и логико-грамматические типы предложения, ВЯ, 1973, 2, стр. 48), с чем едва ли можно согласиться. В самом деле, как синтаксическое, так и логико-грамматическое членение предложения обусловлены структурой выражаемой в предложении мысли, т. е. экспрессивной функцией, и есть основание ставить вопрос лишь о том, что языковые средства выражения этой структуры в акте коммуникации и в процессе внутренней речи могут быть различными.

²³ Предложение, функционирующее во внутренней речи, структура выражаемой в нем мысли и языковые средства маркирования этой структуры на ее обоих уровнях требуют специального рассмотрения.

зывает, что их характер находится в определенной зависимости от характера структуры слова в том или ином языке.

Так, в языках синтетическо-агглютинативного, например, в нивхском и тюркских языках, или полисинтетическо-агглютинативного типа, например, в абхазском языке, в этих целях широко используются морфологические средства и в том числе специальные морфемы, выступающие как компоненты слова и присоединяемые к нему по способу агглютинации. Характерной особенностью многих из этих языков является то, что используемые в целях выделения логического предиката морфемы и служебные слова имеют как бы универсальный характер — они выступают в этой функции при любом члене предложения и независимо от того, какую морфологическую форму он имеет. Иначе говоря, способам языкового выражения субъектно-предикатной структуры суждения в языках этого типа свойственны те же типологические черты, которые находят свое проявление в сфере структуры слова в целом.

Набор формальных языковых средств, используемых в языках аналитическо-агглютинативного типа в целях выделения логического предиката, по своему характеру оказывается близок к тому, что используется в этих целях в языках полисинтетическо- или синтетическо-агглютинативных. Однако отличие состоит здесь в том, что в языках второго типа, т. е. полисинтетическо- или синтетическо-агглютинативных, больший удельный вес занимают специальные морфемы, выступающие как компоненты слова, в то время как в языках первого типа, т. е. аналитическо-агглютинативных, их удельный вес среди прочих средств оказывается меньшим и более значительную роль в них играют служебные слова. Второе существенное отличие между языками этих двух типов состоит в том, что функциональная нагрузка — выражение логического предиката или субъекта, падающая на то или иное слово, в языках второго типа не приводит к изменению грамматической природы этого слова даже в тех случаях, когда оно оформляется специальными морфемами. В языках первого типа, т. е. аналитическо-агглютинативных, в этих случаях возможно изменение грамматической природы самого слова, что, например, имеет место в китайском языке при присоединении к слову, выражающему действие и передающему логический субъект, суффикса *-ды*, который превращает глагол в имя.

В отличие от языков синтетическо-агглютинативных, полисинтетическо-агглютинативных и, отчасти, аналитическо-агглютинативных, в которых в выражении логической структуры суждения большую роль играют разнообразные морфологические средства (специальные морфемы, служебные слова и т. п.), в языках синтетическо-флективных в этой функции используется прежде всего логическое ударение, служебные слова типа русских *конечно, вероятно, только, лишь, же* и т. п. и, и как дополнительное средство, порядок слов. Типичным представителем такого рода языков является русский язык. Аналогичным образом обстоит дело и в аналитическо-флективных языках типа английского. Таким образом, в языках синтетическо-флективного типа и аналитическо-флективного типа существует не прямая, а обратная зависимость между структурой слова и способами выражения логико-грамматического членения предложения, так как этот вид членения предложения маркируется в отличие от грамматических значений не в составе слова, а вне слова, т. е. аналитически. Для иллюстрации сказанного приведем примеры из китайского (аналитическо-агглютинативного), нивхского (синтетическо-агглютинативного) и русского (синтетическо-флективного) языков ²⁴: 1) кит. *Та кань чжунго бао*

²⁴ Способы выражения логико-грамматического членения предложения с привлечением широкого круга языков рассматриваются также в кн.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 113—138.

«Он читает китайскую газету»; 2) кит. *Та кань-ды шы чжунго бао* «Он китайскую газету читает»; 3) нивх. *Иф ман'д'у витыу уру-д'-ра* «Он читает китайскую газету»; 4) нивх. *Иф ман'д'у витыу-ра й-уру-д'* «Он китайскую газету читает»; 5) нивх. *Иф ман'д'у витыу уру-бар* «Он, конечно, читает китайскую газету»; 6) нивх. *Иф ман'д'у витыу хабар й-уру-д'* «Он читает, конечно, китайскую газету».

В предложении № 1 на китайском языке логический предикат выражается глагольным сказуемым *кань* «читает»; в китайском предложении № 2 логический предикат выражается прямым дополнением *чжунго бао* «китайскую газету»; вследствие этого к глаголу *кань* «читать», оказавшемуся в составе логического субъекта, присоединяется суффикс *-ды* с номинативным значением, а перед логическим предикатом, выраженным именной группой *чжунго бао* «китайская газета», вставляется связка *шы*. По-русски эта фраза означает: «Им читаемое есть китайская газета». В предложении № 3 на нивхском языке логический предикат выражается глагольным сказуемым *-уру-д'* «читает» и к нему присоединяется специальная предикативная морфема *-ра*; в предложении № 4 на нивхском языке логический предикат выражается группой прямого дополнения *ман'д'у витыу* «китайская газета», вследствие чего к ней присоединяется предикативная морфема *-ра*, а глагол дается в форме изъявительного наклонения на *-д'*, и к его основе префигируется местоименный показатель объекта *й-*. В пятом предложении на нивхском языке, которое в отличие от предшествующих предложений характеризуется категорической модальностью, глагол, выражающий логический предикат, оформляется суффиксом категорического наклонения *-бар*; в шестом предложении с той же модальной характеристикой логический предикат выражается группой прямого дополнения, вследствие чего после этой группы ставится вспомогательный глагол *ха-д'* «быть» в форме категорического наклонения, а глагол *й-уру-д'* дается в форме изъявительного наклонения как в предложениях № 3 и 4.

Как мы видим, во всех эквивалентных предложениях на русском языке изменения в логической нагрузке членов предложения сопровождаются лишь переносом логического ударения и, факультативно, изменением порядка слов, а в предложениях с модальностью категорической достоверности перемещается также служебное модальное слово *конечно* — оно, обычно, непосредственно примыкает к члену предложения, выражающему логический предикат.

Анализ материалов языков различной типологии показывает, что, как и в случае синтаксического членения предложения, между способами выражения логико-грамматического членения предложения и структурой слова существует корреляция такого рода, которая не позволяет рассматривать структуру слова и структуру предложения как независимые типологические признаки.

Из сказанного следует далее, что наряду с морфологизацией членов предложения, обслуживающей их функции на синтаксическом уровне, в языках имеет место также морфологизация знаменательных компонентов предложения, являющаяся средством выражения их функций на логико-грамматическом уровне. Использование морфологических средств в целях их маркирования на логико-грамматическом уровне членения предложения обычно не имеет каких-либо ограничений, связанных с принадлежностью слов, выражающих эти компоненты, к тому или иному грамматическому классу, а также с характером грамматических категорий, свойственных этим словам. Так, не говоря уже о логическом ударении, посредством которого может быть выделен логический предикат, выраженный любым знаменательным компонентом предложения, почти столь же универ-

сальный характер в этом отношении во всех языках имеют различного рода модальные служебные слова. Что касается специальных орфем, используемых в эти цели во многих языках, то сфера их функционирования также оказывается весьма широкой. Так, например, в нивхском языке показатель логико-грамматического предиката в предложениях с модальным значением простой достоверности суффикс *-та ~ -ра ~ -да* может быть присоединен к любому знаменательному слову в любой словоизменительной форме за исключением причастия в функции определения.

В отличие от этого связь между функцией знаменательных слов на синтаксическом уровне и их принадлежностью к тому или иному грамматическому классу носит более жесткий характер. Правда, следует оговориться, что такого рода соотношение имеет место в языках синтетического типа. В языках же, где синтетические черты получили незначительное развитие, как, например, бирманском, выделяются особые частицы, которые, как показатель того или иного синтаксического члена предложения, могут выступать при словах, относящихся к различным грамматическим классам.

Соотношение синтаксического и логико-грамматического членения предложения носит различный характер в языках различной типологии. В синтетических языках в силу морфологизации членов предложения имеются значительные расхождения между этими двумя видами членения предложения. В отношении аналитическо-агглютинативных языков типа китайского, где отсутствует четко выраженная морфологизация членов предложения, является дискуссионным и сам вопрос о признаках синтаксических членов предложения, и они обычно характеризуются по тем их функциям, которые они выполняют в качестве элементов структуры мысли, фиксирующей или отношения актантов к действию, или субъектно-предикатные отношения. Что касается логико-грамматического членения предложения, то оно несомненно играет в этих языках значительно большую роль в конституировании структуры всего предложения, чем в языках синтетического типа.

Применительно к языкам аналитическо-агглютинативного типа будет справедливым по крайней мере то утверждение, что степень противопоставленности синтаксического и логико-грамматического уровня членения предложения в них будет меньшей, чем в синтетических языках.

Выражение отношений актантов к действию и субъектно-предикатных отношений, образующих два различных уровня структуры суждения, есть универсалия, обусловленная функцией языка как средства осуществления абстрактного, обобщенного мышления. Модели предложения, существующие в каждом конкретном языке, не ограничиваются только теми, в которых выражаются эти два вида отношений, т. е. отношения актантов к действию и субъектно-предикатные отношения. Так, не имеют субъектно-предикатной структуры мысли, выраженные безличными однословными предложениями типа русских *Вечереет, Холодно* и т. п. или безличными предложениями с формально-грамматическим подлежащим типа немецких *Es regnet, Man sagt* или английских *It is cold* и т. п., или односоставными номинативными предложениями типа русских *Тишина*. То же самое следует сказать о двусоставных предложениях, выражающих одночленную мысль, типа русских *Пошли пароходы* и т. п.

Помимо безличных однословных предложений, вне сферы действия второй универсалии (отношения актантов к действию) остаются все модели предложения без глагольного сказуемого или сказуемого, выраженного словами со значением состояния, т. е. предложения типа русских *У него ни кола, ни двора, Иван лучше Петра, Иван брат Петра* и т. п. Однако следует отметить, что во многих моделях такого типа также выражаются отношения, но иного рода, чем отношения актантов к дей-

ствию. Иначе говоря, суждение как пропозициональная функция выражается не только в моделях предложения, в которых отражается отношение актантов к действию, но и во всех других моделях предложения, в которых отражаются иного типа отношения, чем отношение актантов к действию, т. е. во всех моделях предложения, служащих для выражения класса суждений отношения в целом (aRb)²⁵.

Говоря об известной ограниченности сферы действия двух рассматриваемых универсалий в том, что касается охвата ими различных моделей предложения в конкретных языках, вместе с тем нельзя не учитывать, что в нее входят основные и наиболее употребительные модели каждого языка. Будучи общими для всех языков, эти универсалии отличаются по способам их выражения в структуре предложения каждого языка. При выявлении номенклатуры моделей предложения каждого языка должна учитываться не только та структура, которая служит для выражения отношения актантов к действию, как это обычно делается, но и структура предложения на его логико-грамматическом уровне членения, а также соотношение этих двух видов членений (структур) предложения.

Устанавливается зависимость между способом выражения рассматриваемых универсалий и характером структуры слова в различных языках. Эта зависимость существует потому, что по крайней мере формообразованию слова обслуживает синтаксические отношения в широком смысле этого слова — морфология стоит на службе синтаксиса и в том числе «синтаксиса» логико-грамматического членения предложения.

Существует также определенная зависимость между характером структуры слова в том или ином языке и характером его грамматических категорий, например, между факультативностью и облигаторностью употребления отдельных ее форм, возможностью и невозможностью сочетания в пределах одной словоформы двух или более показателей различных частных значений одной и той же грамматической категории и др.²⁶. Существенно

²⁵ На основе различий в характере отношений действительности, получающих свое отражение в виде обобщенных грамматических значений компонентов предложения в их взаимосвязи, а также различий в форме необходимых компонентов предложения В. Г. Адмони выделяет ряд логико-грамматических типов предложений (в немецком языке). В логике принято различать логические и внелогические отношения. Под первыми имеются в виду наиболее общие отношения, которые определяют сами логические формы мышления. Так, например, отношение принадлежности признака предмету конституирует суждение как форму мышления. Внелогические отношения в отличие от этого входят в содержание мысли. В. Г. Адмони, не учитывая этого различия между логическими и внелогическими отношениями, под словом *логические* имеет в виду всякого рода отношения достаточно общего характера, которые отражаются в содержании мысли, но не конституируют ее форму, т. е. слово *логический* употребляется им как синоним слова *мыслительный* (см.: В. Г. Адмони, Структура предложения, сб. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении», Л., 1935; его же, Типология предложения, сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968; его же, Типология предложения и логико-грамматические типы предложения, ВЯ, 1973, 2).

Следует также отметить, что под типом предложения В. Г. Адмони понимается модель предложения, а под типологией предложения имеется в виду классификация моделей предложения того или иного конкретного языка, но не типологические различия между структурой предложений в различных языках.

Здесь, как и в более ранних работах, под логико-грамматическим членением (уровнем) предложения имеется в виду структура предложения, образуемая в результате маркирования грамматическими средствами (логическим ударением, специальными морфемами, служебными словами и т. п.) субъектно-предикатной структуры суждения, выраженного предложением. Поскольку отношение субъекта и предиката суждения выражает отношение принадлежности признака предмету, т. е. логическое отношение, употребление термина «логический» в этом случае является вполне правильным.

²⁶ См.: Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов, О типологии грамматических категорий, ВЯ, 1965, 1.

при этом, что зависимость между структурой слова, структурой предложения и характером грамматических категорий имеет каузальный характер, а не характер логической импликации.

Типологическая классификация языков может опираться на различие в способах выражения универсалий. Структура слова является своего рода фокусом, в котором проявляются различия в способах выражения различных универсалий. Это дает основание для выбора структуры слова в качестве основного типологического признака. Вместе с тем при типологических исследованиях необходимо учитывать и другие, связанные со структурой слова признаки, такие, как различия в структуре предложения и в характере грамматических категорий, тем более, что их корреляция со структурой слова имеет достаточно сложный характер. При этом одной из областей типологических исследований может быть не только выявление различных способов выражения синтаксического членения предложения, но и его логико-грамматического членения, а также характера соотношения и, в частности, степени расхождения этих двух различных уровней членения предложения в языках разных типов. Не исключено также, что степень относительной самостоятельности языка и его отдельных уровней в том единстве, которое оно образует с мышлением, может быть различной для языков разных типов и эта проблема также может быть предметом типологических исследований.

Универсалии рассматриваемого типа являются такими глубинными свойствами языков, которые обусловлены общей всем им функцией. Именно поэтому предметом типологии являются различия в способах выражения этих универсалий и в качестве типологических признаков закономерно выступают такие признаки, как структура слова и структура предложения, которые многими лингвистами в последнее время квалифицируются как чисто внешние, не имеющие существенного значения для типологической характеристики языков.

К 250-летию Академии наук СССР

Э. В. СЕВОРТЯН

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Тюркское языкознание в стенах Академии наук СССР ко времени Октябрьской революции вступило во второе столетие своего существования, имея большое научное наследие, оставленное ему русской тюркологией XIX — начала XX в.

Отечественная тюркология дореволюционного времени, занимавшая ведущее положение во всех сферах тюркского языкознания второй половины XIX — начала XX в., располагала составными элементами развитой науки: обширными и разнообразными, хорошо обработанными и систематизированными материалами, выработанными и испытанными в продолжительном опыте научной работы принципами, методами и приемами исследований, накопленным фондом научных разработок, проверенными временем научными традициями и как синтезом всего этого — научными установками русской тюркологической школы XIX — начала XX в.

Основная роль в формировании определяющих черт русской тюркологической школы принадлежит академической тюркологии в лице акад. В. В. Радлова и его учеников. Наряду с Азиатским музеем, вместе с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (с 80—90-х гг. XIX в.) являвшимися единственными центрами тюркологической работы в имп. Академии наук, в стране существовали сильные тюркологические коллективы в Казанском и Санктпетербургском университетах, где велась научная работа в области тюркских языков. Из сплава академической и университетской тюркологии выработались те черты, которые присущи русской тюркологической школе дореволюционного времени: постоянный активный интерес к живым тюркским языкам и их диалектам, внимание к действующим процессам в фонетике и грамматике этих языков, тщательный учет семантики грамматической формы и ее функционирования как в синхронии, так и диахронии; равный интерес как к фонетической стороне изучаемого языкового явления, так и к его семантике и связям с другими лингвистическими феноменами.

Наследие отечественной тюркологии сохранилось не только в книгах, статьях и рукописях. Оно в прямом значении слова передавалось вместе с научными традициями новым, послеоктябрьским поколениям тюркологов живыми представителями дореволюционной тюркологии — А. Н. Самойловичем, С. Е. Маловым, Н. И. Апшариным, В. А. Гордлевским, А. Е. Крымским, В. А. Богородицким, П. А. Фалевым, которые с первых лет существования советской власти активно включились в строительство новой, многонациональной социалистической культуры и внесли большой вклад в послеоктябрьскую тюркологию.

После Октябрьской революции положение вещей во всей отечественной науке претерпело коренные изменения. Основными центрами исследова-

тельской работы, а в дальнейшем и подготовки научной смены стали научно-исследовательские институты, в числе их институты с тюркологическими коллективами, которые начали создаваться уже в первое десятилетие после революции.

В соответствии с этим в корне изменилась также научно-организационная деятельность АН СССР. Дореволюционная Академия была оторвана от жизни многочисленных народов Российской империи, в частности от окраин и глубинных территорий с тюркоязычным населением. Во многих случаях о научных связях с окраинами нельзя было и думать в условиях сплошной неграмотности и культурной отсталости целого ряда тюркских народов. В советскую эпоху Академия наук взяла на себя благородную задачу распространения опыта передовой науки в национальных краях, для чего на местах стала создаваться сеть баз, а затем филиалов Академии наук (ФАН СССР),¹ которые явились организаторами, нередко создателями, очагов науки в национальных центрах, направляющей силой в научно-исследовательской работе на местах. На основе филиалов АН в Баку, Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде, Фрунзе и Кипинева позднее были созданы Академии наук АзербСССР, УзбСССР, КазСССР, ТуркмСССР, КиргСССР и МолдСССР¹. Современная Академия наук СССР имеет в своих учреждениях девять тюркологических коллективов — в Казани, Уфе, Махачкале, Новосибирске, Якутске (ИЯЛИ Казанского, Башкирского, Дагестанского ФАН СССР, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, ИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР) и по два в Москве и Ленинграде. Вместе с тюркологическими институтами национальных академий институты АН СССР и филиалов АН СССР, названные выше, имеют в своем составе 43 доктора и более 180 кандидатов филологических наук.

Значительные качественные изменения произошли также в организации, методах и теоретических основах научной работы по тюркским языкам. Новая организация научной работы в тюркском языкознании выразилась в широком распространении не известных до революции коллективных форм работы — как в самом научном исследовании, так и в его подготовке.

Стали обычными для научной жизни академических и остальных тюркологических институтов всесоюзные лингвистические конференции, совещания, дискуссии, симпозиумы по теоретическим вопросам описательной и исторической грамматики и фонетики тюркских языков (дискуссии о частях речи, глагольном виде, придаточном предложении, несколько общелингвистических конференций по проблемам морфологического типа и строения слова, аналитических конструкций, периодические совещания по диалектологии тюркских языков и др.). В Москве и Ленинграде в последние годы стали регулярными встречи по проблемам сравнительно-исторической фонетики и грамматики (в Москве), по узловым вопросам структуры тюркских языков, по истории науки и др. (в Ленинграде), организуемые соответственно сектором тюркских языков ИЯ АН СССР и ЛО ИВ АН СССР.

¹ В 1933 г. в Баку было создано Азербайджанское отделение Закавказского ФАН СССР, в 1937 г. реорганизованное в АзФАН СССР, на базе которого 30 VIII 1945 г. была создана Академия наук АзербСССР. В 1932 г. в г. Алма-Ата была создана Казахская база АН СССР, преобразованная в 1938 г. в КазФАН СССР; 1 VI 1946 г. была создана Академия наук КазСССР. В 1940 г. в Ашхабаде был создан Туркменский ФАН СССР, на базе которого 29 VI 1951 г. создана Академия наук ТуркмСССР. В 1943 г. во Фрунзе был открыт КирФАН СССР, 20 XII 1954 г. начала функционировать Академия наук КиргСССР. 4 XI 1943 г. на базе УзФАН СССР была организована Академия наук УзбСССР. На базе Молдавского ФАН СССР 2 VIII 1961 г. создана Академия наук МолдСССР.

Башкирский ФАН СССР был создан 12 V 1951 г., Татарский ФАН СССР — в 1945 г., Дагестанская база АН СССР (декабрь 1945 г.) в сентябре 1949 г. была реорганизована в ДагФАН СССР.

Все крупные описания фонетики и грамматики азербайджанского, узбекского, казахского, туркменского и других тюркских языков, вышедшие в последние десятилетия, разрабатывались преимущественно большими авторскими коллективами. Коллективно выполнены или выполняются крупномасштабные работы по всем разделам тюркского языкознания. (Москва, Ленинград).

В значительном количестве выходят в Москве, Ленинграде и в национальных научных центрах сборники (серия под названием «Тюркологический сборник», с 1951 г. и регулярно — начиная с 1970 г., Ленинград; «Вопросы диалектологии», начиная с 1958 г., Баку, вышло 5 выпусков).

Методологические и методические основы научной работы в тюркологических центрах АН СССР, равно как и в других аналогичных учреждениях страны, существенно отличаются от установок, сформировавшихся в академической и университетской тюркологии дооктябрьского периода. Советская тюркология явилась преемницей дооктябрьской тюркологии, она сохранила в своем научном арсенале приемы и наиболее совершенные схемы описательной, сравнительной и сравнительно-исторической тюркологии дооктябрьского времени, ее основные прогрессивные черты, особенно предоктябрьского периода. В то же время методологические принципы научно-исследовательских разработок в советской тюркологии опираются на материалистическую диалектику; об этом свидетельствует, в частности, развертывающееся исследование языкового явления во всех его связях и опосредованиях. Распространяющийся в последние годы в тюркологии системный подход к изучаемым явлениям языка создает условия для более глубокого внедрения метода материалистической диалектики в тюркское языкознание. Вместе с тем в арсенале методических приемов советской тюркологии сохраняются традиционный описательный, сравнительный и сравнительно-исторический методы, развиваются инструментальные методы в фонетических исследованиях, появляются первые опыты статистических исследований.

В послеоктябрьское время завершилась дифференциация тюркологии, от которой отпочковалось тюркское языкознание как самостоятельная отрасль лингвистической науки. Начало этой дифференциации положено научной деятельностью П. М. Мелиоранского, хотя в целом в дореволюционной тюркологии еще не созрели условия для выделения тюркологических дисциплин и специализации научных кадров. Специалисты старшего поколения, в известной части продолжавшие свою деятельность в послеоктябрьское время, нередко были не только языковедами, но и литературоведами и историками (А. Н. Самойлович, А. Е. Крымский, В. Д. Смирнов, В. А. Гордлевский и др.). Этот универсализм до некоторой степени сохраняется и у первого послеоктябрьского поколения тюркологов (Н. К. Дмитриев). Вскоре, однако, уходит в историю столь привлекательная фигура старого ориенталиста-энциклопедиста, которому в равной мере были доступны языки, литература, история, этнография и археология всего Ближнего Востока, что, впрочем, объяснялось еще и состоянием востоковедения в целом.

В наше время специализация тюркологов продолжает углубляться, объяснение чему следует искать в необычайно возросшем объеме научной информации и в ускорении темпов ее накопления. Начиная с предвоенного времени и особенно в последние десятилетия, в тюркологии постепенно сформировались кадры грамматистов-синтаксистов и специалистов по морфологии, диалектологов, а в последние годы — лексикологов и историков. Подобная специализация лишь частично коснулась академических институтов Москвы и Ленинграда.

Направления и области тюркологической работы сразу после Октября специально не планировались. На первых порах они складывались естественным образом и заявляли о себе, когда для этого созрели объективные и субъективные условия, т. е. когда накапливались достаточные материалы, наблюдения и формировались специалисты. Только после этого стало возможным планировать направления тюркологических разработок. Раньше всех, вскоре после революции, стали быстро разрабатываться письмо, грамматика и лексикография — терминологическая и общая. За последние два-три десятилетия сложились или особенно интенсифицировались такие новые или ранее слабо развитые в тюркологии отрасли, как инструментальная фонетика, лексикология, теоретическая разработка центральных (для данного этапа тюркского языкознания) вопросов строения тюркских языков на морфологическом, синтаксическом и фонетическом уровнях, позднее также топонимика. Столь же естественно и закономерно развернулись и продолжают расширяться исследования по истории тюркских языков почти во всех республиках и областях с тюркоязычным населением, которые в этом следуют опыту тюркологических коллективов АН СССР в Москве и Ленинграде; надо отметить, что в Ленинграде историко-лингвистическая работа без перерыва продолжалась после Октябрьской революции.

В последнее десятилетие в тюркологических центрах АН СССР в Москве (ИЯ АН СССР) и Ленинграде (ЛО ИЯ АН СССР и ЛО ИВ АН СССР) были начаты и частично завершены, частично продолжаются фундаментальные сравнительно-исторические работы общетюркологического порядка в области фонетики, грамматики (морфология и синтаксис) и лексикологии. Это направление научных исследований начинает прививаться также в сравнительно-тюркологических секторах или группах республиканских академических институтов. В самые последние годы в академических учреждениях Москвы выполнены первые ареальные исследования.

Существенные послереволюционные перемены в тюркологии и тюркологической практике можно дополнить справкой о том, что в одних лишь тюркологических секторах Института языкознания и ЛО Института востоковедения АН СССР за послевоенные годы прошли и закончили аспирантуру свыше ста представителей почти всех тюркских народов СССР, тогда как в старой Академии специальной организации по подготовке научной смены по тюркологии не существовало.

Обзор наиболее важных разработок в области фонетики тюркских языков за первые два десятилетия после революции целесообразно начать с перевода письменности на латинскую графику. Завершением большой подготовительной работы к переходу на латинскую графику был I тюркологический съезд, состоявшийся 26 II — 6 III 1926 г. в Баку², являвшемся центром подготовки к съезду, причем азербайджанский народ к тому времени уже имел двухлетний опыт практического пользования латинизированным алфавитом. В работе I тюркологического съезда приняли активное участие виднейшие языковеды страны и зарубежные гости — Л. В. Щерба, А. Н. Самойлович, Н. Ф. Яковлев, С. Е. Малов, Н. И. Ашмарин, Б. Чобанзаде, М. Ф. Кёпрюлю-заде (Турция) и др., выступившие с докладами по злободневным вопросам научной и прикладной тюркологии.

Переход на новый алфавит взамен арабского, просуществовавшего у

² Основные библиографические сведения см.: А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 26 примеч. 7 (далее — Кононов); а также: «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965, стр. 105—112.

тюркских народов по крайней мере в продолжение девяти столетий³, явился революционным событием во всей культурной жизни тюркских народов; резко сократились сроки усвоения грамотности. Одновременно введение латиницы послужило сильным толчком для привлечения внимания общественности к вопросам языкового строительства, прямым следствием чего было зарождение тюркского языкознания на местах или же объединение местных тюркологических кадров и оформление научно-исследовательских коллективов.

Вопросы алфавита и орфографии всегда оставались в поле внимания тюркологических коллективов в центре и на местах. В самые последние годы тюркологи ИЯ АН СССР выпустили несколько справочных пособий об алфавитах и орфографии тюркских народов СССР⁴.

Работы по фонетике, выполнявшиеся в институтах АН СССР и ее филиалах, подразделяются на описания звукового состава конкретного языка, этюды по отдельным фонетическим проблемам, инструментальные исследования по фонетике. Полные описания звукового состава языков выходили как отдельными монографиями, так и в составе фонетико-грамматических трудов. Раньше других появились исследования по отдельным вопросам фонетики (общетюркского или конкретно языкового характера) и в их числе — работы Е. Д. Поливанова, Н. К. Дмитриева, В. А. Богородицкого, К. К. Юдахина, П. А. Азимова и др.⁵

Довольно рано стали выходить общие описания фонетики конкретных тюркских языков, строящиеся (как в целом и в настоящее время) по плану, принятому в «Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen» В. В. Радлова (Leipzig, 1882—1883) с некоторыми добавлениями, — начиная уже с работ В. А. Богородицкого, А. П. Поцелуевского, И. А. Батманова и др.⁶

Внедрению понятия фонемы в фонетические описания в немалой степени содействовала деятельность Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР и его специалистов проф. Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, а также Е. Д. Поливанова, Н. К. Дмитриева и др. К середине 40-х годов понятие фонемы прочно вошло в тюркологическую практику научных учреждений и вузов, явившись заслоном против крайностей акустико-артикуляторной трактовки звукового состава языка, которых не избежала послеоктябрьская тюркология на первых порах⁷.

³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 221.

⁴ К. М. Мусатов, Алфавиты языков народов СССР, М., 1965; сб. «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР», М., 1972; сб. «Орфография тюркских литературных языков СССР», М., 1973.

⁵ Е. Д. Поливанов, К вопросу о долгих гласных в общетурецком языке, ДАН СССР, [Серия] В, № 7, 1927; его же, О буквах *k* и *q*, «Культура и письменность Востока», III, Баку, 1928; Н. К. Dmitrijev, On the pronunciation of the common Turkish R, JRAS, 1927, July; его же, *T*h in the modern Turkish languages, «Le monde oriental», 1929, XXIII; В. А. Богородицкий, Законы сингармонизма в тюркских языках, «Вестник научного общества татароведения», 6, 1927 (далее — ВНОТ); К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, «Узбек диалектологиясидан материаллар», I, Ташкент, 1957; П. А. Азимов, Түркмен дилиниң ясама сөздәрдеки фонетикаи үйтгешмелер, Ашгабат, 1944.

⁶ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., Казань, 1953; А. П. Поцелуевский, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936; И. А. Батманов, Современный киргизский язык, вып. 1 — Фонетика, 4-е изд., Фрунзе, 1963; А. К. Алекперов, Фонематическая система современного азербайджанского языка, Баку, 1971; Т. Течмырадов, М. Худайгулыев, Хазирки заман туркмен эдеби дилиниң фонетикасы, Ашгабат, 1970. См. также: Кононов, стр. 28—29 примеч. 12.

⁷ Н. И. Ашмарин, Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи, 1—3, Баку, 1926.

В 20-х годах на материале казанского диалекта татарского языка началось инструментальное изучение фонетики, связанное с именами В. А. Богородицкого и его ученика Г. Ш. Шарафа⁸; впоследствии эту разработку на туркменском материале продолжил А. П. Поцелуевский⁹. В 50-х годах инструментальные фонетические работы вновь возобновились и в нарастающих темпах продолжают в настоящее время. Совершенствование звукозаписывающих устройств сопровождается расширением тематики фонетических наблюдений. Внимание исследователей занято выяснением основных параметров гласных и согласных конкретных тюркских языков¹⁰. В последние годы начались исследования по словесному ударению и совершенно новой фонетико-синтаксической теме — интонации различных типов предложений¹¹.

Основное внимание тюркологов АН СССР и ее филиалов, равно как и остальных научных учреждений, а также вузов, где велись исследования по тюркским языкам, с самого начала сосредоточилось на малоизученных сторонах строя тюркских языков, прежде всего морфологии, а затем и синтаксиса. Целенаправленный характер занятий в области грамматики ускорил развитие теоретической мысли в тюркском языкознании. Весьма положительную роль в развитии грамматических исследований сыграло изменение методов анализа и в частности — переход к изучению языковых явлений по грамматическим категориям, начало чему было положено трудами Н. К. Дмитриева и других ученых не без влияния идей акад. А. А. Шахматова¹². Анализ грамматических явлений по категориям стал в советской тюркологии господствующим, а вопросы грамматики, занимающие преобладающую часть во всей послеоктябрьской тюркологической продукции, по-прежнему находятся на переднем плане научных интересов большей части советских тюркологов.

Разработке грамматических, как и фонетических, вопросов способствовали научные и учебные грамматики (фонетика, морфология, нередко синтаксис) конкретных тюркских языков¹³, которые вбирали в себя все

⁸ В. А. Богородицкий, Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным, ВНОТ, 4, 1926; Г. Ш. Шараф, Соворная длительность татарских гласных, ВНОТ, 8, 1928. Подробнее см.: Кононов, стр. 28 примеч. 9, 10.

⁹ А. П. Поцелуевский, Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм, «Изв. Туркменского филиала [АН СССР]», 1945, 3—4.

¹⁰ Т. К. Ахматов, Звуковой строй современного киргизского литературного языка, II, Фрунзе, 1970; А. Ахундов, Азербайджан дилинин фонемлер системи, Баку, 1973; С. Куренов, Туркмен дилиниц узун ве гысга чекимлилери, Ашгабат, 1971; Н. Д. Дьячковский, Звуковой строй якутского языка. Ч. I — Вокализм, Якутск, 1971. См. также: Кононов, стр. 28 примеч. 11.

¹¹ А. Махмудов, Словесное ударение в узбекском языке, Ташкент, 1960; З. Х. Таги-заде, Сложное предложение в азербайджанском литературном языке. АДД, Баку, 1965; А. Н. Нурмаханова, Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. АДД, Ташкент, 1966; И. Е. Алексеев, Мелодемы односоставных и двусоставных нераспространенных предложений якутского языка, «Языки и литература народов Сибири», Новосибирск, 1970.

¹² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1—2, Л., 1925—1927.

¹³ См., например: А. Н. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Л., 1925; В. А. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, М., 1928; Е. Д. Поливанов, Краткая грамматика узбекского языка, Ч. I—II, Ташкент — М., 1926; Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940; его же, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948; А. К. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935; А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956; его же, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960; А. П. Поцелуевский, Руководство для изучения туркменского языка с приложением краткого туркмено-русского словаря, Ашхабад, 1929; Н. А. Баскаков, Ногай-

то новое, что появлялось в современной тюркологии, вводя его в широкий научный оборот, и выполняли таким образом организующую и направляющую роль в развитии тюркского языкознания в республиках.

В области морфологии за истекшие десятилетия особое внимание тюркологических коллективов институтов АН СССР и ее филиалов, а также тюркологов национальных центров занимали проблемы именных частей речи, словообразования, в частности аналитического, залогов, глагольного вида, морфологической структуры слова.

В дооктябрьской тюркологии проблема именных частей речи специально не освещалась. Прилагательное как часть речи не выделялось («Грамматика алтайского языка» 1869 г., О. Н. Бётлингк, П. М. Мелиоранский); наречие, не всеми вычленялось на правах самостоятельной части речи (Бётлингк), иногда оно рассматривалось как частица («Грамматика алтайского языка»). В процессе преподавания тюркских языков в школе и вузе, при подготовке школьных и вузовских пособий по тюркским языкам теоретическая неразработанность проблемы частей речи обнаружилась довольно скоро, и встал естественный вопрос о критериях выделения частей речи, в том числе и именных. В 1936 г. А. К. Боровковым был предложен комплекс таких критериев — морфологических, лексико-семантических и синтаксических¹⁴, которые в дальнейшем стали общепринятыми. В специальной дискуссии о частях речи в 1945 г. и позднее предлагались также грамматическая, морфо-семантическая и чисто семасиологическая трактовки вопроса¹⁵.

В изучении строения слова и его морфологической природы тюркологии после длительного перерыва вновь вернулись к вопросам, трактованным в свое время В. В. Радловым¹⁶, — к природе тюркской агглютинации, к лексической (Inhaltsstoff) и формальной (Formstoff) частям слова, подвижности границы этих частей слова в истории тюркских языков¹⁷. Был предложен новый подход к решению этого вопроса с точки зрения динамики функционирования лексической и грамматической частей слова¹⁸.

В изучении многих других вопросов морфологии внимание тюркологов сосредоточилось преимущественно на выяснении лингвистической природы языкового явления: в вопросе о залогах — на их принадлежности слову или формообразованию, синтаксической семантике залога (отношения между субъектом и объектом действия, субъектам и действием и т. д.); в

ский язык и его диалекты, М.—Л., 1940; В. С o b a n z a d e, F. A o ğ a z a d e, *Türk otameti*, Вакъ, 1929; В. М. Н а с и л о в, *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940.

¹⁴ А. Б о р о в к о в, О частях речи в языках тюркской системы, сб. «Революция и письменность», 2, М., 1936.

¹⁵ См. об. этом: Э. В. С е в о р т я н, Вопросы грамматики в советской тюркологии, сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968 (далее — С е в о р т я н), стр. 310—311.

¹⁶ W. R a d l o f f, *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen*, St.-Pb., 1906.

¹⁷ См., например: сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963 (статьи В. А. Серебряникова, Н. А. Баскакова, А. М. Щербака); А. Н. К о н о н о в, О фузии в тюркских языках, сб. «Структура и история тюркских языков» (далее сб. обозначается сокращенно — СИТЯ), М., 1971; сб. «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965 (статьи А. К. Боровкова, Б. А. Серебряникова, Н. А. Баскакова, Э. Р. Тенишева); «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972; А. И. И с к а к о в, Морфологическая структура слова и именные части речи в казахском языке, АДД, Алма-Ата, 1964; Г. Ф. Б л а г о в а, Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения, ВЯ, 1970, 1; е е ж е, Комбинация аффиксов множественности — исконно алтайская константа или типологический параллелизм?, сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971.

¹⁸ С. У с м а н о в, О морфологическом анализе слова и его грамматической форме в современном узбекском языке, СИТЯ.

области аффиксального словообразования — на значениях словообразовательных показателей и производящих основ, продуктивности показателей; в области аналитического словообразования (так называемые «сложные слова») — их принадлежности формам словообразования или случаям лексикализованных словосочетаний; в вопросе о видах — их принадлежности к системе тюркского формообразования или же к аналитическим конструкциям¹⁹. Эти вопросы еще не получили единообразного решения, естественно поэтому, что выходявшие за последнее десятилетие монографии по морфологии конкретных тюркских языков отражают различные точки зрения²⁰.

Из неизученных вопросов синтаксиса особое внимание тюркологов привлекала проблема придаточного предложения, которая в течение ряда лет занимала одно из центральных мест в их разысканиях. В дооктябрьской тюркологии к придаточным предложениям относили — более решительно (П. М. Мелиоранский) или менее решительно («Грамматика алтайского языка») — деепричастные и причастные обороты, имеющие свой субъект. В послеоктябрьский период эта традиционная точка зрения получила разностороннее обоснование среди ее многочисленных сторонников; другая же часть тюркологов противопоставляла ей положение о том, что непременным признаком предложения является сказуемое в личной форме. Было высказано также мнение о синтаксически переходном характере названных неличных оборотов (Н. К. Дмитриев, А. П. Поделуевский)²¹.

На тюркском материале разрабатывались вопросы, актуальные также для специалистов по синтаксису иносистемных языков: интерпретация словосочетания как самостоятельной единицы синтаксиса, предложения как разновидности словосочетания (Е. И. Убрятова), квалификация предиката как модально-интонационного единства (З. Х. Таги-заде, З. И. Будагова) и др.²².

Все это многообразное движение грамматической и в частности — синтаксической мысли отразилось также в описаниях строя конкретных тюркских языков, которые осуществлялись в институтах АН СССР, ее филиалов и республиканских академий (работы А. Г. Гулямова, М. Б. Балакаева, Н. З. Гаджиевой, С. Н. Иванова, М. З. Закиева, М. Н. Хыдырова и др.²³).

¹⁹ Подробнее о словообразовании см.: Севортян, стр. 311 и сл. Литературу о залогах и видах см.: Кононов, стр. 30 примеч. 18, 19. См. также: С. Кудайбергенов, Синтетический способ образования глагола в киргизском языке. АДД, Фрунзе, 1968; К. Хабичев, Карачаево-балкарское именное словообразование, Черкесск, 1971.

²⁰ См.: Кононов, стр. 31 примеч. 22, а также: А. А. Юлдашев, Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965; «Грамматика туркменского языка». Ч. I — Фонетика и морфология, Ашхабад, 1970; «Кыргыз тилинин грамматикасы (Морфология)», Фрунзе, 1964. Ср. также: Х. Ф. Исхакова, Исследования в области формальной морфологии тюркских языков. АКД, М., 1972; А. Хожиев, Түлкисиз фель, Ташкент, 1970.

²¹ Более подробно и литературу см.: Севортян, стр. 315 и сл., а также: Кононов, стр. 12 и 31—32 примеч. 25. См. еще: Г. Абдурахманов, Синтаксис осложненного предложения, СИТЯ; М. А. Аскарова, К критериям придаточных предложений в современном узбекском языке, там же; С. А. Соколов. К вопросу о классификации сложных предложений в современном литературном турецком языке, там же; М. А. Аскарова, Узбек тилида эргашиш формалари ва эргашиш гаплар, Ташкент, 1966.

²² См.: Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка. I — Простое предложение, М.—Л., 1950; М. А. Черосов, Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке, Якутск, 1972; «Современный татарский литературный язык. Синтаксис», М., 1971.

²³ См. Кононов, стр. 28—29 примеч. 12 и стр. 22 примеч. 22; а также: Н. И. Ашмарин, Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. II, Симбирск, 1923; «Қазақ тілінің грамматикасы». I — Морфология, II — Синтаксис, Алматы, 1967;

Особо должны быть отмечены традиционные для отечественной тюркологии описания малоизученных языков: публикации С. Е. Маловым материалов по уйгурским диалектам, лобнорскому языку, языку желтых уйгуров, собранных им еще в 1909—1911 и 1913—1915 гг. во время двухкратных поездок в Западный и Центральный Китай (см.: К о н о н о в, стр. 35 примеч. 38), новые материалы и исследования Э. Р. Тенишева по уйгурским диалектам в местах пребывания С. Е. Малова, его же материалы и исследования по языку саларов и желтых уйгуров²⁴, грамматики караимского, гагаузского языков К. М. Мусаева, Л. А. Покровской (К о н о н о в, стр. 31 примеч. 22). Много нового внесла в знания о тувинском (урякхайском) языке грамматика этого языка Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха²⁵.

Дооктябрьская тюркология не имела разработанной методики и традиций в диалектологической работе (ср. редкие диалектные описания И. Н. Березина, В. Максимова, В. Писарева, А. Г. Бессонова и немногих других). В послеоктябрьский период пришлось начинать эту работу сначала и прежде всего с выработки приемов полевого сбора материала. Методика диалектографических обследований была разработана в 20—30-х годах Н. К. Дмитриевым и уточнена в двух специальных экспедициях — Башкирской 1928 г. и Крымской 1935—1936 гг., проводившихся под руководством ученого²⁶.

В отличие от других областей и направлений тюркского языкознания тюркологическими коллективами АН СССР регулярная и планомерная диалектографическая работа не проводилась: с самого же начала она естественным образом сосредоточилась в республиках и постепенно приобрела размах, сравнимый разве только с исследованиями по грамматике. Систематический и планомерный характер диалектография приобрела в Азербайджанской, позднее Узбекской, Туркменской, Киргизской академиях наук. В результате накоплен огромный ценный материал, в большей своей части уже опубликованный в форме монографий или статей. Среди них работы М. Ш. Ширалиева, Р. А. Рустомова, А. А. Гусейнова, М. Исламова, А. Г. Велиева, Ш. Ш. Шаабдурахманова, Ф. А. Абдуллаева, В. В. Решетова, С. Ибрагимова, Б. Джураева, С. Аразкулыева, С. Кульманова, С. Кюренова, Н. Нартыева, С. Аманжолова, Ж. Доскараева, Н. А. Баскакова, Д. Г. Тумашевой, Л. Т. Махмутовой, А. М. Аппаева и др.²⁷.

«Хозирги ўзбек тили». I — Фонетика, лексикология, морфология, II — Синтаксис, Тошкент, 1966; «Қъарачай-малкъар тилли грамматикасы. Фонетика, морфология, синтаксис», Нальчик, 1966; Н. А. Б а с к а к о в, Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. 1. Части речи и словообразование, М., 1952; «Языки народов СССР». II. — Тюркские языки, М., 1966.

²⁴ См.: К о н о н о в, стр. 35 примеч. 38; а также: Э. Р. Т е н и ш е в, Строй саларского языка. АДД, М., 1969 (одноименная монография в печати); е г о ж е, Саларский язык, М., 1963.

²⁵ Ф. Г. И с х а к о в, А. А. П а л ь м б а х, Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961.

²⁶ Н. К. Д м и т р и е в, Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР за 1928 г., «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959; е г о ж е, О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора, «Экономика и культура Крыма», 9—12, Симферополь, 1934; е г о ж е, Крымская языковая экспедиция, сб. «Революция и письменность», 2, М., 1936. См. также: Э. В. С е в о р т я н, Н. К. Дмитриев и основные направления диалектологических исследований в послеоктябрьской тюркологии, «Вопросы диалектологии тюркских языков» (ВДТЯ), IV, Баку, 1966.

²⁷ Литературу по диалектологии см.: К о н о н о в, стр. 15 и 35—36 примеч. 39, 40, 42. Дополнительно см. также: Е. Д. П о л и в а н о в, Звуковой состав ташкентского диалекта, «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, 1; е г о ж е, Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923; М. И с л а м о в, Азербайжан дилинин Нуха

В последние годы определилась новая методика диалектологического описания, исходящая из признания диалекта в качестве цельной языковой системы, взамен прежнего описания диалекта по пунктам его отличий от литературного языка. Советская тюркология в настоящее время располагает рядом синтезирующих диалектологических построений по азербайджанскому (М. Ш. Ширалиев), киргизскому (Б. М. Юнусалиев), туркменскому (Ж. Амансарыев; Р. Бердиев, С. Куренов, К. Шамырадов, С. Аразкулыев), узбекскому (В. В. Решетов и Ш. Шаабдурахманов), чувашскому (А. С. Канюкова) и некоторым другим языкам²⁸. Общим итогом диалектологической работы по тюркским языкам является большой труд («Тюркские диалекты СССР»), подготавливаемый в секторе тюркских языков ИЯ АН СССР.

С середины 60-х годов начали выходить диалектологические словари, имеющие устойчивые традиции в дореволюционной тюркологии. Число словарей растет²⁹, однако в целом диалектная лексикография пока серьезно отстает от диалектологической работы как в количественном, так и в качественном отношении тем более, что в самые последние годы намечилось развитие тюркской диалектологии в СССР в новых направлениях. Здесь прежде всего следует отметить, что в филиалах АН СССР и республиканских академиях широко осуществляется подготовка материалов для диалектологического атласа тюркских языков СССР под общим руководством сектора тюркских языков ИЯ АН СССР, выпустившего специальный вопросник³⁰, который уже обсуждался на представительных встречах тюркологов.

Синхронная лексикология как особая тюркологическая дисциплина сложилась после Октябрьской революции, причем заметно позже фонетики, грамматики и диалектологии тюркских языков. Раньше других отделов лексикологии начались исследования по тематической лексике, связанные с именами А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева³¹. Подобные работы оказались в последующее время наиболее продуктивными и охватили разнообразные тематические группы лексики: термины родства, глаголы движения, животноводческая, зоологическая, метеорологическая, профессиональная лексика³² и др.

диалекты, Баки, 1968; Н. А. Б а с к а к о в, Диалект кумандинцев, М., 1972; «Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы», Абакан, 1973.

²⁸ М. Ш и р а л и е в, Азербайжан диалектолокиязымын эсаслары, Баки, 1962; Б. М. Ю н у с а л и е в, Кыргыз диалектологиясы, Фрунзе, 1971; Ж. А м а н с а р ы е в, Туркмен диалектологиясы, I, Ашгабат, 1970; Р. Б е р д и е в, С. К у р е н о в, К. Ш а м ы р а д о в, С. А р а з к у л ы е в, Туркмен дилиниң диалектлериниң очерки, Ашгабат, 1970; В. Р е ш е т о в, Ш. Ш о а б д у р а х м а н о в, Узбек диалектологияси, Ташкент, 1962; А. С. К а н ю к о в а, Чувашская диалектология, Чебоксары, 1965.

²⁹ Библиографические сведения см.: К о н о н о в, стр. 36 примеч. 40. См. также: Ж. М у к а м б а е в, Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү, I, Фрунзе, 1972; «Диалектологик сүзлек», I—III, Казан, 1948—1958; «Диалектологический словарь татарского языка», Казань, 1969; «Азербайжан дилинин диалектоложи лугәти», Баки, 1964; «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі», Алматы, 1969; Л. П. С е р г е е в, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1968.

³⁰ «Вопросник „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“ (проект)», М., 1969. См. также: В. М. Ж и р м у н с к и й, О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза, ВЯ, 1963, 6.

³¹ А. Н. С а м о й л о в и ч, Название дней недели у азербайджанских турок, «Яфетический сборник», III, М.—Л., 1925; В. А. Г о р д л е в с к и й, Лексика караимского перевода Библии, ДАН, [Серия]В, Л., 1928; С. Е. М а л о в, Труды по древнетюркской лексике, «Труды МИВ», 4, М., 1947; Н. К. Д м и т р и е в, В. М. Ч и с т я к о в, З. Н. Б а к е е в а, Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе, М., 1952.

³² См.: К о н о н о в, стр. 32—33 примеч. 29, а также, например: А. П. Д у л ь в о н, Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья, «Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та», XI, 1954; Т. Б е г ж а н о в, Термины родства в муйнакском

Внимание лексикологов в большой степени привлекали вопросы омонимии и синонимии³³. О выделении тюркской лексикологии в самостоятельную и уже разработанную дисциплину свидетельствуют очерки лексика многих конкретных тюркских языков, опубликованные за последние 10—15 лет в составе описаний строя языка или отдельными монографиями³⁴.

Совершенно новый, неизвестный в дооктябрьской тюркологии раздел лексикологии составляет фразеология, получившая заметное развитие за последние 15 лет. В этой области следует указать на теоретические разработки, в числе которых исследования С. К. Кенесбаева, Ш. У. Рахматуллаева, Г. А. Байрамова и др., а также фразеологические словари и конкретные описания фразеологии ряда тюркских языков³⁵.

В послереволюционной тюркологии началось изучение заимствований и калек с русского (и через русский) в тюркских языках. Особенное развитие эта область получила в национальных тюркологических центрах. В большинстве опубликованных работ рассматриваются лексические заимствования послеоктябрьского периода, меньше привлекаются к изучению старые заимствования (см. Кононов, стр. 33—34 примеч. 32).

С 60-х годов заметно оживились исследования в одной из традиционных областей русской тюркологии — тюркизмов в русском, а также в других славянских языках. Интерес к этой теме пробудился также среди специалистов по другим восточно- и западнославянским языкам, чему содействовала инициатива, исходящая от тюркологов ИЯ АН СССР. Состоялось три симпозиума на тему о тюркизмах (в 1968 г. в Москве³⁶, 1969 г. в Минске, 1970 г. в Киеве; материалы симпозиума 1970 г. находятся в печати), опубликован ряд работ на данную тему, среди которых особое место занимает исследование Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»³⁷, где автор развивает методику сравнительно-исторических лексикологических разысканий, разрабатывавшуюся в трудах П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша.

Уже в первое послеоктябрьское десятилетие в качестве первоочередной была выдвинута наиболее традиционная из всех областей русской тюркологии — лексикографическая работа. Достаточно сказать, что советская лексикография получила в наследство такие ценнейшие синтезирующие труды, как «Опыт словаря тюркских наречий» (I—IV, СПб., 1893—1914) акад. В. В. Радлова и «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (I—II, СПб., 1869—1871) Л. Будагова. В первые же десятилетия после Октябрьской революции было закончено издание известного «Словаря

диалекте каракалпакского языка, ВДТЯ, IV; Р. Г. Мухамедова, Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР, «Материалы по татарской диалектологии», 2, Казань, 1962.

³³ Вопросам омонимии и синонимии в конкретных тюркских языках посвящено большое число кандидатских диссертаций. См. также: А. Болганбаев, Синонимы в казахском языке. АДД, Алма-Ата, 1974.

³⁴ См.: Кононов, стр. 32—33 примеч. 29, а также: У. Турсунов, Ж. Мухтаров, Ш. Рахматуллаев, Хозирги ўзбек адабий тили. Морфология, лексикология, Ташкент, 1965; «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология», М., 1969; Т. А. Эфендиева, Лексическая стилистика современного азербайджанского языка. АДД, Баку, 1973; «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1974.

³⁵ См.: Кононов, стр. 34 примеч. 33, а также: Г. А. Байрамов, Основы фразеологии азербайджанского языка. АДД, Баку, 1970.

³⁶ Сб. «Тюркизмы в восточнославянских языках», М., 1974.

³⁷ Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря, «Лексикографический сборник», 3, М., 1958. См. также: Г. Ф. Блатова, Историко-этимологические заметки о словах *басурманин* — *мусульманин* и *магометанин* — *мужаммеданин*, «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969; е е же, Из истории развития тюркских этнонимов в русском языке, ВЯ, 1974, 1; В. Гукасян, Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского, СИТЯ; Э. В. Севортян, Тюркизмы у ранних армянских писателей, там же.

якутского языка» Э. К. Пекарского — третьего классического образца отечественной лексикографии; начата и закончена публикация еще одного монументального труда — «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина³⁸.

Отвечая неотложным задачам и нуждам языкового строительства и культурной революции, послеоктябрьская тюркология пошла по пути создания тюркско-русских, а затем и русско-тюркских двуязычных словарей. Количество двуязычных словарей, изданных до настоящего времени, превышает сотню, среди них такие образцы современной тюркской лексикографии, как «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина (М., 1965, см. первый опыт этого словаря: М., 1940), «Узбекско-русский словарь» (М., 1959), подготовленный под руководством А. К. Боровкова, «Уйгурско-русский словарь» Э. Н. Наджиба (М., 1968) и др. Из многочисленных русско-тюркских словарей назовем четыре больших однотомных словаря: «Русско-казахский словарь» (М., 1954), «Русско-киргизский словарь» (М., 1957), «Русско-туркменский словарь» (М., 1956), «Русско-узбекский словарь» (М., 1954). За последние 10—15 лет лексикографический уровень двуязычных словарей по всем показателям значительно вырос.

Новой ступенью лексикографической работы явилась подготовка толковых словарей. Уже вышли толковые словари казахского, туркменского, азербайджанского языков³⁹, продолжается подготовка толковых словарей татарского, башкирского и других языков; все они являются нормативными. Продолжается издание терминологических словарей, начатое с большим размахом еще в первые десятилетия после Октябрьской революции.

Большой опыт издания тюркско-русских словарей позволил в последние годы заняться анализом выпущенных словарей и сформулировать ряд теоретических и методических установок, придерживаться которых необходимо при подготовке словарей (исследования А. А. Юлдашева и др.)⁴⁰.

С начала 50-х годов и особенно интенсивно в 60-х годах получили распространение работы по сопоставительной фонетике, грамматике, отчасти — лексике тюркских и русского языков, восходящие к традициям «Грамматики алтайского языка» и «Краткой грамматики казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского, в которых широко использован метод сопоставления тюркских материалов с русскими. Сопоставительные исследования после революции были продиктованы потребностями национальной школы, где проводится параллельное обучение национальному, русскому и иностранному языкам⁴¹. Несмотря на обилие сопоставительных работ, удачных опытов еще немного⁴², и при неразработанности специальной методики пока остается недостаточно ясным, что именно в этих сопоставлениях необходимо искать, какие вопросы необходимо решать (Кононов, стр. 11—12).

³⁸ Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, Пг. — Л., 1923—1930; Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, I — XVII, Казань — Чебоксары, 1928—1950.

³⁹ «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі», 1—2, Алматы, 1959—1961; «Түркмен дилинин сөзлүгі», Ашгабат, 1962; «Азәрбајжан дилинин изаһлы дүғәти», I — А — Г, Баку, 1966.

⁴⁰ А. А. Юлдашев, Принципы составления тюркско-русских словарей, М., 1972. См. также: «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971.

⁴¹ Е. Д. Поливанов, Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком, Ташкент, 1933. В настоящее время имеются сопоставительные (с русским языком) грамматики почти всех тюркских языков Советского Союза.

⁴² О. В. Захарова, Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков. Морфология, Фрунзе, 1965.

Привлечение сравнительных данных из других тюркских языков при синхронном описании строя конкретного языка в отечественной тюркологии имеет более чем полусторавекую традицию, которая начинается с грамматик И. Гиганова⁴³, М. А. Казем-Бека и О. Бётлингга, проходит через работы И. Н. Березина, Н. И. Ильминского и окончательно закрепляется в трудах В. В. Радлова (впервые — в «Phonetik der nördlichen Türkssprachen»). В послеоктябрьские годы эти приемы через посредство академической тюркологии распространяются на тюркологическую работу в национальных центрах. Наиболее полным выражением сравнительного метода в советской тюркологии явилось фундаментальное издание «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (ч. 1—4, М., 1955—1962), подготовленное коллективом специалистов Института языкознания АН СССР под руководством Н. К. Дмитриева и посвященное узловым вопросам структуры тюркских языков в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. «Исследования» были задуманы как подготовительный этап к будущей сравнительно-исторической фонетике и грамматике тюркских языков. Продолжением сравнительных разысканий является ряд исследований по фонетике и грамматике различных тюркских языков, в числе их — работы по классификационным группам тюркских языков⁴⁴.

Историко-лингвистические исследования в советской тюркологии возобновились с конца 40-х — начала 50-х годов. Однако изучение памятников, в том числе и старейших, без перерыва продолжалось в трудах С. Е. Малова, А. Н. Самойловича и последующего поколения тюркологов АН СССР — А. К. Боровкова, А. Н. Кононова, С. С. Джикия и других.

К концу 50-х годов обозначился решительный поворот внимания тюркологов в национальных республиках и областях к исторической тематике, исходя из чего Институты языкознания АН СССР и ТуркмССР созвали в 1959 г. в Ашхабаде координационное совещание тюркологов, посвященное методам исторического изучения тюркских языков⁴⁵. К этому времени был заметно пополнен корпус древнейших тюркских текстов, написанных руническим и уйгурским письмом. Вышли в свет книги С. Е. Малова об известных и вновь открытых рунических памятниках с комментариями и поправками к их старому чтению; исследование И. А. Батманова о следах диалектизмов в языке енисейско-орхонских памятников и др.⁴⁶. Выполнен целый ряд исследований по фонетике, морфологии и синтаксису древнетюркских и древнеуйгурских памятников, весьма существенно пополняющих наши сведения по названным разделам исторической тюркологии. В несколько меньшем объеме велись исследования по словарю Махмуда Кашгарского⁴⁷.

⁴³ См. об этом: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 211.

⁴⁴ См., например: Б. Ч. Чарьяров, Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. АДД, Ашхабад, 1970.

⁴⁵ «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961.

⁴⁶ См.: Кононов, стр. 38—40 примеч. 51, 52, 55, а также: W. Kotwicz, A. Samoilowitch, Le monument d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale, RO, IV, 1928; И. А. Батманов, Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности, сб. «Проблемы тюркологии и источниковедения», Казань, 1964; А. Н. Бернштам, Древнетюркские рунические надписи из Ферганы, «Эпиграфика Востока», XI, М.—Л., 1956; С. Г. Кляшторный, Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы, «Труды АН ТаджССР», III, вып. V, 1959; Э. Р. Тенишев, Древнеуйгурские надписи Киргизии, «Народы Азии и Африки», 1964, 1; А. М. Шербак, L'inscription runique d'Ouest-Elégueste (Touva), UAJb, 35, В. МСМЛXIII, 1964; П. И. Кузнецов, Бессоюзные придаточные предложения с формой на -dik в памятниках орхоно-енисейской письменности, «Советская тюркология», 1971, 4.

⁴⁷ Махмуд Кошғарий, Туркий сўзлар девони (Девону луғот-ит-турк).

В трудах А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и др. не прерывалось также изучение старотюркских памятников⁴⁸. Тюркология обогатилась целым рядом квалифицированных публикаций ценнейших, а в некоторых случаях — уникальных памятников (а также многими исследованиями по уже издававшимся памятникам), подготовленных А. К. Боровковым (по староузбекскому и более ранним языкам), А. Н. Кононовым (по староузбекскому и староузбекскому языкам), Т. И. Груниным (по армяно-кыпчакскому языку), С. С. Джикия (по старотурецкому языку), Э. Н. Наджибом (по хорезмийским и старокипчакским языкам), А. М. Щербаком (по староузбекскому и более ранним языкам), Э. Р. Тенишевым (по древнеуйгурскому языку)⁴⁹.

Интенсивно развивались изучение и публикация памятников в академиях наук Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, где вновь были переизданы, а также исследованы, иногда повторно, старокипчакские памятники XIII—XIV вв., а также «Санглях» Мирзы Мехди-хана и др. (см.: Кононов, стр. 18 и 39—40 примеч. 55). Эти издания в общем являются школой работы над памятниками, в которой накапливается опыт и отрабатываются необходимые приемы техники всестороннего исследования старых текстов. На этом этапе неизбежны упущения и недостатки, которые частично уже отмечались в научной литературе (см. например: Кононов, стр. 20).

С конца 40-х — начала 50-х годов все более интенсивно развиваются исследования по истории старописьменных литературных языков, содержащие описания фонетики, грамматики и лексики, классические образцы чего были даны еще П. М. Мелиоранским, Ф. Е. Коршем. Этот жанр историко-лингвистических разысканий особенно интенсивно разрабатывается в национальных тюркологических центрах. Уже вышли или подготовлены к печати исследования А. А. Ахундова, Дж. Г. Киекбаева, З. Б. Мухамедовой, А. Г. Гулямова, С. Н. Иванова, А. М. Щербака, Л. С. Левитской (по исторической фонетике и морфологии чувашского языка), М. Ш. Рагимова, Г. Абдурахманова, Ш. Шукурова, Э. А. Груниной, Г. Ф. Благовой и др.⁵⁰. Выполнены первые опыты исторических

Таржимон ва нашрга тайёрловчи... С. М. Муталибов, Тошкент, I—1960; II—1961; III—1963; IV (индекс) — 1967; Э. Р. Тенишев, Указатель грамматических форм к «Дивану Тюркских языков» Махмуда Кашгарского, «Труды Ин-та языкознания [АН КазССР]», 3, 1963; Т. А. Боровкова, Относительно первого издания словаря Махмуда Кашгарского, «Народы Азии и Африки», 1964, 5; А. М. Демирчи-Зале. Сравнительный метод лингвиста XI в. Махмуда Кашгарского, «Изв. АН АзССР», Серия общественных наук, Баку, 1964. Анализ Словаря Махмуда Кашгарского посвящен специальный номер журнала «Советская тюркология» (1972, 1).

⁴⁸ А. Н. Самойлович, Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1928, 5; С. Е. Малов, Ибн-Муханна о турецком языке, «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», III, 2, Л., 1928.

⁴⁹ А. К. Боровков, «Бад'и' ал-луғат» словарь Тали' Йимани Гератского к сочинениям Алишера Навои, М., 1961; его же, Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв., М., 1963; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958; «Книга моего деда Коркута». Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962; Алишер Навои, Возлюбленный сердце. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948; С. С. Джикия, Пространный реестр Гюрджистанского вилайета, кн. I—Текст, Тбилиси, 1947; кн. II — Перевод, 1941; кн. III — Исследование, 1958 (на груз. и русск. яз.); см. также: Кононов, стр. 39—40, 41 примеч. 54—56, 61.

⁵⁰ См.: Кононов, стр. 39—41 примеч. 54, 55, 60, 61, а также: З. Б. Мухамедова, Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв., Ашхабад, 1973; С. Н. Иванова, Родословное древо тюрков Абул-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969; Ш. Шукуров, Фель тарихидан. Қадими туркий ёдгорликлар тилида майл ва замон формалари, Тошкент, 1970; Э. А. Грунина, К истории указательных местоимений в турецком языке, СИТЯ.

грамматик азербайджанского (Х. И. Мирзазаде) и узбекского языков⁵¹.

Расширяется и совершенствуется историческая лексикология конкретных тюркских языков. К настоящему времени тюркология располагает крупными работами в этой области — публикациями Б. М. Юнусалиева, В. И. Асланова, Дж. Каграманова (на основе критического текста произведений Несими), П. Шамсиева и С. Ибрагимова, Э. И. Фазылова и др.⁵²

На очередь встает обобщающая тема истории литературных тюркских языков, намечившаяся уже в 50-х годах⁵³. Как и в исторической грамматике и фонетике конкретных тюркских языков, здесь также не все еще ясно в самом понятии литературного языка в историческом аспекте, ведутся поиски наиболее адекватных методов изучения. Исследование пока чаще всего ведется по грамматическим категориям, как и в синхронных описаниях. Однако более эффективным может оказаться анализ по микросистемам, как это показывают некоторые историко-лингвистические работы по азербайджанскому и узбекскому языкам (исследования М. Ш. Рагимова и Ш. Ш. Шукурова).

Несмотря на то, что историко-тюркологические публикации не всегда выполняются на основе абсолютно точных данных предварительной скрупулезной текстологической работы, не всегда их авторы оказываются во всеоружии известных в науке сведений по тому или иному предмету исследования, историческое языкознание в советской тюркологии тем не менее набирает темп развития, совершенствуя приемы работы, ставя перед собой все более сложные задачи, вовлекая в эту область тюркологии все возрастающее число специалистов.

Обращаясь к сравнительно-историческим исследованиям, нетрудно заметить, что, количественно уступая историко-лингвистическим работам, качественно они знаменуют собой новую ступень в изучении тюркских языков вообще. Мы вправе говорить о скачке, который совершила советская тюркология менее чем за одно десятилетие, обогатив тюркское языкознание рядом фундаментальных трудов в области фонетики, грамматики и лексики. Тюркологические коллективы ИЯ АН СССР в Москве и Ленинграде выпустили в свет первую наиболее полную и построенную на новейших материалах современных языков, их диалектов и всех тюркоязычных памятников сравнительно-историческую фонетику тюркских языков А. М. Щербака, содержащую опыт реконструкции фонологической системы тюркского языка-основы; первый в истории востоковедения опыт сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков Н. З. Гаджиевой, построенный на материале всех современных языков, их диалектов, всех важнейших тюркоязычных памятников; первый в истории тюркологии древнетюркский словарь; еще раньше увидели свет сравнительно-исторические исследования по лексике тюркских языков⁵⁴. Находится в печати 1 том «Этимологического словаря тюркских языков».

⁵¹ См.: Кононов, стр. 41 примеч. 61, а также: Ф. Абдурахмонов, Ш. Шукуров, Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Морфология ва синтаксис, Тошкент, 1973.

⁵² См.: Кононов, стр. 32 примеч. 28 и стр. 39—40 примеч. 55, 56, а также: В. И. Асланов, Историческая лексикология азербайджанского языка. АДД, Баку, 1973; Ч. Гөһрөманов, Несими «Диваны»нын лексикасы, Баку, 1973; П. Шамсиев, С. Иброҳимов, Навои асарлари луғати, Тошкент, 1972; Н. К. Антонов, Исследования по исторической лексике якутского языка. АДД, Якутск, 1973.

⁵³ С. П. Горский, Очерки по истории чувашского литературного языка. АДД, М., 1950.

⁵⁴ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970; Н. З. Гаджиева, Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, М., 1973; «Древнетюркский словарь», Л., 1969; «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961. См. также: Кононов, примеч. 28.

Тюркологи ИЯ АН СССР ведут исследования по сравнительно-исторической фонетике и грамматике тюркских языков. А. Н. Кононов занят выяснением состава целого ряда слово- и формообразующих аффиксов⁵⁵. А. М. Щербак закончил сравнительно-историческое описание имени и глагола в тюркских языках, Н. А. Баскаковым завершена первая часть историко-типологических исследований по тюркским языкам, К. М. Мусаев закончил сравнительно-исторический очерк лексики западнокыпчакской группы тюркских языков.

Существенной особенностью большинства этих работ является признания доказательности и правомерности привлечения данных современных тюркских языков и их диалектов наравне с показаниями памятников при решении генетических вопросов; это отличает послеоктябрьскую тюркологию от дореволюционной.

В самые последние годы начато еще одно, новое направление тюркологических разысканий — ареальное, которое представляется весьма перспективным и для историко-лингвистических занятий по тюркским языкам. В Москве выполнены первые работы на эту тему — обстоятельное исследование Н. З. Гаджиевой (ИЯ АН СССР) об ареальных процессах в регионе Средней Азии (в печати) и работа Г. Ф. Благовой на близкую тему, но в плане диахронической лингвогеографии⁵⁶. К теме ареальных исследований близка проблема языковых контактов, в частности, двуязычия, которая уже привлекала внимание тюркологов и иранистов на материале того же среднеазиатского региона⁵⁷.

С разысканиями в области исторической лексикологии близко сопрягаются работы по тюркской топонимии, заметно распространившиеся за последние десятилетия в институтах филиалов АН СССР и национальных академий. За короткий срок топонимические исследования заняли свое место среди тюркологических дисциплин, стабилизировались методы, выработана типовая программа топонимической полевой работы, в чем несомненны заслуги А. П. Дульзона, Э. М. Мурзаева, В. А. Никонова и др.⁵⁸ Можно отметить также усиление интереса тюркологов (З. Б. Мухамедовой и др.) к вопросам антропонимии, хотя в целом работы в этой области пока носят эпизодический характер.

Появились первые опыты применения статистических методов исследования к тюркскому материалу (в частности, статистико-лингвистический анализ как графической и фонологической системы узбекского языка, так и структуры глагола в казахском языке).

В последнее десятилетие особенно настойчиво входит в сферу научных интересов тюркологов проблема общности алтайских языков. Наряду с дискуссиями об источниках алтайской общности, ставшими в этой области чуть ли не научной традицией, правда, мало плодотворной, в последнее время начались исследования общих элементов алтайских языков с перспективой на дальнейшее углубление. Систематические и планомерные ис-

⁵⁵ А. Н. Кононов, Показатели собираемости-множественности в тюркских языках, Л., 1969; его же, О фузии в тюркских языках; А. Н. Кононов, *İsimlerin ve sıfatların küçültme şekilleri ve söz yapımı*, TDAÜ — В (1968), 1969.

⁵⁶ Г. Ф. Благова, К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии, ВЯ, 1972, 5.

⁵⁷ А. К. Боровков, Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков, «Уч. зап. ИВ АН СССР», IV, 1952; В. С. Растворгуева, Об устойчивости морфологической системы языка, сб. «Вопросы теории и истории», М., 1952. См. также: П. С. Джидалев, К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов. АДД, Баку, 1972.

⁵⁸ См.: Кононов, стр. 34—35 примеч. 35, а также: «Совещание по топонимике Востока (Тезисы докладов)», М., 1961; А. П. Дульзон, Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимии, М., 1960; З. Б. Мухамедова, О некоторых гидронимах западной Туркмении, СИГЯ.

следования в этом направлении ведутся в алтайском секторе ЛО ИЯ АН СССР, который уже подготовил несколько коллективных трудов⁵⁹.

Традиционный и трудный вопрос о классификации тюркских языков остается в числе важнейших для современной тюркологии. К нему неоднократно обращались тюркологи в послеоктябрьское время. Первым среди них должен быть назван акад. А. Н. Самойлович, который объединил критерии классификации В. В. Радлова и Ф. Е. Корша, присовокупив к ним собственные дополнения⁶⁰. Классификация А. Н. Самойловича пока остается наиболее распространенной. Появились также новые классификации — С. Е. Малова⁶¹, Н. А. Баскакова, Б. А. Серебренникова (см. об этом: Кононов, стр. 36—37 примеч. 44, 45). Из них первые две исходят из исторического взгляда на задачи классификации: классификация С. Е. Малова направлена на определение объема древних черт в современных языках, классификация Н. А. Баскакова отправляется от периодизации развития и формирования тюркских языков. Классификация Б. А. Серебренникова опирается на определение общности слов в разных группах тюркских языков. Опыты классификации тюркских языков свидетельствуют о том, что решение этого вопроса упирается прежде всего в недостаточную изученность общих черт в языках близкородственных групп, а также в недостаточную разработанность самих принципов классификации.

История отечественной тюркологии за все эти годы оставалась предметом постоянных забот большого числа тюркологов АН СССР, ее филиалов и республиканских академий наук. За прошедшие десятилетия вышло значительное число работ по истории тюркского языкознания в нашей стране и среди них ряд обобщающих трудов А. Н. Кононова, Н. К. Дмитриева, А. К. Боровкова и др.⁶².

С 1970 г. начал выходить специальный тюркологический журнал «Советская тюркология» с периодичностью шесть номеров в год. Журнал позволяет получить достаточно полное представление о тюркологической работе в СССР.

Постановлением Президиума АН СССР от 3 II 1973 г. учрежден Советский комитет тюркологов для общей координации научной работы по тюркским языкам в СССР. Постановление открывает широкие перспективы в деле упорядочения научно-организационной работы в области тюркского языкознания в нашей стране.

Как это наблюдалось не раз в истории востоковедения, советская тюркология вновь сосредоточивает свои усилия на ведущих направлениях и ключевых проблемах в тюркском языкознании, имея в своем активе большой объем научных разработок по актуальным вопросам тюркского языкознания, выполненных за десятилетия, прошедшие после Октябрьской революции. Тюркское языкознание в АН СССР и тюркологических центрах страны находится на подъеме, уверенно прокладывая новые пути и повышая масштабы решаемых им научных задач.

⁵⁹ Сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971; «Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков», Л., 1972. См. еще: Т. А. Бертагеев, О относительности некоторых корневых глаголов в тюркско-монгольских языках, «Central Asiatic journal», 1973, XVII, 2—4. См. также: Кононов, стр. 41—42 примеч. 62; А. Н. Кононов, Altaic linguistics in the USSR, «PIAC Newsletter», 1972, 7; е го же, Тюркское языкознание в Академии наук, ВЯ, 1974, 3.

⁶⁰ А. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922.

⁶¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 5—7.

⁶² Библиографические сведения см.: Кононов, стр. 23 и 42—43 примеч. 66, 67. См. также: А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР, 1917—1967; е го же, История изучения тюркских языков в России; «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет», «Советская тюркология», 1972, 6; Се в о р т я н, стр. 307 и сл.

Э. А. МАКАЕВ, Н. З. ГАДЖИЕВА

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

Развитие отечественной компаративистики связано с Академией наук, в стенах которой сотрудничала плеяда замечательных ученых — основателей русского языкознания.

Корни сравнительно-исторического языкознания в России, за полтора века своего существования ставшего эталоном строгого и непротиворечивого лингвистического анализа, восходят к далекому прошлому — к началу XVIII в. и связаны с именем гениального русского ученого академика М. В. Ломоносова (1711—1765), давшего блестящие образцы научного творчества и сделавшего замечательные открытия, на много лет опередившие западную науку. Работы М. В. Ломоносова не только пролагали новые пути в науке, они были призваны служить камертоном для любого научного исследования, любого научного поиска.

Ломоносов глубоко знал русский язык во всем многообразии его диалектов и был хорошо знаком с древнерусскими письменными памятниками¹; он первым четко разграничил русский и старославянский языки, притом не только для своего времени, но и для древнейших времен нашей письменности. Зная старославянский и древнерусский, Ломоносов имел также достаточно ясное представление обо всей славянской группе языков в целом², о чем свидетельствует его высказывание в одной из черновых заметок: «Языки отъ славенского произошли: 1) россійской, 2) польской, 3) болгарской, 4) сербской, 5) чешской, 6) словацкой, 7) <вандалской> вендской»³. Перечисляя почти все славянские языки, Ломоносов определяет и характер взаимоотношений между ними. Он указывает, например, на большую близость «великороссийского языка» с языками «славян, около Дуная и в Иллирике обитающих» (т. е. южнославянских), чем с языком польским, «не взирая на безразрывную нашу с поляками пограничность»⁴.

Сравнением языков занимались и до Ломоносова, однако сопоставление носило беспорядочный, бессистемный характер — брали самые разные языки и сравнивали их слова по случайному чисто внешнему созвучию. С именем Ломоносова связано внесение большей точности и строгости в сравнение языков.

Заслуживают серьезного внимания взгляды Ломоносова на «сродство» языков. Он не считал, что родоначальником «сродственных» языков является какой-либо из исторически засвидетельствованных (заметим, что даже в XIX в. многие считали санскрит чуть ли не родоначальником индоевропейских языков). Ломоносов неоднократно подчеркивал самостоятельность славянских языков: «А чтобы славенский язык столь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки, и особливо что славенский язык ни от Греческого, ни от Латинскаго, ни от дру-

¹ См.: П. С. Кузнецов, М. В. Ломоносов в истории русского языкознания, «Вестн. МГУ», Серия обществ. наук, 3, 7, 1950, стр. 117, 118.

² Там же, стр. 118.

³ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 7, М.—Л., 1952, стр. 609.

⁴ Цит. по работе: П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 118.

того какова известного не происходит, следовательно сам собою состоит уже от самых древних времен и многочисленные оные Славенские народы говорили Славенским языком еще прежде Рождества Христова»⁵.

В трудах Ломоносова высказывается важное положение сравнительно-исторического языкознания — мысль о происхождении родственных языков из общего первоисточника — праязыка, в результате разделения которого образовались современные индоевропейские языки. Великий русский ученый заложил основы теории процесса дифференциации языков. Наиболее древним, по утверждению Ломоносова, было отделение друг от друга латинского, греческого, германских и славянских языков. В более поздний, по его мнению, исторический период произошло в свою очередь разделение этих языков, например славянского на славянский и балтийский, в дальнейшем нового славянского — на русский и польский⁶. С попытками установления известных закономерностей в развитии родственных языков связана выработка основ отечественной компаративистики. Естественно, говорить о разработанной методике сравнительно-исторического анализа в эпоху Ломоносова нельзя, однако необходимо подчеркнуть, что отечественная компаративистика связана с именем этого выдающегося русского ученого.

Для отечественной компаративистики с самого ее зарождения была характерна широта охвата языковых материалов, сопровождающаяся интенсивностью их разработки. Издание материалов языковых памятников и открытие новых языков и диалектов давали возможность ставить и решать вопросы сравнительной грамматики родственных языков.

Традиции изучения славянских языков в сравнительно-историческом плане в начале XIX в. были продолжены академиком А. Х. Востоковым (1781—1864).

Отечественную компаративистику XIX в. характеризует выдвижение принципов исследования, шедших вразрез с устоявшимся к тому времени подходом в европейской, большей частью — немецкой, лингвистике⁷. В русском языкознании большое внимание обращалось на реальные процессы, составляющие основу языковых изменений, на каузальную зависимость наблюдаемых фактов; делались попытки установить непосредственную связь между сравнительно-историческими исследованиями и изучением истории отдельных языков⁸. Значение данных истории отдельных конкретных языков для сравнительно-исторических исследований особо подчеркивал один из основателей исторического изучения языка акад. А. Х. Востоков⁹, впервые сформулировавший также методические требования к этимологическому словарю. В своем труде «Рассуждение о славянском языке» (СПб., 1820) А. Х. Востоков впервые в истории мировой компаративистики вводит оказавшуюся впоследствии чрезвычайно плодотворной процедуру сравнения данных старославянского языка с соответствующими явлениями современных литературных славянских языков (например, польского) и их диалектов.

На основании подобного соположения материалов Востоков приходит к открытию первостепенной важности в области фонетики славянских языков. Наблюдения и методика А. Х. Востокова обогатили сравнительную грамматику родственных языков и расширили ее горизонты, но нашли

⁵ Там же, стр. 123.

⁶ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 7, стр. 609, 658—659.

⁷ См. об этом: Ф. М. Березин, Очерки по истории языкознания в России, М., 1968, стр. 45.

⁸ Там же.

⁹ См.: А. Х. Востоков, Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, СПб., 1842.

широкое применение лишь полвека спустя в различных направлениях европейского компаративизма. В русской компаративистике традиции А. Х. Востокова никогда не прерывались, найдя себе достойных приемников в лице академиков Ф. И. Буслаева (1818—1897) и И. И. Срезневского (1812—1880). Исторический метод исследования языка получил дальнейшее развитие в трудах Ф. И. Буслаева¹⁰. Плодотворны его высказывания относительно того, что историческая грамматика должна основываться на изучении явлений не только литературной, но и народной речи (необходимость учета диалектов).

Исключительны заслуги акад. Ф. Ф. Фортунатова (1848—1914) в области сравнительной грамматики индоевропейских языков и шире — в области общей методологии сравнительного языкознания. Отличительной чертой творческого почерка Ф. Ф. Фортунатова является несвойственная для того времени строгость лингвистического анализа. Если допустимо сформулировать лингвистическое кредо Фортунатова в терминах современного языкознания, то оно может быть выражено следующим образом: лингвистический анализ любой семьи родственных языков, а также отдельного его представителя должен начинаться с описания его нижних уровней и постепенно подниматься до описания высших уровней. Только тогда, когда исчерпаны все возможности фонетического уровня (или: возможности фонетического объяснения данного уровня), допустим и необходим переход к описанию других уровней в терминах соответствующих уровней. Эти принципиальные положения, обнаруживающие глубину мысли ученого, позволили Ф. Ф. Фортунатову сделать ряд открытий первостепенной важности, навсегда вошедших в золотой фонд мировой науки. Так, интенсивные занятия славянской и балтийской акцентологией привели ученого к открытию закона, который в сравнительной грамматике индоевропейских языков носит название закона Фортунатова — Сосюра. Многолетние занятия древнеиндийским языком позволили исследователю открыть закономерность в области древнеиндийского консонантизма, получившую в дальнейшем наименование закона Фортунатова. Замечательная логическая стройность и строгость методологии Ф. Ф. Фортунатова неоднократно отмечалась ведущими западными компаративистами, в частности А. Мейе и К. Бругманом.

Сравнительная грамматика составляет часть предпринятых в XIX в. систематических исследований исторической эволюции явлений природы и общества. Для развивавшейся в прошлом столетии русской компаративистики было характерно методическое изучение исторических причин языковой эволюции.

Развитие славистики, как и других частных филологий (индологии, иранистики, финноугроведения, тюркологии и др.), обязано своими успехами внедрению представителями русской школы отечественного языкознания таких приемов сравнительно-исторического анализа, которые вскрывали закономерное действие строгих соответствий там, где поверхностное наблюдение обнаруживает только аномалию. «Приложение теории постоянства фонетических законов к системе гласных, к аналогии, к диалектам и к заимствованиям и открытия, явившиеся в результате этого, заставляли пересмотреть сравнительную грамматику каждого языка во всех ее подробностях»¹¹.

¹⁰ См.: Ф. И. Бусл а е в, О преподавании отечественного языка, М., 1867; е г о ж е, Историческая грамматика русского языка, СПб., 1865 (ср.: М., 1959).

¹¹ См.: А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 465.

Русская школа компаративистов XIX в. в лице ее лучших представителей — А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Потебни (1835—1891), И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845—1929), А. А. Шахматова (1864—1920) — заложила прочный фундамент для отечественной компаративной славистики.

Складывающаяся методика сравнительно-исторических исследований в области славистики с самого начала имела непреходящим условием опору на фактический материал, на обязательное соблюдение принципов однородности фонетических изменений, на соблюдение принципа относительной хронологии¹².

Представители казанской школы русского языкознания — И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. А. Богородицкий (1857—1941) — выдвинули свое толкование хронологии языковых явлений, свидетельствующее о глубоком понимании исторических и причинных связей между фактами родственных языков. Уже самим пониманием сущности языкознания концепция Бодуэна де Куртенэ и его учеников отличалась от младограмматического направления. Бодуэн де Куртенэ полагал, что в языкознании «сравнение... — не цель, а одно из средств»¹³. В своих славистических трудах, посвященных русскому, польскому языкам, Бодуэн де Куртенэ по существу одним из первых в русском языкознании сделал попытку проследить хронологию отдельных этапов развития морфологической структуры в общем плане, а также хронологию отдельных фонетических процессов¹⁴.

Правильное понимание самого момента изменения как результата накопления целого ряда постепенных минимальных мутаций в языке, признание исторической изменчивости языковых категорий характерно также для исследовательской практики А. А. Потебни (1835—1891), с именем которого связано внедрение новых методов в изучение исторического синтаксиса. Ученый выдвинул два основных принципа в понимании и исследовании синтаксических явлений: 1) принцип исторической изменчивости синтаксических категорий и соответственно принцип историзма в осмыслении современной синтаксической системы, 2) принцип структурной взаимосвязанности основных грамматических категорий — слова, части речи, члена предложения и предложения¹⁵. Впервые в истории языкознания выдвигается принцип структурной сплоченности и соотносительности всех элементов языка, принцип системности синтаксиса.

Значительную лепту в теорию системности синтаксиса внес акад. А. А. Шахматов. Принципиальный интерес для методики сравнительно-исторического языкознания представляет предпринятая А. А. Шахматовым реконструкция состояния общерусского языка. Таким образом, русская школа компаративистики (казанская, московская и харьковская) предложила новую для своего времени методологию.

«Гипотетичность воссоздаваемых праязыковых форм, отсутствие в них конкретности живых языков заставили В. А. Богородицкого перенести центр тяжести сравнительно-грамматических исследований с воссоздания праязыков на определение хронологической последовательности явлений

¹² См., например: Ф. Ф. Фортунатов, Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов, ИОРЯС, XIII, кн. 2, 1908.

¹³ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении, в его кн.: «Избр. труды по общему языкознанию», I, М., 1963, стр. 57.

¹⁴ См., например: И. А. Бодуэн де Куртенэ, О древнепольском языке до XIV столетия, Лейпциг, 1870; его же, Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка, читанных в 1880/1881 г., вып. I, Воронеж, 1882.

¹⁵ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 516—517. См. также: В. В. Виноградов, Новые пути исторического и сравнительно-типологического изучения русского синтаксиса, в его кн.: «Из истории изучения русского синтаксиса», М., 1958, стр. 333.

от их первоначального времени и до настоящего, и уже как дальнейшее — сравнение таких явлений в отдельных ветвях и распространение их по языкам-основам отдельных групп языков»¹⁶. Взгляды В. А. Богородицкого на проблему балто-славянских языковых связей получили дальнейшее развитие в трудах советских славистов.

Прогрессивное значение сравнительно-исторического исследования славянских языков в дореволюционный период было подчеркнуто еще в середине прошлого столетия Н. Г. Чернышевским, у которого обостренный интерес к различным аспектам этого направления лингвистики проявился в многочисленных высказываниях по вопросам генеалогической классификации языков, в частности — индоевропейских языков и их строя, а также в том, что он, популяризируя в России идеи компаративистики, перевел на русский язык основополагающий труд О. Шрадера «Sprachvergleichung und Urgeschichte» (Leipzig, 1883 — М., 1886).

Исключительные заслуги в области изучения индийских языков принадлежит акад. О. Н. Бётлингку (1815—1904). С его именем связано создание санскритского словаря Петербургской Академии наук. Работа над словарем, составившим эпоху не только в области индоиранской филологии, но и сравнительного языкознания, велась более 20 лет (1852—1875). Словарь этот, изданный в семи томах при участии таких авторитетных санскритологов, как Г. Рот, Т. Ауфрехт, Д. Уитни, был, по подсчетам Б. Дельбрюка, на $\frac{9}{10}$ создан самим О. Бётлингом. После окончания этого magnum opus санскритской филологии О. Бётлингк приступил к составлению сокращенного древнеиндийского словаря. В связи с чем обратился к прежнему соавтору Роту с просьбой принять в нем участие. Г. Рот отказался, ответив Бётлингку словами Вергилия: «infandum regina jubes genovare dologet». Работу над этим словарем, состоявшим также из семи томов, О. Н. Бётлингк закончил через 10 лет (1879—1889).

Б. Дельбрюк отмечал, что Петербургский словарь мощно повлиял на развитие сравнительного языкознания: он требовал отказа от фантастических этимологий индоевропейских корней, обращая внимание исследователей на зафиксированные в памятниках лексемы с их сложными смысловыми связями. Свой некролог о О. Бётлинге Б. Дельбрюк заключил примечательным признанием: «Российская Академия наук, куда в 1842 году был избран Бётлингк, имеет перед всеми другими академиями (Европы. — Э. М., Н. Г.) то преимущество, что она предоставляет своим членам достаточное материальное обеспечение, не требуя взамен ничего, кроме научной работы»¹⁷.

Исследования по индоиранским языкам Петербургской Академии наук начались уже со второй половины XVIII в. Особенно плодотворными были многочисленные экспедиции, которые регулярно устраивались Академией и в результате которых были получены весьма ценные сведения о многих народностях и языках обширной Российской империи. В труде акад. И. А. Гюльденштедта, изданном после его смерти (1781) акад. П. С. Палласом, содержится параллельный глоссарий «афганского, дигорского и осетинского» языков; примечательно, что Гюльденштедт сознавал уже родство между персидским, осетинским и курдским языками, хотя и трактовал отношения между ними неправильно¹⁸.

В начале XIX в. делаются попытки привлечь «древний персидский, или мидийский, язык» для обоснования «сходства санскритского языка с русским», а также объяснить сходство между языками Европы и Азии общим

¹⁶ Ф. М. Березин, указ. соч., стр. 217.

¹⁷ В. Delbrück, O. v. Böhtlingk, IF, 17, 1904—1905, стр. 134—135.

¹⁸ См. об этом: И. М. Орanskiy, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 358.

их происхождением от древнего «мидского» (мидийского) языка (Ф. П. Аделунг, Ст. Сестренцевич-Богуш и др.). На этой точке зрения стоял в 1812 г. и А. Х. Востоков, указывавший на «сродство» греческого, латинского, немецкого и славянских языков с персидским и объяснявший это «сродство» общим их происхождением от «древнего мидийского». Востоков интересовался и вопросом о скифских и сарматских именах у греческих историков, справедливо полагая, что вопрос о языковой принадлежности скифо-сарматских племен можно определить только по географическим названиям, переживающим «многими тысячами лет... существование того народа, от коего первоначально изречены были»¹⁹. Таким образом, уже в начале XIX в. А. Х. Востоковым был намечен тот путь, которым впоследствии пошел акад. В. Ф. Миллер и другие ученые, занимавшиеся вопросом о скифском языке²⁰.

С именем акад. Б. А. Дорна (1805—1885), которому принадлежит первое научное описание афганского языка, связано развитие историко-филологического направления в иранистике. К тому же направлению примыкал известный индолог К. А. Коссович (1815—1883), инициатор преподавания в России авестийского и древнеперсидского языков (начиная с 1863 г.). Ему же принадлежит заслуга создания курса сравнительной грамматики индийских и иранских языков.

Наиболее крупным представителем историко-сравнительного направления в области иранских языков был акад. К. Г. Залеман (1849—1916). Значительный вклад в изучение древних и современных иранских языков и их диалектов внесли академики Ф. Е. Корш (1843—1915) и В. Ф. Миллер (1846—1913). Известная трехтомная монография В. Ф. Миллера «Осетинские этюды» (М., 1881—1887), в которой впервые было доказано родство осетинского языка со скифским, послужила уже в послеоктябрьский период образцом для значительного количества публикаций по сравнительному анализу иранских языков.

В области других языковых групп сравнительные исследования велись менее интенсивно. Ведущая роль в компаративистике как в первые два столетия, так и поныне принадлежит исследованиям индоевропейской языковой семьи в целом. Результаты сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков были настолько значительными, что соответствующая методика, выработанная на материале этих языков, вскоре была перенесена и на исследование других семей родственных языков в этом плане.

Так, наряду с индоевропейской, славянской компаративистикой возникло сравнительно-историческое изучение тюркских, финно-угорских, кавказских языков. Корни сравнительно-исторического изучения тюркских языков, как и финно-угорских и кавказских, уходят в далекое прошлое, к периоду основания Петербургской Академии наук. Внимание к сравнительному изучению языков было характерно для лингвистики XVIII в. Не случайно, что конец XVIII в. ознаменовался крупным событием — изданием под покровительством Екатерины II «Сравнительного словаря всех языков и наречий». В 1787 г. была издана первая часть этого словаря, включавшая 285 слов из 51 европейского и 149 азиатских языков. Во второй части словаря (1789) и в новом его издании (4 части, 1790—1791) был добавлен материал еще из 79 языков, в том числе — африканских и американских.

В области изучения тюркских языков господствовало филологическое направление. Основное внимание уделялось описанию и публикации древ-

¹⁹ А. Х. Востоков, Задача любителям этимологии, «Санкт-Петербургский вестник», ч. 1, февраль, 2, 1812, стр. 204—215.

²⁰ И. М. Орanskiy, указ. соч., стр. 360.

нетюркских памятников и рукописей, их филологической интерпретации, характеристике языка отдельных ранних письменных источников и т. д. В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский заложили прочный фундамент для изучения и публикаций древнетюркских памятников. Тюркологов всегда привлекала область этимологий отдельных слов и истории отдельных грамматических форм.

Большим событием в тюркском языкознании рубежа XIX—XX вв. было издание «Опыта словаря тюркских наречий» акад. В. В. Радлова (I—IV, СПб., 1893—1911). Сравнительные словари тюркских языков (ср. ещё: Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I—II, СПб., 1869—1871) привлекали внимание к методике сравнительных исследований. Фактический материал, который должен лежать в основе любой сравнительной грамматики, в том числе и тюркских языков, медленно, но верно расширялся, пополнялся и уточнялся.

В дореволюционный период только закладывались основы сравнительно-исторического изучения тюркских языков, поэтому ни по методике исследований, ни по их результатам оно не могло сравниться с уровнем изучения индоевропейских языков. Реконструкция основных контуров праязыка и его промежуточных звеньев была в индоевропеистике на протяжении многих десятков лет центральной задачей, выполнению которой были подчинены многочисленные частные исследования. Такая задача не стояла перед дореволюционной тюркологией. Лишь якутская грамматика акад. О. Н. Бётлингга²¹ по зрелости синхронного описания была на уровне сравнительного изучения индоевропейских языков, достигнутом к середине XIX в. Эта грамматика отдельного тюркского языка, которая, по словам В. Штрайтберга, была лучшей из существующих описательных грамматик какого-либо языкового семейства²², в дальнейшем послужила отправным пунктом для некоторых теорий в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, а именно объяснение различных путей образования и развития именной парадигматики в древних и современных индоевропейских языках. Следует подчеркнуть прозорливость О. Бётлингга, сумевшего провести четкое различие между функциональным и парадигматическим анализом падежной системы, что впоследствии стало одним из элементарных методических требований, предъявляемых к грамматическому описанию любого языка. При описании индоевропейского склонения Г. Хирт в 1927 г. ввел в научный обиход компаративистов термин О. Бётлингга *Casus indefinitus* («неопределенный падеж»), непосредственно ссылаясь на замечательную, по словам Хирта, работу Бётлингга²³. Отныне в многочисленных работах по общему и сравнительному языкознанию на материале самых различных языковых семей входит во всеобщее употребление термин Бётлингга *Casus indefinitus*. Соответствующая идея Бётлингга получила развитие в тюркологических трудах его последователей, выделивших категорию определенности — неопределенности.

Близость отдельных тюркских языков между собой позволяла целому ряду тюркологов считать праязыковую гипотезу излишней. В трудах классиков русской тюркологии вопросы реконструкции тюркского праязыка не ставились, хотя и намечались многие кардинальные проблемы тюркской сравнительно-исторической грамматики, такие, как классификация тюркских языков (ср. классификации, предложенные В. В. Радловым, Ф. Е. Коршем, а впоследствии — А. Н. Самойловичем и др.),

²¹ O. B ö h t l i n g k, Über die Sprache der Jakuten, St.-Pb., 1851.

²² W. S t r e i t b e r g, Otto von B ö h t l i n g k, «Frankfurter Zeitung» (Abendblatt), 2 April 1904, № 93.

²³ H. H i r t, Indogermanische Grammatik, Heidelberg, 1927, стр. 39.

соотношение именной и глагольной структур, атрибутивной и предикативной связей, генезис именных и глагольных аффиксов.

Акад. В. В. Радлов в своем обобщающем исследовании «Phonetik der nördlichen Türksprachen» (Leipzig, 1882—83) пытался воссоздать древние контуры тюркской системы гласных методом учета наибольшей частотности гласных в современных тюркских языках.

Из тюркологов, пользовавшихся классическим сравнительным методом при изучении истории тюркских языков, назовем В. А. Богородицкого. Этот представитель казанской школы, проявлявший живой интерес к тюркским языкам, настаивал на замене старых методов сравнительно-грамматических исследований более новыми. Обычную статическую точку зрения он считал необходимым дополнить исторической, сравнением путей развития отдельных языков тюркской семьи²⁴. Если в зарубежном языкознании в первые десятилетия XX в. типологические исследования противопоставались сравнительно-историческим²⁵, то В. А. Богородицкий считал неправильным такое противопоставление²⁶. Мнение о важности учета типологических черт неродственных языков для сравнительно-исторических исследований разделял и Ф. Е. Корш²⁷.

В. А. Богородицкому принадлежат краткие этюды по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, начиная с пратюркского состояния, причем среди предложенных им методических указаний особенного внимания заслуживает положение о необходимости использования методов лингвистической географии при воссоздании истории фонетического развития как отдельного тюркского языка, так и всей семьи в целом²⁸.

Опыт XVIII в. по сбору фактического материала из различных языков мира — необходимой базы для развития компаративистики — отразился и на состоянии финно-угорского языкознания. Применение новой для того времени методики исторического анализа при сравнении финно-угорских языков связано с именем русского акад. И. Э. Фишера (1697—1771)²⁹; ему принадлежит внедрение строгой методики в область этимологическую — учет фонетических соответствий, последовательное применение так называемого «исторического критерия»³⁰.

Вкладом в финноугроведение явились обобщающие работы акад. А. Шёгрена (1794—1855). Школа акад. А. Шёгрена в лице одного из своих последователей — Ф. И. Видемана (1805—1887)³¹ — подняла вопросы, связанные с критериями родства урало-алтайских языков. Видные пред-

²⁴ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., Казань, 1953, стр. 101—102, 106, 108—109 (1-е изд. — 1934).

²⁵ См., например: А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954.

²⁶ В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 132.

²⁷ См.: Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877.

²⁸ В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 101—102, 106, 108—109.

²⁹ Сведения о развитии финно-угорской компаративистики почерпнуты из статьи Я. Гуя «Краткий очерк сравнительного финно-угорского языкознания» (см. «Введение в финно-угорское языкознание», I — в печати, изд-во «Наука»). Пользуясь случаем, авторы приносят свою благодарность сотрудникам секторов финно-угорских, иранских, кавказских, африканских языков Института языкознания АН СССР, предоставившим им свои материалы по истории соответствующих отраслей языкознания.

³⁰ См. рукопись этимологического словаря И. Э. Фишера «Vocabularium Sibiricum» (1765, хранится в архиве Niedersächsisch Staats- und Universitätsbibliothek). Черновая рукопись словаря хранится в Архиве АН СССР (Л.; шифр: разряд III, 1, № 135).

³¹ См.: F. I. Wiedemann, Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachgeschlecht, Reval, 1838.

ставители алтаистического направления — М.-А. Кастрен, А. Шёгрэн, А. А. Шифнер, О. Бёлингк, В. В. Радлов, а позднее Б. Я. Владимирцов, Г. Рамстедт, В. Л. Котвич — ставили масштабные вопросы взаимоотношений между такими семьями языков, как тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, угро-финские.

Широкий охват различных финно-угорских языков³² (и в том числе — хантыйского, марийского, коми), привлечение фольклорного и этнографического материала к сравнительно-историческим исследованиям и этимологизациям характерно для исследовательской практики М.-А. Кастрена (1813—1852), работы которого вошли в сокровищницу сравнительно-исторического финно-угорского языкознания. Применение так называемого этнолингвистического метода позднее прочно вошло в исследовательскую практику советских финноугристов-компаративистов.

До Великой Октябрьской революции сравнительное изучение кавказских языков носило весьма эпизодический характер. Сравнительные материалы по кавказским языкам содержатся наряду с другим языковым материалом в трудах представителей Петербургской Академии наук (конец XVIII — начало XIX в.) — И. А. Гюльденштедта, П. С. Палласа, Ю. Клапрота и позже П. К. Услара, А. А. Шифнера³³. Позже известный интерес для общего кавказоведения представит и сводное введение в изучение кавказских языков А. Дирра³⁴.

Сравнительно-исторические исследования XIX в., открывшие новый этап в истории языкознания, преобразовав его в историческую науку, составили прочную базу, на которой развивалась отечественная компаративистика в советское время. Русская школа Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др. оставила советским ученым традицию строить широкие обобщения, опираясь на материал живых языков.

Развитие сравнительного изучения различных языковых групп в послеоктябрьский период связано с планомерно ведущейся работой по дешифровке и открытию новых письменных памятников, описанию новых языков, с колоссальным размахом диалектологических исследований и широко развернувшейся в нашей стране полевой работой.

Работа лингвистов АН СССР в области сравнительно-исторических исследований сопровождалась постановкой ряда методологических и методических проблем. То, что было сделано в СССР за последние два с половиной десятилетия в этой области, позволяет со всей определенностью утверждать, что советские компаративисты имеют собственный научный метод, оригинальные приемы исследования, позволяющие говорить о советской школе компаративистики. В свете этих достижений показательным является заявление ведущих компаративистов США о том, что дальнейшая разработка сравнительной грамматики индоевропейских и германских языков невозможна без учета опыта работы ученых Советского Союза в этом направлении³⁵.

Существенны разработки, касающиеся, прежде всего, трактовки исходного для семьи родственных языков состояния, именуемого праязыком, вопросов о принципах реконструкции, о соотношениях сравнительной и внутренней реконструкции, а также собственно сравнительной и истори-

³² По поручению Академии в 1841—1844 гг., 1845—1849 гг. М.-А. Кастрен на огромных территориях северо-восточной Европы и Азии собирает обширный языковой, фольклорный, этнографический материал.

³³ См. об этом: «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков», М., 1971, стр. 3.

³⁴ А. М. Дирр, Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen, Leipzig, 1928.

³⁵ У. Ф. Леман, рец. на кн.: «Сравнительная грамматика германских языков», I—III, ВЯ, 1965, 6.

ческой грамматики определенного языка. В связи с этим принципиальную важность приобретает вопрос о границах и объеме использования данных современных диалектов, а также результатов и опыта диалектологии и лингвистической географии для реконструкции исходного состояния групп родственных языков. Разрабатываются вопросы, связанные с дополнением сравнительно-исторической методики приемами внутренней реконструкции, приемами ареальной лингвистики. Проблема относительной хронологии фонетических, фonomорфологических и морфологических процессов и принципы периодизации исходного состояния или праязыка становятся предметом широкого обсуждения советских компаративистов.

Неоднократно критикованная плоскостная реконструкция индоевропейского языка уступает в настоящее время более дифференцированному рассмотрению, устанавливающему «ранний» и «поздний» этапы развития индоевропейского языка; соответственно реконструкция расчленяется на «дальнюю» и «ближнюю». Хронологическая дифференциация осложняется также пространственной, ареальной. Отличительной особенностью ряда работ ученых АН СССР является широкое привлечение типологических констант при освещении различных проблем сравнительной грамматики отдельных групп и семей языков. Плодотворность подобного подхода не подлежит сомнению, хотя и следует указать на то, что многое в типологической процедуре остается неясным и ждет дальнейшего уточнения. Наиболее явственно значение типологической методики для сравнительного языкознания проступает в таких обобщающих работах, как сравнительная грамматика германских языков, сравнительная грамматика славянских языков, сопоставительно-типологическая грамматика романских языков и др. Ставятся вопросы о внедрении различных структуральных методов в сравнительно-историческое языкознание³⁶.

В академическом языкознании исследуются контакты между разными языковыми ветвями, а именно: взаимоотношения между осетинским и языками европейского ареала; ареальное положение албанского языка, славянские заимствования в нем и древние германо-албанские языковые связи; контакты германских языков с протобалтийскими, протоиталийскими диалектами, балто-славянские, индоевропейские и общеиндоевропейские взаимосвязи; тюрко-монгольские взаимоотношения. Активно развивающаяся алтайская теория призывает к широкому обсуждению тюрко-монгольско-тунгусо-маньчжурских языковых контактов.

Сравнительное изучение различных языковых групп в послеоктябрьский период получило неодинаковое развитие. Можно говорить об известном приоритете советской школы славистов-компаративистов. Из общих вопросов сравнительной грамматики славянских языков особенное внимание лингвистов АН СССР привлекал вопрос о положении праславянского в кругу других индоевропейских диалектов (в особенности — о характере славяно-балтийских языковых связей) и проблема диалектного членения самого праславянского³⁷. Балто-славянская проблема, а вернее — теория балто-славянской общности, обсуждалась в славистике с различных точек зрения, став объектом многочисленных плодотворных разысканий.

Наметился значительный прогресс в области этимологических исследований. Чисто механистическую корневую этимологизацию, сопровождающуюся недооценкой возможности заимствований, сменила новая, построенная на научной основе, методика этимологических разысканий.

³⁶ См. об этом: И. М. Т р о н с к и й, Сравнительно-исторические исследования, «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 12.

³⁷ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, Сравнительная грамматика славянских языков, «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 73.

Для славистики, развивающейся в стенах АН СССР, характерно создание новой этимологической школы. В исследовательскую практику этимологизации вводятся новые принципы — установление цельнолексемных иноиндоевропейских соответствий для многих производных; наряду со словобразовательным аспектом учитывается типология семантических изменений. Крупным этимологическим начинанием следует считать «Этимологический словарь славянских языков»³⁸.

Следует особо подчеркнуть чрезвычайно высокий уровень развития, которого достигло сравнительное славянское языкознание. Строгость приемов сравнительно-исторического анализа традиционно сочетается с широким охватом фактического материала — от ранних письменных памятников до живых языков во всем их диалектном многообразии. Созданные славистами АН СССР исследования по сравнительной фонетике характеризуются стремлением дать эволюцию праславянской фонологической системы с установлением иерархии изменений в ней. Приемы классического сравнительно-исторического метода, опирающиеся на учет относительной хронологии и предполагающие обязательную реконструкцию, гармонично сочетаются с системным подходом к явлениям языка на всех его уровнях. Именно славистам АН СССР принадлежат значительные разработки по теории открытого слога, по славянской акцентологии, по структуре праславянской морфологической системы и ее эволюции, наконец, по сравнительному синтаксису.

Новым и перспективным для современной отечественной славистики является обсуждение возможностей реконструкции праславянского текста на основании анализа ряда словосложений и устойчивых словосочетаний, сходств древнейших ритуальных текстов, систем народного стиха.

Небывало мощный размах получило изучение иранских языков в послеоктябрьский период. Продолжая лучшие традиции дореволюционного сравнительно-исторического изучения иранских языков, иранисты АН СССР внесли весьма значительный вклад открытием и научным описанием целого ряда ранее неизвестных иранских языков и диалектов (памирские, дардские и др.). В то же время продолжалась весьма плодотворная работа по дешифровке значительного количества памятников древнеиранской письменности.

Не менее значителен вклад в области исторической грамматики и особенно этимологии иранских языков. Единственным в своем роде является обширный историко-этимологический словарь осетинского языка. В настоящее время в Институте языкознания АН СССР готовится труд, посвященный основам иранского языкознания, где не только обобщаются достижения дореволюционной и советской иранистики, но предлагается широкая характеристика иранских языков в сравнительно-историческом аспекте. Новым направлением советской иранистики является изучение контактов иранских и тюркских языков.

Значительный интерес представляют исследования в области сравнительно-исторического изучения индийских языков, причем новейшие приемы лингвистического анализа применяются к древним индийским языкам.

Сравнительное изучение армянского языка началось в XIX в.; однако подлинный расцвет сравнительно-исторической арменистики относится к послеоктябрьскому периоду. Основы сравнительно-исторического изучения армянского языка были заложены акад. АН АрмССР Р. Ачаряном (1876—1953), автором таких монументальных работ, как семитомный этимологический словарь армянского языка и многотомная сравнительная грамматика

³⁸ См. об этом: там же, стр. 76—77.

армянского языка. В настоящее время успешно разрабатываются различные аспекты сравнительной грамматики армянского языка и создаются первые опыты исторического описания армянского языка с использованием приемов классической компаративистики.

В области романстики можно отметить выдающиеся труды по романским языкам в сравнительно-историческом освещении, а также представляющую значительный интерес своими методическими установками сравнительно-сопоставительную грамматику этих языков, подготовленную Институтом языкознания АН СССР. Принципиальное значение имеют сравнительно-исторические исследования, посвященные лексикологии и семасиологии романских языков.

Сравнительное изучение германских языков началось во второй половине XIX в., и здесь значительный вклад принадлежит Ф. Брауну. Сравнительно-исторические исследования отечественных языковедов в области романских и германских языков появились лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Укажем, в частности на плодотворную деятельность в области сравнительно-исторического направления германистов АН СССР, а также на четырехтомную сравнительную грамматику германских языков. Отличительной особенностью этого труда является не столько охват огромного материала, накопленного на протяжении XIX и первой половины XX в., сколько разработка новых принципов сравнительно-исторического описания германских языков, а именно: осмысление фактов фонетики германских языков с фонологической точки зрения, привлечение к описанию фарерского и фризского языков, разработка стратификации общегерманского языка и проблем рунологии, разработка германского словообразования, категорий отдельных частей речи в германских языках (категория глагола, категория залога и т. д.), применение новых приемов структурно-типологического и исторического описания. К области сравнительной грамматики примыкают работы по истории скандинавских языков, по рунологии, по исторической грамматике и по истории отдельных германских языков.

Сравнительно-историческое изучение многих языков народов СССР по преимуществу развернулось в послеоктябрьский период.

Дальнейшее развитие финно-угорской компаративистики, разработка четкой методики на материале финно-угорских языков связаны с деятельностью советских ученых. Особенно интенсивно развернулись сравнительно-исторические исследования финно-угорских языков в последние два десятилетия, когда были созданы очерки исторической фонетики и исторической морфологии большинства финно-угорских языков. Широко ведутся этимологические исследования, особенно в Эстонии. В Институте языкознания АН СССР подготовлен и сдан в печать коллективный труд «Введение в финно-угорское языкознание», в котором вопросы истории различных финно-угорских языков занимают значительное место.

Благодаря тому, что активно продолжается научно-критическое издание письменных памятников и параллельно ведется систематическое описание языка ранних тюркских источников, с одной стороны, а с другой — в последние годы проделана колоссальная работа по грамматическому описанию редких, подчас вновь открытых, тюркских языков и диалектов (лобнорский, тофаларский, саларский, диалект черневых татар, язык сибирских татар и пр.). можно с уверенностью сказать, что тюркология располагает прочной базой для сравнительно-исторических исследований. Большим достижением признается созданный в стенах Академии наук СССР «Древнетюркский словарь» (Л., 1969).

В настоящее время в тюркологической литературе широко обсуждаются вопросы, связанные с методикой сопоставления фактов современных

тюркских языков и их диалектов с соответствующими фактами ранних тюркских памятников.

Задачи сравнительно-исторического изучения тюркских языков, поставленные в первом пятидесятилетии XX в. лучшими представителями русской советской тюркологии — В. А. Богородицким, Е. Д. Поливановым, А. Н. Самойловичем, Н. К. Дмитриевым, постепенно осуществляются. От сравнительно-описательных работ, содержащих исторические экскурсы и новые наблюдения в отношении эволюционного развития отдельных языковых явлений, до сравнительно-исторических исследований, опирающихся на четко разработанные современные методы исследования, — вот путь, пройденный тюркской компаративистикой, для которой в настоящее время характерно заметное оживление внимания к приемам классического сравнительного метода и попытки сочетать их с некоторыми современными методами сравнения языков и вместе с тем — привлекать показания фонологии, ареальной лингвистики, общей языковой типологии.

Достижением за последнее десятилетие являются опыты создания сравнительной фонетики и сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков. В секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР планируется создание общей сравнительной грамматики тюркских языков.

Успешно развивается новое для советской тюркологии направление этимологических исследований. Находится в печати созданный в стенах Академии наук СССР I том этимологического словаря тюркских языков, построенный с использованием новой методики этимологического анализа. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» располагает подготовленным к печати «Сравнительным словарем тюркских языков XIV в.».

В области монгольских языков также появился целый ряд сравнительно-исторических исследований. Продолжением лучших традиций классического историко-филологического направления, основателем которого в монголистике был акад. Б. Я. Владимирцов (1884—1931), явился целый ряд работ, посвященных как лингвистическому анализу языка памятников старомонгольской письменности, так и сравнительной грамматике и лексике монгольских языков.

Отечественное тунгусо-маньчжурское сравнительное языкознание возникло после Октябрьской революции; была создана сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, осуществлены разработки по сравнительно-исторической морфологии. Находится в печати подготовленный научными сотрудниками ЛО Института языкознания АН СССР сравнительный (этимологический) словарь тунгусо-маньчжурских языков.

Почти все достижения отечественного кавказоведения в области сравнительно-исторических исследований связаны с послереволюционным периодом. Наиболее разработанной областью является сравнительная грамматика картвельских языков: сравнительно-исторической фонетике и морфологии посвящены фундаментальные монографии. К настоящему времени выявлены многие общие линии и частные тенденции в развитии строя картвельских языков. Построена общая картина их исторического развития, равно как и представление об общекартвельском языке-основе. Получен целый ряд выводов относительно путей исторического развития как фонетической, так и морфологической структуры этих языков. Активно развивается сравнительно-историческая лексикология; издан первый опыт этимологического словаря картвельских языков.

Создана сравнительно-историческая грамматика нахской подгруппы нахско-дагестанских языков; разработаны многие проблемы сравнитель-

но-исторической грамматики дагестанских языков. Значителен вклад в реконструкцию общедагестанской и нахской фонологических протосистем; при этом достигнуты совершенно определенные перспективы сведения последних к единому историческому знаменателю. Успешно разрабатывается сравнительно-историческая лексикология нахско-дагестанских языков.

Значительны достижения в области сравнительно-исторического изучения абхазо-абазинской подгруппы, исторического освещения фактов в адыгских языках. В Институте языкознания АН СССР ведется работа по созданию сравнительной грамматики адыгской группы языков, а также этимологического словаря адыгских (черкесских) языков.

Плодотворные и с каждым годом все более углубляющиеся сравнительно-исторические исследования внутри отдельных групп кавказских языков, а также опыты межгрупповых сравнительно-исторических исследований позволили выдвинуть так называемую иберийско-кавказскую гипотезу, предполагающую наличие отдаленного генетического родства между всеми группами кавказских языков³⁹.

Становление сравнительно-исторического направления в области африканских языков приходится лишь на последние три-четыре десятилетия XX в. В настоящее время в Институте языкознания, а также в Институте востоковедения АН СССР частично осуществлена, частично продолжается работа над сравнительно-исторической грамматикой афразийских языков: имеются первые опыты построения сравнительной фонетики чадских языков и сравнительно-исторической фонетики кушитских языков. Ведется работа по составлению культурно-исторического сравнительного словаря афразийских языков.

Таким образом, развитие советской компаративистики за последние два с половиной десятилетия характеризуется внедрением новых приемов сравнительно-исторического анализа, куда относятся приемы внешней и внутренней реконструкции, а кроме того — ареальной лингвистики и типологических констант, а также вовлечением в орбиту сравнительно-исторических исследований, помимо индоевропейских, других семей языков — финно-угорских, тюркских, кавказских, монгольских, африканских.

³⁹ См.: Г. А. Климов, Кавказские языки, «Советское языкознание за 50 лет», стр. 333.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. З. КОТЕЛОВА

ИСКУССТВЕННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
(теоретические предпосылки)

Лексическая семантика как объект исследования лишь начинает описываться строго и упорядоченно. Много уже сделано в словарях, где учитывается и сложность смысловой структуры слова, и неодинаковость значений по своему типу, и связи лексического значения с другими свойствами слова, и разная степень самостоятельности лексического значения, а также предлагаются определенные способы описания этих сложных явлений. Хотя лексикографическая практика ослаблена тем, что она не сумела увязать свои решения с результатами обсуждения теоретических вопросов семантики, ей принадлежит ведущая роль в описании лексической семантики. Успехи внелексикографических ее описаний, ее систематизации и теоретического осмысления, будучи обусловлены прогрессом языкознания, логики, семиотики, философии, всегда будут зависеть и от степени освоения данных лексикографии, — и потому, что лексикография представляет результаты изучения больших материалов, и потому, что она охватывает весь словарный состав, и потому, что лексикографическое описание предполагает одновременный учет разных свойств слова. Эксперимент такого большого размаха не может быть повторен вне лексикографии.

Вместе с тем многое в словарной семантической характеристике слова нуждается в коррекции и совершенствовании. К наиболее характерным недостаткам лексикографического описания семантики слова следует отнести следующие: 1) отсутствие унификации, т. е. неоправданные различия при характеристике сходных явлений; 2) напротив, унифицирование описания на основе каких-либо «сходств» — сходства денотатов, способа семантической деривации, грамматического значения и т. д. при игнорировании индивидуальных свойств значения данного слова; 3) включение в словарь квазилингвистических объектов, т. е. описание вместо значений слов соответствующих реалий (энциклопедизм), или научных знаний (превращение объектов общего словаря в объект терминологических словарей), или идеологических воззрений (социологизм); 4) напротив, игнорирование денотативной отнесенности (например, при описании значения дается только указание внутриязыковых соотношений: синонимии или лексической деривации, что, в частности, может иметь последствием представление полисемии как моносемии), сигнификативного значения, а также таких компонентов, как представление об истинности обозначаемого (ср. значения слов и сочетаний *телепатия*, *вечный двигатель*, *ясновидящий*) или соотношенность слова с тем или иным идеологическим представлением (ср. значения слов *религия*, *капитализм*, *благородный*); 5) смешение внутриязыковых свойств: неразличение грамматической и лексической семантики, стилистических свойств и лексической семантики; 6) неполнота охвата толкованием всех семантических свойств данного значения — концептуального компонента и разных способов обозначения: неосложненно-номинативного или осложненно-номинативных — метафорического, фразеологического, терминологического, эвфемистического, экспрессивно-эмоционального, с актуальной внутренней формой или семантической про-

изводностью; 7) неполнота охвата всех дифференциальных признаков значения или приписывание значению отсутствующих у него в действительности дифференциальных признаков; 8) смешение значения слова и значения контекста; 9) смешение значения слова и употребления; 10) представление полисемии как моносемии или моносемии как полисемии; 11) построение толкования вне категориального его соответствия толкуемому слову (по таким характеристикам, как часть речи, качественное или относительное прилагательное, возвратный или страдательный залог и т. д.); 12) цепочки, «круги», тавтологии в толкованиях, не оправданные какими-либо условиями или задачами описания.

Совершенствование лексикографической характеристики лексической семантики — важная практическая и теоретическая задача. Попытки уточнения способов описания лексического значения требуют внимания, тщательного анализа и обсуждения.

Одной из таких попыток явилось создание искусственного языка для описания семантики. Идеи искусственного семантического языка выдвинуты в рамках одной из теорий структурализма, известной под названием «модель смысл — текст» и принадлежащей Ю. Д. Апресяну, А. К. Жолковскому и И. А. Мельчуку. «Разработка искусственного семантического языка... дает в руки лексикографу средство, позволяющее построить последовательное и экономное описание семантического аспекта естественных языков»¹. Говорится, что идеи искусственного семантического языка привели к лексикографическим открытиям, новому состоянию в науке, они позволяют ответить на многие вопросы языкознания (что такое лексическая система, какова природа лексического значения и т. д.). Центральной проблемой для современной семантики, как утверждают авторы названной теории, является «проблема семантического метаязыка, который в действительности является ее единственным предметом. Такой метаязык позволяет решить не только возникшие в последнее время задачи построения действующих моделей языка, имитирующих осмысленное речевое поведение человека, но и традиционные задачи лексикографии. Поэтому эволюция от понятия семантики как науки о значении слова к понятию семантики как науки о семантических метаязыках — реальный прогресс в лингвистике»².

Рассмотрим теоретические предпосылки создания искусственного семантического языка. Теория такого языка опирается на существующее мнение, что языковеды находятся в худшем положении сравнительно с учеными других областей знания, где объект описания и средства его описания не совпадают, что в языкознании нет возможности отчуждения знания о языке от самого языка и поэтому нужна система внешних по отношению к языку понятий, чтобы описать его объективно и последовательно. Ситуация эта иллюстрируется на примере лексикографии. «В толковых словарях не проводится различия между определяемыми и определяющими словами; считается, что и те и другие принадлежат одному и тому же языку, например русскому... Поэтому в принципе и в левой (определяемой) и в правой (определяющей) части словарной статьи могут встречаться одни и те же слова. Это и является источником обычных в толковых словарях тавтологических (круговых) определений...»³. В проектируемом ими сло-

¹ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967, стр. 10.

² Ю. Д. Апресян, Эволюция понятия «лингвистическая семантика», «Основные проблемы эволюции языка. Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. I, Самарканд, 1966, стр. 38, 39.

³ Ю. Д. Апресян, Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966, стр. 260.

варе, сообщают авторы, четко сохраняется различие между «языком-объектом» и «языком-субъектом», или метаязыком, и в том случае, когда «по каким-либо причинам внешнего характера толкование значения фактически записывается словами того же языка»⁴. Это возможно благодаря одной и той же логической структуре выражений метаязыка и сводимости к неопределяемым понятиям, заимствованным из математики. Имеется ли в действительности ситуация совпадения объекта и субъекта описания в лексикографии и подсказывают ли недостатки словарей необходимость создания особого семантического языка?

Ситуация в лексикографии, как и в языкознании вообще, действительно, особая: объектом описания является язык, язык описывается через язык, в толковом словаре слева — элементы языка (заглавные слова) и справа — элементы языка (толкования, ремарки). Однако при такой интерпретации допускается большая неточность, связанная с полисемией слова *язык*. Основным средством словаря, описывающим языковые единицы и их свойства, является речь (текст), соотносящая языковые явления с информацией линейных речевых сегментов. Слева — элементы языка (языка — системы, языка — средства, языка в статике), слова словарного состава с их свойствами, справа — язык в динамике, линейные последовательности речи (или язык, но в значении «речь»), хотя и порожденные языком-системой, но не совпадающие с элементами языка по своим содержаниям.

Иное качество речи по отношению к языку обусловлено рядом причин. Во-первых, обогащается содержание самих языковых единиц на уровне словоформ и при актуализации в данном речевом отрезке. Во-вторых, сочетания словоформ порождают новые по отношению к языку-системе содержания, разнообразие которых практически бесконечно, даже в том случае, если бы эти содержания были аддитивны по отношению к составляющим. В-третьих, и это множество возрастает благодаря неаддитивности содержания соединений языковых единиц, образуемых в соответствии со сложными механизмами языка (ср., например, динамическую силу предикативности), которые обуславливают выход содержания языковых отрезков за пределы арифметических сложений. «...содержание, выражаемое в процессе речи, отнюдь не является простой суммой (содержаний. — Н. К.) тех языковых единиц, которые используются в этих целях»⁵. Содержания языка конечны, содержания речи бесконечны, границы их не замкнуты. В-четвертых, в речи реализуются также в динамике и в бесконечном разнообразии содержания ряда отражательных систем — мышления, знания и др., и поэтому она может обозначать любые реальные и мысленные ситуации. Есть и другие причины, обуславливающие содержательное богатство речевых актов по сравнению с языком-системой, — например, актуализация содержания высказываний в конкретных условиях их реализации, однако они не имеют прямого отношения к лексикографии.

В основе качественного отличия речевых содержаний, по-видимому, лежит количество (единиц языкового содержания, параметров их противопоставления, сопряженных в речевой динамике языковых и внеязыковых систем, типов реализующихся языковых отношений, членов образуемых множеств, набора таких множеств и т. д.), дающее качественный скачок.

Содержаниями речи могут вводиться в качестве средства описания лексических значений внеязыковые системы и систематизации. Здесь та же ситуация, как и в других науках, где исследователь также отождествляет

⁴ Там же, стр. 260.

⁵ В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 230.

свои объекты и их элементы не с единицами языка-системы, а с внеязыковыми реалиями, используя научные понятия и их систематизацию. Лексикограф толкует слова не путем их соотнесения с такими же словами, а, пользуясь речью, выражает каждый раз разные содержания, которые уточняются разной степенью отнесенности к денотатам и ситуациям, терминам и (научным) знаниям. Словарные единицы не могут сами по себе, без приложения механизмов языка, до перехода в речь выполнить функцию толкования. Статус описываемого слова (слева) и используемого в описании (справа) не одинаков.

Попробуем препарировать несколько данных в словаре толкований, превратив их в перечень слов, из которых они составлены: 1) *мужчина, женщина, имя, говорящий, кто-либо, он, знать, назвать, хотеть, когда, не, не, или, или, о*; 2) *место, находится, остаться, покидать, предлагать, заставлять, продолжать, какой-либо, где-либо, не*; 3) *средство, возможность, существование, факт, средство, что, то, что-либо, что-либо, сам, свой, другой, исключать, отрицать* (БАС⁶); 4) *усилия, труд, плата, вид, состояние, образ, последствие, положение, кто-либо, что-либо, быть, дополнительный, дополнительный, такой, такой, как, или, и т. п. в, без, без, без, без* (МАС⁷). Данные в таком виде толкования нельзя отождествить с значениями слов *особа, оставлять, отрицание, так*. Приведенный пример показывает, что неопределенность языкового содержания лексического ряда оказывается выше неопределенности содержания грамматического ряда (ср. довольно однообразные варианты содержательной интерпретации шербовакской фразы *глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*), из чего можно сделать вывод, что в генерации содержаний речи участвуют все механизмы языка и эти содержания не сводятся к сумме содержаний отдельных единиц языка. Если перечислить не слова в исходной форме (как это сделано выше), а словоформы и суммировать их лексические и грамматические значения и синтаксическое значение всей конструкции, — все равно нужного содержания не получится. Только актуализация слов в приведенных толкованиях, наслоение грамматических значений, актуализация предикторирования, речевая модификация соединений слов, проекции во внеязыковые сферы дадут те содержания, которые можно отождествить со значениями определенных слов словарного состава.

Таким образом, речь (репрезентированная речевыми сегментами, текстом) является средством описания лексических значений, она выполняет функции метаязыка. «Метаязыковым» же средством (т. е. способом описания не через язык-объект, способом, «отчуждающим» средство от языка-объекта) являются и принятые по соглашению приемы организации материала и оформления словарных статей: оформление заголовка, порядок следования, оформление сочетаний, значки, ремарки, символика (номера значений, знаки //, ◇, ~ и т. д.), в большей (пометы) или в меньшей (порядок следования) степени являющиеся кодовыми обозначениями речеписательных содержаний или понятий метаязыка лингвистики (метаязыком 2-го порядка), обычно инвентаризируемыми в инструкциях и вводных статьях. Говоря о метаязыковых словарных средствах, следует упомянуть и возможность раскрытия значения картинкой, фотографией. Такой способ может быть использован только как вспомогательный. Он применим не ко всем словам языка, не позволяет отразить интенциональный, идеологический и другие компоненты значения, а также обозначить границы объема и содержания значения, что приводит к невозможности оценить

⁶ «Словарь современного русского литературного языка», М.—Л., 1948—1965.

⁷ «Словарь русского языка в четырех томах», М., 1957—1961.

вид сочетаемости слова. Утверждение об отсутствии метаязыка в лингвистике, в частности в лексикографии, несправедливо и потому, что лингвистика располагает значительной областью выработанных ею метаязыковых понятий и терминов.

Не всегда значения слов описываются в словаре путем речеописательного толкования. Применяются и толкования через единицы языка (языка-объекта) путем соотнесения одной языковой единицы с другой такой единицей, т. е. создается та ситуация, которая оценена выше как нежелательная. Это, например, указание на значение слова способом его синонимизации. Такой способ является или дополнительным и дается наряду с толкованием первого рода (ср. в МАС: *Голодный*. «1. Чувствующий, испытывающий голод; несытый») или, обычно при стилистических вариантах, самостоятельным (ср. там же: *Возлюбить*. «Устар. Полюбить»; *Вражий*. «1. Народно-поэт. Неприятельский»). Синонимизация является информативным способом указания на значение, так как она эксплицирует внутриязыковые связи слова и служит дифференциации значений и установлению границ варьирования употребления слова в пределах данного значения в случае полисемии. В кратких словарях синонимизация часто используется как самостоятельный способ при отсутствии других толкований, что представляется и неизбежным и оправданным. К толкованиям «через язык», т. е. способом отнесения к его единицам, относятся и антонимизация — прием только вспомогательный, и указания на грамматическую и семантическую производность. В случаях применения не вполне корректных вариантов оформления антонимии: *Горе*. «1. Душевное страдание; огорчение, печаль, скорбь (противопологается радости)... 2. Событие, обстоятельство, вызывающее страдание, печаль; беда, несчастье (противопологается счастью)» (БАС) — этот прием может быть интерпретирован как прием дифференциации значений на основании денотативной отнесенности.

Роль собственно языка, а не речи при описании слова не одинакова в словарях разного типа даже в пределах толковых словарей. Она повышается в словарях исторических, словарях языка писателя и в особенности в двуязычных словарях. Однако в них элементы описывающей языковой системы становятся метаязыковыми элементами. Требование ограничивать набор единиц, используемых в языке описания рамками описываемого инвентаря, которое выдвигается в базисных словарях, ставящих задачей компрессию словарного состава, не меняет соотношения объекта и субъекта описания и имеет в основании лишь соображения практического удобства для читателя. Необходимость употребления тех или иных слов в толковании — не главный критерий (если вообще критерий) для установления словаря-минимума.

Особым типом толкований в словарях являются толкования не через речь или язык-систему (предполагающийся известным или могущий быть уточненным с помощью справочников, информантов и т. д.), а через систему именно этого словаря, который хотя и стремится адекватно описать словарный состав и рационально использовать средства описания, однако всегда остается лишь данным словарем, другие же словари, даже ставящие те же задачи, не совпадают с ним полностью. Ср. в БАС: *Ракета*. «То же, что 2. Ракетка»; *Расположение*. «Действие по 1-му знач. глаг. 1. Расположить»; *Слышать*. «2...иметь слух (в 1-м знач.)»; *Наезживать*. «1. Многокр. к 1. Наезжать». Однако в языке пользующихся словарем нет «2. Ракетка», «слух в 1-м знач.» и т. д., дифференциация полисемии и омонимии, оценки конкретных значений могут не совпадать в различных словарях. Поэтому в более корректной форме толкования, использующие метасистему данного словаря, должны иметь такой вид: «То же что ракет-

ка (см. 2. Ракетка)», «Действие по знач. глаг. расположить (см. 1. Расположить в 1-м знач.)» и т. д., и тогда статус этой системы утрачивает свою самостоятельность.

Таким образом, ситуация совпадения субъекта и объекта описания в лексикографии в действительности не имеет места, лексикограф пользуется для описания в словаре слов и их значений в основном «естественным метаязыком» — речью, с помощью которой могут быть введены как средство описания и созданные человеком систематизации ремесел, наук и т. д., а также тем же языком-системой, что и описываемый объект (при отождествлении значения слова способом указания внутриязыковых соотношений), и специфическим «метаязыком» — единицами этого же словаря.

Авторы теории семантического метаязыка критикуют семантическую характеристику слов в толковых словарях. Однако эта критика не оправдывает своего назначения — подтвердить необходимость создания такого метаязыка. Нередко словари цитируются некорректно. Принципиальное значение при этом имеют такие случаи, когда речь (субъект описания, как мы пытались показать выше), при цитировании толкований превращается в язык (язык-объект), и лексикографии приписывается ситуация совпадения языка-объекта и языка-субъекта. Утверждается, что «рядовыми определениями значений слов в толковых словарях являются определения типа *несчастье* = «беда, горе», *беда* = «несчастье», *горе* = «беда», «несчастье», в толкованиях возникает тавтологический круг, оставляющий значение «неопределенным», «необходимо, чтобы по крайней мере один из синонимов был разложен на семантические составляющие»⁸. Между тем при слове, например, *горе* в МАС и БАС даны речеописательные толкования и лишь дополнительно приведены синонимы и антонимы. Ср.: *Горе*. «1. Душевное страдание, глубокая печаль, скорбь; противоп. радость. 2. Событие, обстоятельство, вызывающее душевные страдания, скорбь; беда, несчастье». В остальных десяти примерах, призванных подтвердить, что «рядовыми» толкованиями словарей являются толкования тавтологические, материал словарей представлен также неверно: опускаются при приведенных словах толкования актуализующие слова в толковании, где-нибудь в середине цепочки автор обращается к другому значению слова, используемого в толковании, и приписывает словарю парадоксальное завершение цепочки и т. п. Нельзя при анализе толкования брать из него одно какое-либо слово и сравнивать с толкуемым словом, так как отношения целого речевого сегмента и одного из входящих в него слов к толкуемому слову не одинаковы.

Ярким примером некорректного оперирования словарным материалом, а также неразграничения «речевых» и «языковых» оценок значения может служить анализ описания в словарях цепочки слов, начинающейся словом *дать*⁹. Указывается на то, что *дать* определяется через *вручить* и далее говорится: «Поскольку *вручить* — явным образом менее простой глагол, чем *дать*, мы продолжаем наши поиски и находим: 1) *дать* = *вручить*; 2) *вручить* = *отдать* в руки; 3) *отдать* = *дать* обратно, следовательно, 4) *дать* = *дать* обратно в руки... Если бы мы пошли в выяснении значения глагола *дать* и по этому пути, мы могли бы получить следующие равенства: 1) *дать* = *вручить*; 2) *вручить* = *отдать* в руки; 3) *отдать* = *возвратить*; 4) *возвратить* = *вернуть*; 5) *вернуть* = *отдать* обратно; 6) *отдать* = *дать* обратно; следовательно, 7) *дать* = *возвратить* в руки = *вернуть* в руки = *отдать* обратно в руки = *дать* обратно в руки; итак, *дать* =

⁸ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики, ИАН ОЛЯ, 1969, 1, стр. 13.

⁹ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование..., стр. 10; его же, Толкование лексических значений..., стр. 13.

= дать обратно обратно в руки»¹⁰. Все упомянутые глаголы многозначны, однако ни одно значение не названо конкретно, ни одно толкование словарей не приведено полностью, из них выхвачены отдельные слова, чтобы сделать толкования нелепыми. В середине цепочки (звено 3) автор переходит от глаголов *вручать*, *отдавать*, близких по значению толкуемому глаголу *давать* (ср. *Я вынул визитную карточку, написал, что зайду завтра, и отдал кухарке, где отдать = «дать»*), к глаголам *возвратить*, *вернуть*, взяв произвольно другие значения *отдать* — в первой цепочке «дать обратно» и во второй = «возвратить» (ср. цитату: [*Астров:*] *Ты отдай то, что взял у меня*), хотя текстом толкования к глаголу *вручить* нужное значение *отдать* актуализуется. Нужно это для того, чтобы утверждать, что словари, не вооруженные метаязыком, вынуждены определять *дать* как «дать обратно, обратно в руки», т. е. в лексикографии находятся такие же парадоксальные ситуации, как в логике, где предлагается снять логические парадоксы введением метаязыка. Делается вывод о том, что только использование понятий «каузации» и «нормы» «позволяет естественно и красиво истолковать значения большого круга слов, которые представляют для авторов обычных словарей почти непреодолимые трудности. В частности, оказывается, что *дать... значит „каузировать кого-то иметь“*»¹¹. Трудно согласиться с тем, что методами современной семантики слово *дать* определено лучше, чем в словарях, хотя бы потому, что такое толкование годится еще для десятка значений этого же глагола (*дать адрес, дать орден, дать возможность, дать нагрузку* и др.) и для сотни других глаголов (*выдать, предоставить, снабдить, обеспечить, сосудить, преподнести, подарить, наградить* и др.). Понимание предложенного толкования затрудняет также использование неопределяемого «элементарного» значения *каузировать* и полисемантического и не актуализованного *иметь*.

Утверждение, что «господствующим типом определения наиболее интересной для лингвиста абстрактной лексики остается ссылка на синоним, неизменно приводящая к тавтологическому кругу»¹², не соответствует действительности. В БАС и МАС это вспомогательный и оправдывающий себя способ толкований. В Сл. Ож. названные слова в ряде значений синонимизируются, что в кратком словаре представляется оправданным. Если даже с этим не согласиться, то речь может идти о совершенствовании толкований в пределах существующей системы описания, например, в цепочке *дать — вручить — отдать* можно было бы ярче актуализовать нужное значение полисемантического *отдать* (= «дать») в толковании, в Сл. Ож. следовало бы поместить это значение *отдать* с толкованием, так как оно отсутствует в нем, но используется для толкования другого слова, и т. д. Необходимости обращения к искусственному языку не возникает.

Часто неверно интерпретируются языковые явления, и указанные ошибки в действительности не имеют места. Указывается, например, на обычность в словарях недостаточных определений. Это утверждение иллюстрируется примером толкований глаголов *слышать — слушать, смотреть — видеть, нюхать — обонять*. «*Слышать* — „различать, воспринимать что-н. слухом“, *слушать* — „воспринимать слухом что-н.“». Толкования наводят на мысль, что речь идет о точных синонимах. Между тем эти глаголы обнаруживают семантические противопоставления по признаку «„способность воспринимать что-либо“ (*слышать*) — „активное и направленное использование этой способности“ (*слушать*)». Ошибки «можно-

¹⁰ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование..., стр. 10.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 191.

было бы избежать, — продолжает автор, — если бы при толковании данного слова лексикограф учитывал весь круг семантически связанных с ним слов или хотя бы результаты собственного анализа других слов этого круга»¹³. Ссылки на конкретные словари при приведенных толкованиях нет. Приведем действительно имеющиеся в них толкования: *Слышать*. «несов., перех. 1. также с придаточным дополнительным и без доп. Различать, воспринимать слухом (издаваемые, производимые кем-, чем-л. звуки)» (МАС); «1. перех. Воспринимать слухом какие-н. звуки» (БАС); «1. кого-что. Различать, воспринимать что-н. слухом» (Сл. Ож.); «1. (сов. услышать) кого-что. Воспринимать слухом (производимые кем-н. звуки)» (Сл. Ущ.). *Слушать*. «несов., перех. 1. также с придаточным дополнительным и без доп. Направлять слух на производимые кем-, чем-л. звуки; стараться воспринять что-л. слухом» (МАС); «1.... Обращать, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать» (БАС); «1. кого-что. Воспринимать слухом что-н.» (Сл. Ож.); «1. кого-что. Воспринимать слухом что-н., направлять слух на производимые кем-чем-н. звуки, чтобы услышать» (Сл. Ущ.). Как видим, в словарях отражено довольно тонкое противопоставление исходных значений глаголов *слушать* и *слышать* по направленности, активности — ненаправленности, неактивности действия. Значение же «способность» отмечено в словарях у глагола *слышать* особым номером («2. без доп. Обладать слухом»). В сформулированном Ю. Д. Апресяном противопоставлении «способность воспринимать что-либо» (*слышать*) — «активное и направленное использование этой способности» (*слушать*) оказываются соединенными два противопоставления, причем первый член (способность) относится в действительности к одному противопоставлению (*слепые кошки не слышат* = «глухи» — *слышать крик*), второй — к другому (*слышит крик* — *слушаю сигналы*). Второе противопоставление реализовано в значениях двух разных слов: ненаправленное действие (*слышать*) — направленное, активное действие (*слушать*), первое — в значениях одного слова: способность воспринимать слухом (не исходное, с которым оперирует Ю. Д. Апресян, а вторичное значение глагола *слышать*, отсутствующее у *услышать*) — реализация ее как ненаправленного действия (но не как способности: *он слышит смех*). Те же два (а не одно) противопоставления отличают и глаголы в парах *смотреть* — *видеть* и (в меньшей степени) *нюхать* — *обонять*. См. также неубедительную критику данных в словарях толкований к словам *вынимать*, *доставать*, *показываться*, *появляться*¹⁴, *из-за*¹⁵, *холостяк*¹⁶ и мн. др.

Есть в работах и справедливая критика отдельных толкований, однако их недостатки могут быть устранены без привлечения искусственного языка. Отчасти справедливо указывается, например, на то, что «тавтологический круг возникает... в тех случаях, когда определение не содержит синонима к определяемому»¹⁷, т. е. когда в толковании к слову *звук* находим слово *слух*, а в толковании к слову *слух* — слово *звук*, или *лемех* ↔ *плуг*, *комната* ↔ *квартира*, *голова* ↔ *лицо*, *плечо* ↔ *рука*, *гореть* ↔ *огонь*, *глаз* ↔ *зрение* и т. д. Отчасти — потому, что взаимно используемые слова уместны, они информативны, они указывают на семантические отношения, помогают дифференциации значений при полисемии: например, слово *комната* используется в толковании только одного из четырех зна-

¹³ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений..., стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 18.

¹⁵ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, «Р. яз. в нац. шк.», 1972, 2, стр. 7.

¹⁶ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, II, «Р. яз. в нац. шк.», 1972, 3, стр. 25, 26.

¹⁷ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений, стр. 13.

чений *квартира*, а слово *квартира* — при одном из трех значений слова *комната* (МАС). Справедливо — потому, что в более корректной форме толкования должны иметь такой вид: *Квартира*. 1. «Часть жилого дома, состоящая обычно из нескольких {отгороженных стенами, перегородками и помещений} (комнат, кухни, передней и т. п.) с отдельным выходом» (выделено то, что добавлено нами к толкованию в МАС).

Вполне устраним также в рамках традиционного описания справедливо отмеченный недостаток рассматриваемого аспекта словарей — отсутствие унификации, непоследовательность.

Таким образом, ни теоретические рассуждения авторов идей о метаязыке, ни призванная подтвердить эти рассуждения критика толковых словарей не доказывают наличия в лексикографии такой неблагоприятной ситуации, которая может быть разрешена только введением в описание искусственного семантического метаязыка.

Не вдохновляют на создание искусственного семантического языка и общефилософские концепции метаязыка, согласно которым последний понимается как искусственно созданная система описания. Идеи метаязыка возникли в логике и математике и обусловлены необходимостью снятия логических парадоксов, возникающих при самореференции (например, утверждения *высказывание, которое я говорю, ложно; критянин Эпименид говорит, что все критяне — лжецы* являются одновременно и истинными, и ложными). Метаязык позволяет разграничивать нулевой «уровень» (сами предметы), 1-й уровень (объектный язык, на котором описываются предметы), n -й уровень (метаязык для описания объектного и $n - 1$ -го языка); при этом самовысказывания оцениваются как бессмысленные или запрещаются, субъект высказывания и высказывание оказываются на разных языковых уровнях, в метаязык вводятся термины и правила. Обращают на себя внимание такие свойства метаязыков, как их регресс в бесконечность, имеющий следствием бесконечность поисков абсолютной однозначности и убывание содержательности метаязыков с возрастанием их порядкового номера, узость задач, решаемых метаязыком, и небезусловность их решения именно таким способом (без учета теории истинности и общей теории отражения), созданность метаязыка как средства, т. е. отсутствие у него статуса теории, в то время как в основе наиболее эффективно применяющихся познавательных систем лежат теории, используемые как прикладные логики, и др. Создание даже самого совершенного метаязыка не обеспечит само по себе формализации описания, так как описание объекта осуществляется на уровне речи — реализации метаязыка, содержания которого не выводятся однозначно из содержаний и правил метаязыка и неизбежно включают компонент, зависящий от субъекта описания. Положение здесь окажется подобным положению с уровнем речи естественного языка.

Естественный язык, для описания которого также, как утверждают философы, нужен метаязык, так как в нем «выражения и предложения об объектах имеют такой же статус, как и предложения о языке, о языковых выражениях»¹⁸, должен, однако, рассматриваться особо в связи с его уникальными свойствами. Имеется в виду уникальность языка в отношении уровней семантической стратификации, универсальности его использования, — язык в разных своих отношениях и формах функционирования и нулевой уровень (объект описания), и 1-й (объектный язык для языка и других объектов), и n -й (компонент всех метаязыков). Язык уникален в отношении неповторимого богатства своего содержания, много-

¹⁸ В. А. Штоф, Введение в методологию научного познания, Л., 1972, стр. 45.

мерности своих единиц, расчлененности и пересечения значений и форм, он уникален по своей рациональности, степени организованности, позволяющей не только удержать это богатство, сохраняя его, как в огромной кладовой, но и использовать его на практике. Уникальность языка и в неповторимости пройденного им исторического пути, обусловившего его качества и поставившего его как знаковую систему вне конкуренции с какими бы то ни было другими системами, в отработанности его содержаний и организации практикой деятельности и познания и общественной практикой использования языка. Критика недостатков естественного языка часто объясняется оценками его не в собственной функции (ср. применение к языку терминов «истинность», «бессмысленность» и т. д.) или относится фактически к примерам некорректного его использования.

Таким образом, язык — это такой объект, который не может охватить ни одна искусственно созданная система. Искусственный же язык считается адекватным, «если получаемые в нем предложения могут описать все существующие ситуации в области объектов, информацию о которых выражает, хранит и передает данный язык»¹⁹. Можно говорить лишь об использовании отдельных искусственных метаязыковых компонентов, помогающих описывать отдельные участки языковой системы. Высокий уровень содержательности языка давно обращает на себя внимание, ср. гипотезу Сэпира — Уорфа, согласно которой люди находятся в плену у своего языка, навязываемых им расчленений действительности, или логический позитивизм и лингвистическую философию, которые утверждают, что прогресс научного познания выводится однозначно из совершенства логического языка или точности естественного языка. Когда критикуют эти концепции, то указывают на развитие языка, на то, что отдельные элементы языка не могут отобразить бесконечно разнообразный мир, а «вся система» может, сглаживая различия разных языков указанием на наличие инвариантных межъязыковых содержаний как результат «принципа дополнительности» и т. д. Однако оперируя только фактами системы, нельзя предъявить сильных аргументов против теории лингвистической относительности, так как число содержаний единиц такой системы, пусть и с диахроническими приращениями, конечно. Если бы человек располагал в своей интеллектуальной деятельности только содержаниями языковой системы (т. е. словарей и грамматик), то, действительно, трудно было бы возразить что-нибудь авторам теории лингвистической относительности. Кстати, справедливо критикуя эту теорию в целом, не учитывают ее рациональное зерно (признание высокой содержательности и рациональности языка, возможность разных расчленений действительности в разных языках и небезразличность этих различий для мышления), что мешает уточнению представлений о соотношении языка и мышления. Сильный аргумент против теории лингвистической относительности можно предъявить, указав на такой феномен речевой же деятельности, как речь²⁰. Бесконечно разнообразные содержания речи не сводятся, как было показано, к содержаниям ее единиц и к суммам таких содержаний, и если в языке элементы и структуры служат для выражения элементов и структуры мышления (в статике), то речевые сегменты, являясь знаковой формой мышления — процесса, служат для выражения мыслительных актов, мышления в динамике, способного охватить как угодно разнообразные и не тривиальные знания, гипотезы, мифы человека и отождествить мыслимые предметы с

¹⁹ А. И. Р а к и т о в, Соотношение точности и адекватности в формализованных языках, сб. «Логика и методология науки», М., 1967, стр. 107—108.

²⁰ Такой же аргумент приводится в кн.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 230—231.

другими предметами действительности, а не только со своими или языковыми содержаниями.

Мощность речетворчества позволяет не тавтологично, не замкнуто описать и такой объект, как язык. Эффективность применения метаязыковых элементов находится в зависимости от корректности описания в целом, так как описание «чистыми» метаязыковыми элементами, без включения в речевые последовательности возможно в минимальных границах. Ограниченность, «плен» языка снимается речью так же, как и самая высокая точность самой совершенной формализации может быть снята некорректностью речевых последовательностей или выражаемых этими последовательностями мыслей.

Заранее обрекает на неудачу идею создания искусственного семантического языка посылка о примате инструмента описания над объектом описания. Независимость описания и его инструмента от природы объекта неоднократно подчеркивается авторами рассматриваемой теории. «Независимо от степени расхождений в определении задач семантической теории существует довольно большая область согласия относительно того, каковы должны быть ее инструменты»²¹. Между тем инструмент, способ описания должен строиться в соответствии с особенностями объекта, так же как и любой метод, способ познания должен строиться в соответствии со специфическими характеристиками самого объекта. Во всяком случае степень совершенства метода оценивается степенью его близости, соответствия объекту. Способ толкования должен согласовываться с оценкой сущности значения, его структуры и систематизацией его типов. Решению вопросов описания лексической семантики должно предшествовать построение теории лексического значения, а «теория значения может и должна быть построена на основе марксистской теории познания, теории отражения и марксистского учения о единстве мышления и языка»²².

Вопрос о лексическом значении рассматривается в рамках данной теории как производный от вопросов о способах описания. В цитированной работе, названной «Современная лексическая семантика», сформулированы четыре требования к толкованиям: использовать элементарные значения или более сложные, применяя алгоритм перевода; толкования должны быть полными и неизбыточными; строить толкования без полисемии и омонимии имен; толковать не отдельные слова, а фразы. В науку задачу не входит рассмотрение этих требований, так как мы выясняем только предпосылки создания метаязыка, но не обсуждаем его строения и применения. Здесь для нас важно утверждение автора, что эти требования вносят коррективы в представления о самом лексическом значении. Эти коррективы перечисляются²³. Рассмотрим их.

Определенные слои лексики, указывает автор, характеризуются наличием в значении «модальных рамок», в частности положения наблюдателя. Так, при толковании предлога *из-за* (*мальчик вышел из-за ширмы*) нужно указать в словаре, что «воспринимающее лицо само не находится за ширмой и наблюдает не исчезновение, а появление мальчика. Следовательно, толкование предлога *из-за* должно включать в себя прямое указание на положение наблюдателя (воспринимающего) относительно движущегося предмета и преграды»²⁴. Прежде всего отметим, что неверно проанализирован пример. Вполне возможен и такой текст: *Весь вечер мальчик просидел с нами в небольшом углу комнаты за высокой ширмой. Один только раз он сделал попытку выйти из-за ширмы.*

²¹ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений... стр. 11.

²² В. А. Штофф, Введение в методологию научного познания, стр. 33.

²³ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, стр. 7—11.

²⁴ Там же, стр. 7.

Дело здесь не в наблюдателе, а в относительности содержания значений определенного разряда слов (*другой, тот, передний, задний, прошлый* и под.), обозначающих не постоянно определенные, не закрепленные свойства предметов и явлений, а свойства непостоянные, по-разному актуализующиеся в зависимости от изменения точки отсчета (*другая рука* — это может быть и правая, и левая рука). Положение наблюдателя — частный случай определенной точки отсчета, но оно может и не совпадать с ней, как в приведенном нами тексте. Значение предлога *из-за* относительно²⁵, так как включает значение относительного предлога *за* (*за границей* — это может быть и по ту, и по другую сторону границы, в зависимости от точки отсчета). Компонентом *из-за* является и значение *из*, у которого отсутствуют не «модальные рамки», как утверждает автор, а относительность, свойственная значению предлога *за*. У значения предлога *из* отсутствует относительность, оно абсолютизируется благодаря постоянству свойств, обозначаемых предложными сочетаниями: «вместилище» (*из ведра*), «внутренние пределы» (*из комнаты*), «исходный пункт движения» (*из Киева*) и т. д. В некоторой степени для предлога *за*, в большей степени — *из-за* также отмечается снятие относительности благодаря противопоставлениям «большие — меньшие размеры, значимость», «часть и целое», «отделение чего-либо», т. е. в связи с неравноценностью того, что по ту и другую сторону ширмы (*из-за ширмы, из-за двери*), что маркировано, например, вторым, переносным значением слова *ширма* «прикрытие». Но главное не в оценке отдельного примера и не в интерпретации относительности и модальности. Почему и каким именно образом это «уточнение» вытекает из операционных требований к толкованиям? Это и остается не разъясненным.

Второе уточнение сформулировано как открытие «второго слоя семантики слова» — семантических ассоциаций. Это значение слова, на основании которого оно регулярно метафоризируется, включается в сравнение, участвует в словообразовании и т. д. Ассоциации как семантическое явление известны не одно столетие. Не ясно, почему это «новшество», открытие. А главное, опять не разъясняется, какое именно из четырех требований к толкованию имеет следствием уточнение, касающееся ассоциативных связей значения, почему это уточнение вообще производно по отношению к инструменту анализа.

Третье «новшество» в понимании лексического значения — решение вопроса об отличии значения от логического понятия. В лексических значениях — пишет автор, — представлены наивные понятия, что подтверждается лексическими различиями разных языков, различиями научных и повседневных понятий, лексикограф не должен превращаться в энциклопедиста, его задача — вскрыть наивную картину мира и отразить в лексических значениях и толкованиях²⁶.

С таким решением вопроса о соотношении слова и понятия нельзя согласиться. Во-первых, полисемия самого слова *понятие* обусловила то, что автор пишет о соотношении логического понятия и значения слова, а имеет в виду научные понятия. Все слова (за очень небольшими исключениями) соотносятся с логическими понятиями, так как язык — это средство выражения обобщенного мышления, каждое слово обобщает, хотя не все логические понятия лексикализуются в отдельных словах и их значениях. Научные же понятия относятся к сфере знания (для нас это дру-

²⁵ Эта относительность передана в словарях включением в толкование относительных же слов: «с обратной, противоположной стороны чего-либо» (БАС), «употребляется при обозначении предмета, лица и т. п., с противоположной или обратной (задней) стороны которых направлено движение, действие» (МАС).

²⁶ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, стр. 8.

гой, высший отражательный уровень по отношению к мышлению), с ними соотносятся лишь термины.

Во-вторых, различия лексических значений слов в языках свидетельствуют не о наивности восприятия мира, а о возможных различиях в членении действительности мышлением и — в большей степени — о разных способах и формах отображения такого членения в системе языка.

Термины не имеют преимуществ в этом смысле. Они могут и различаться значениями в разных языках, и соотноситься с понятиями, неодинаково расчленяющими действительность. Приведем поучительный пример разного расчленения действительности в терминах даже одного языка с одинаковыми (они могут и не быть одинаковыми) результатами на уровне знания. Считается, что вторая половина XX в. обогатила философию понятием «система». Однако оценить ситуацию как естественный прогресс в науке очень мешают то обстоятельство, что практические образцы анализа сложных объектов как систем дали еще задолго до возникновения спора между биологами, кибернетиками, лингвистами о приоритете в использовании этого понятия классики марксизма-ленинизма в политэкономии, социологии, политике, и образцы эти оказались непревзойденными и по сей день. Лингвистический анализ применяемых терминов показал, что и в теории классики марксизма описали (и при этом более содержательно) то, что сегодня называется системой и структурой, только пользовались при этом другими терминами, иначе расчленяющими действительность, а именно терминами *связь, целостность, часть, конкретно-историческое, конкретный*. Первые три термина не нуждаются в комментариях. *Конкретно-историческое* — более глубокий и точный аналог понятия *значимость (функция, позиция)* в синхронии, «син» и «хронос» представлены в нем в более явном виде. Современные исследователи, пользуясь терминами *система, синхрония*, теоретически и в практическом анализе обычно имеют в виду панхронию, ахронию, но не синхронию, не ограничивая материал во времени и пространстве, что исключает выявление именно системных свойств. Термин *конкретный* имеется в виду в значении «всесторонне, в связях и опосредованиях определенный», восхождение в познании от абстрактного к конкретному трактуется в сущности еще у Гегеля как восхождение к познанию системы. Таким образом, парадоксальная ситуация разрешается возможностью описания действительности в разных языковых расчленениях, семантическое поле «система, структура» (и фрагмент действительности и его осмысление) покрывается семантическим полем терминов «часть, целое, связь, конкретный, конкретно-исторический».

Обиходные значения языка — не «наивные». Язык является сокровищницей познанного человеком, отработанного тысячелетней практикой деятельности человека и практикой общения. «Наивная» организация лексической семантики не смогла бы обеспечить языку ни того, что он хранит в расчлененном виде одновременно миллионы «смыслов» (в словарной картотеке более 500 000 слов × полисемия × грамматические значения в разных комбинациях + слова и значения специальных языков), ни тем более того, что он с легкостью используется практически. Благодаря тому, что язык хранит в высоко рациональной форме добытые человечеством знания о мире и отображает способы суждений о действительности, обращение к его содержаниям и организации может быть эффективно использовано для оформления, систематизации имеющегося и получаемого в науке знания, для получения нового (гипотетического) знания о том или ином фрагменте действительности и предсказания содержания знаний, которые будут получены в будущем, а также для совершенствования самого аппарата познания. Чисто языковые черты слова (морфологическая при-

надлежность и структура, семантический тип, внутренняя форма, место в системе, позиция в частных группировках, парадигматические и синтагматические свойства) значимы в метаязыках науки и могут являться источником уточнения знаний. Известно, что ученые многое берут из естественного языка для своих классификаций и описаний.

Обиходные значения в свою очередь отражают рост научных знаний, вбирают достижения знания. На настоящем уровне развития науки почти любое новое наименование проецируется на клетку данной, отработанной знанием системы. Уточнение научных понятий может привести и к образованию нового «обиходного» значения, и к изменению его объема и содержания. Другое дело, когда специальные понятия не становятся общим достоянием, а остаются в словарях и словниках специальных отраслей знания, но тогда это только вопрос объема инвентаря слов и значений в словаре, а не противопоставление значения и понятия.

Рассматриваемое понимание соотношения лексического значения и понятия обусловлено нечеткими представлениями о соотношении языка и мышления, языка и действительности, мышления и действительности. «...далеко не все имеющиеся в языке слова интересны для лингвиста (? — Н. К.). Оставаясь в рамках своей науки, лингвист не может точно описать различие между *нейтрино* и *нейтроном*; понятия, необходимые для точного истолкования значений этих терминов, вырабатываются не лингвистом, а физиком, и строгое их определение возможно только на языке физики, но не на языке лингвистики. С этой точки зрения каждый толковый и двуязычный словарь является по существу смешанным: он энциклопедичен ровно в той мере, в какой содержит толкования слов, для определения которых лингвист не располагает необходимыми понятиями»²⁷. В словаре, применяющем такую теорию, «истолкование получают далеко не все входящие в него слова. Без определений остается вся конкретная и терминологическая лексика, в особенности слова, обозначающие конкретные предметы, ср. *стол*, *иволга*, *собака*, *метла*, *дерево*, *кастрюля* и т. п.»²⁸. Эти взгляды формулируются и развиваются и в других работах. Однако и конкретная лексика, и термины, конечно, входят в систему языка, и соответствующие им лексические значения — равноправные элементы всего инвентаря языковых значений, охватывающих весь реальный мир, иначе язык не смог бы выполнять свои функции. Описание этих слов не делает толковый словарь энциклопедическим. В энциклопедиях описываются не научные понятия, как утверждается в рассматриваемой теории, а реалии (которые обозначаются в них отдельными словами, собственными и нарицательными, сочетаниями, описательно и т. д.). В филологических словарях описываются слова. Такое различие объекта описания не снимается, а лишь подчеркивается многочисленными примерами смещения задач: включением в филологические словари чужеродных объектов и наличием в энциклопедиях нерелевантной для энциклопедического описания информации, а также наличием словарей-кентавров, в которых в какой-то мере оправданно (ср. энциклопедический словарь) или совсем не оправданно (ср. словарь иностранных слов) дается и филологическая, и энциклопедическая информация. Проблема энциклопедического описания — не лингвистическая и не семантическая проблема, а проблема знания, прежде всего научного знания, однако наука здесь имеет отношение к субъекту, а не к объекту описания.

Особый жанр представляют собой терминологические словари, сходные

²⁷ Ю. Д. А п р е с я н, Идеи и методы..., стр. 257.

²⁸ Там же.

с филологических (и отличные от энциклопедий) по принадлежности их объектов к знаковой системе и отличающиеся от них арельным захватом объектов, направленностью на описание понятийного компонента значения термина, степенью ориентации на научные знания в субъекте описания.

В общем толковом словаре слово-термин должно описываться только как слово, элемент языковой системы. Ничто языковое не чуждо терминам. Им свойственна антонимия, синонимия, полисемия. Забвение, например, полисемии термина часто приводит к драматическим ситуациям в науке, ср. противоречивость утверждений в научных работах и учебных пособиях об идеальности или материальности сознания, проистекающую из неконтролируемого употребления термина *сознание* в разных (4—5) значениях. Языковые свойства лексических значений присущи конкретной и терминологической лексике, как и абстрактной и нетерминологической. В конкретной лексике так же, как и в абстрактной, может отражаться разное расчленение действительности (ср. известный пример разных словесных обозначений в разных языках руки и ее частей, разные обозначения снега и т. д.). Наличие языковых значимостей Соссюр по-изывал на примерах конкретной лексики (*буженина, баран, баранина* к под.). Если в словарь не войдет или не будет в нем семантически описана конкретная лексика, то будет трудно или даже невозможно описать и абстрактную.

Специфика смысловой характеристики термина в общем толковом словаре выражается в необходимости учета научных знаний при характеристике понятийного компонента значения, строгой фиксированности его объема, учета возможной конвенциональности содержания и обязательной принятости употребления, в необходимости избрать при вариантности распространенное и авторитетное понимание термина. Большую трудность при этом представляет собой установление релевантности формулируемых наукой дифференциальных признаков, т. е. объема научной информации при определении термина (для выполнения требования полноты определения при соблюдении других требований). Как гипотетический выход из положения можно предложить устанавливать возможность включения тех или иных компонентов научного знания в определение термина аналогично принципам включения в общий словарь самих терминов и их значений.

Остается непонятным, почему онтологический вопрос о природе лексического значения решается после вопроса о толкованиях и утверждается, что он решен на основе операциональных требований к ним. Получается, что если избранный инструмент не может охватить каких-то элементов объекта, то этих элементов нет в самом объекте.

Наконец, четвертое уточнение в понимании лексического значения, рожденное названными требованиями к толкованиям, заключается в том, что способы описания позволяют описывать значения то как значения, то как сочетаемость. «а) Некая семантическая особенность слова может быть истолкована только как особенность его значения., б) некая семантическая особенность слова может быть описана только как особенность его сочетаемости., в) некая семантическая особенность слова может быть интерпретирована либо как особенность его значения, либо как особенность его семантической сочетаемости»²⁹. Но каковы преимущества у теории, согласно которой некоторое свойство (значение) можно оценивать и так, и иначе, как что-то другое (сочетаемость)?

²⁹ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, стр. 9—10.

Провозглашение независимости построения метода от особенностей объекта, его природы, от решения онтологических вопросов обусловило не только слабость метода, но и несостоятельность понимания объекта — лексического значения. В работах о семантическом языке оно эклектично и противоречиво. Лексическое значение понимается то как набор семантических компонентов, то как внеязыковая ситуация, то как «смысл», проецирующийся на уровень мышления или представляющий собой инвариант внутриязыковых преобразований, то как функция контекста или функция ситуации, то как явление, целиком зависящее от инструмента анализа и потому имеющее лишь относительные характеристики.

Таким образом, задача создания искусственного языка, описывающего лексическую семантику, представляется некорректно поставленной и утопической. При описании естественного языка искусственно созданные элементы метаязыкового характера могут быть использованы и используются лишь фрагментарно и в качестве вспомогательного аппарата, являющегося, однако, результатом определенной познавательной работы, прежде всего изучения природы и типов лексического значения.

Е. С. КУБРЯКОВА

ДЕРИВАЦИЯ, ТРАНСПОЗИЦИЯ, КОНВЕРСИЯ

Еще Ш. Балли отметил ту огромную роль, которую играет транспозиция — перевод знака из одной категории в другую — в функционировании языка. «Замкнутые в своих категориях, знаки — утверждал он, — служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки»¹. Важную роль играет транспозиция и в словообразовании. Ее наличие или, напротив, отсутствие в актах словообразования побудило Е. Куриловича ввести разграничение деривации лексической и деривации синтаксической². Виднейший специалист по теории словообразования Г. Марчанд включил понятие транспозиции в определение словообразования: о деривации можно говорить лишь тогда, — подчеркнул он, — когда слово меняет свою классную принадлежность (ср. англ. *clean* «чистый» и *to clean* «чистить») или же свою принадлежность к определенному лексическому разряду слов (ср. англ. *professor* «профессор» — *professorship* «профессура») ³.

Наиболее известной формой транспозиции на уровне слова является суффиксальное словопроизводство. Транспозиция, однако, существует и при других разновидностях словообразования. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые аспекты транспозиции, происходящей при так называемом безаффиксальном словообразовании. Вместе с тем мы хотим уточнить сущность этого способа деривации.

Мы называем деривацией процесс образования или результат образования в языке любого вторичного знака, т. е. знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из нее путем применения определенных правил. Принцип деривации и складывающиеся в процессе деривации единицы отношения производности между ними имеют основополагающее значение для понимания строения и функционирования всей системы языка. Важные для уяснения механизма анализа и синтеза речи⁴, они, по-видимому, столь же важны и для характеристики некоторых частных подсистем языка — синтаксиса, морфологии, словообразования. Словообразование, например, можно рассматривать как определенный тип деривации со следующими специфическими чертами: это такой процесс образования вторичных знаков, при котором вторичный знак создается непосредственно в целях номинации и при котором он ограничен пределами слова. Производное

¹ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1955, стр. 143.

² Е. Курилович, *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*, в кн.: Е. Курилович, *Очерки по лингвистике*, М., 1962.

³ См.: Н. Марчанд, *Expansion, transposition and derivation*, «La linguistique», 1967, 1, стр. 17.

⁴ Ср., например: С. Д. Кацинельсон, *Порождающая грамматика и принцип деривации*, «Проблемы языкознания», М., 1967, стр. 23.

всегда связано с исходным знаком отношениями мотивации, повторяющимися в целой серии случаев — словообразовательном ряду — и складывающимися благодаря применению одного и того же формального средства.

Вообще говоря, русский язык позволяет разграничить термины «деривация» (порождение любых вторичных знаков независимо от конкретных целей порождения и сложности образуемых знаков) и «словообразование» (порождение однословных мотивированных наименований). В настоящей статье, однако, следуя более принятому употреблению, мы используем эти термины как синонимичные и под деривацией имеем в виду исключительно процессы деривации словообразовательного характера. Наша цель — показать пути синхронного конструирования производных наименований, происходящего при транспозиции и не вовлекающего в этот процесс никаких специальных словообразовательных средств. В современном языкознании процессы деривации, протекающие без осложнения основы мотивирующего слова словообразовательным суффиксом, получают разные обозначения (ср. термины «безаффиксальное словообразование», «нулевое словообразование», «конверсия» и др.) и трактуется не тождественно. Так, в русистике продолжают спорить о том, какие типы отношений связывают слова *золото* — *золотой*, *синий* — *синь*, *обед* — *обедать* и т. п.⁵, нередко описывая эти случаи под разными названиями. В англистике большинство лингвистов рассматривало отношения между словами типа *milk* «молоко» и *to milk* «доить» как конверсию, но Г. Марчанд предложил сравнительно недавно пересмотреть эту концепцию, называя конверсией исключительно употребление слова в неисконной для него синтаксической функции. Отношения указанного типа он считает результатом словообразования с помощью нулевой морфемы⁶. Против этой трактовки применительно к славянским языкам убедительно выступил М. Докулил⁷. О природе транспозиции и ее словообразовательных последствиях спорили и на материале других языков⁸. Впрочем, исчерпывающего описания явлений этого рода, насколько нам известно, предложено до сих пор не было. Не было и попытки рассмотреть материал разных языков под единым углом зрения. Не приходится, однако, сомневаться в том, что именно сравнение разных языков, выполненное с определенной целью, приводит к интересным результатам. Такой целью мы считали изучение морфологического окружения у производной и производящей осн^ов.

⁵ Ср., например: В. В. Лопатин, Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, ВЯ, 1966, 1; Р. И. Лихтман, Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке?, ВЯ, 1968, 2; И. А. Мельчук, Словообразование и конверсия, «Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка АН СССР», 30, М., 1972.

⁶ Ср.: H. Marchand, Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Französischen und die entsprechenden Verhältnisse im Englischen und Deutschen, «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», 73, 1963; e g o ж e, Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen, «Die Neueren Sprachen», 3, 1964.

⁷ См.: M. Dokulil, Zur Frage der sog. Nullableitung, «Festschrift H. Marchand», The Hague, 1968; e g o ж e, Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und -beziehungen, TLP, 3, 1968.

⁸ Точнее, освещению подвергались проблемы конверсии. Ср. работы П. А. Соболевой, А. А. Уфимевой, И. П. Ивановой и др., относящиеся к английскому языку, работы М. Д. Степановой и В. Флейшера, относящиеся к немецкому языку, ср. также: В. Г. Гак, О глагольно-именной конверсии во французском языке, «Уч. зап. [Ин-та Международных отношений]», 7, М., 1961; Н. Д. Арутюнова, Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации (на материале испанского языка), ВЯ, 1960, 2, и др.

Как показал материал, подобные однокорневые основы могут выступать в следующих четырех типах морфологического окружения:

I — и в мотивирующем, и в мотивированном словах за основой следует какой-либо морфологический показатель (морфологическим показателем считается любая словоизменятельная или формообразующая морфема); оба члена словообразовательной корреляции характеризуются в таком случае структурами «основа + морфологический показатель» (модель типа русск. *золот-о* → *золот-ой*).

II — в мотивирующем слове основа выступает в окружении материально выраженного морфологического показателя, в мотивированном — в окружении нулевой морфемы (модель типа русск. *нагрет-а-ть* → *нагрет*).

III — в мотивирующем слове основа выступает в окружении нулевой морфемы, т. е. характеризуется структурой, тождественной чистой основе, в мотивированном — в окружении выраженного морфологического показателя (модель типа русск. *обед* → *обед-а-ть*).

IV — и в мотивирующем, и в мотивированном словах за основой следует нулевая морфема, т. е. оба члена словообразовательной корреляции характеризуются структурами, совпадающими с чистой основой (модель типа англ. *sail* «парус» → *to sail* «идти под парусом»).

Как следует из этого описания, разные типы словообразовательных корреляций существуют постольку, поскольку оба члена могут содержать основы, оформленные материально выраженными морфологическими показателями, или же, напротив, оформленные нулевыми морфемами; разные типы корреляций существуют и в зависимости от того, какой из членов корреляции (левый или правый) содержит материально выраженный морфологический показатель, а какой — нулевую морфему.

Если в описанных корреляциях материально совпадающие основы обозначить буквой *L* (лексема), нулевые морфемы с разными значениями как \emptyset_1 , \emptyset_2 и т. д., а любые материально выраженные морфологические показатели как M_1 и M_2 , четыре выделенных структурных типа реализации безаффиксальных словообразовательных отношений можно описать с помощью четырех простых формул:

$$\begin{aligned} \text{I} & - L + M_1 \rightarrow L + M_2 \\ \text{II} & - L + M \rightarrow L + \emptyset \\ \text{III} & - L + \emptyset \rightarrow L + M \\ \text{IV} & - L + \emptyset_1 \rightarrow L + \emptyset_2 \end{aligned}$$

Из приведенных формул ясно следует, что со структурной точки зрения словообразовательные отношения характеризуются здесь не чем иным, как сменой морфологического окружения у материально совпадающих основ в назывных формах слова. Посмотрим, с какими смысловыми сдвигами связано изменение морфологического окружения основ в каждом типе корреляций и в каких языках эти корреляции представлены.

Связи слов по первому типу ($L + M_1 \rightarrow L + M_2$) наблюдаются в тех флективных языках, где основные части речи, принимающие участие в словообразовании (существительное, прилагательное и глагол), содержат в своих назывных формах обязательные ненулевые морфологические показатели. При транспозиции по этому типу чаще всего наблюдается переход из одной части речи в другую, причем словообразовательными отношениями связываются разные части речи: а) прилагательные и глаголы; ср. русск. *бел-ый* → *бел-е-ть*, *бел-и-ть*, *стар-ый* → *стар-е-ть*, *стар-и-ть*; исл. *blakk-ur* «темный» → *blakk-a* «синить», *bag-ur* «трудный» → *bag-a* «затруднять», *sval-ur* «прохладный» → *sval-a* «охлаждать», *fræg-ur* «зна-

менитель) → *fræg-j-a* «прославлять»; б) прилагательные и существительные: ср. русск. *зло-ой* → *зло*, *добр-ый* → *добр-о*; исл. *hvit-ur* «белый» → *hvit-a* «белизна», *sink-ur* «скупой» → *sink-a* «скудость», *bag-ur* «трудный» → *bag-i* «трудность»; в) глаголы и существительные: ср. русск. *рев-е-ть* → *рѣв-а*, *заик-а-ть-ся* → *заик-а*, *вер-у-ть* → *вер-а*, *дел-а-ть* → *дел-о*; исл. *seyð-a* «отваривать» → *seyð-i* «отвар», *skað-a* «вредить» → *skað-i* «вред»; швед. *skrik-a* «кричать» → *skrik-a* «сойка», буквально «крикуша», *bräck-a* «ломать» → *bräck-a* «трещина», *gömma* «прятать» → *gömm-a* «тайник»; г) существительные и глаголы: ср. русск. *пил-а* → *пил-у-ть*, *кос-а* → *кос-у-ть*, *граф-а* → *граф-у-ть*; исл. *fisk-ur* «рыба» → *fisk-a* «ловить рыбу», *sím-i* «телефон» → *sím-a* «звонить по телефону», *flokk-ur* «группа» → *flokk-a* «группировать»; д) существительные и прилагательные: ср. русск. *золот-о* → *золот-ой*, *свин-ья* → *свин-ой*.

В более редких случаях категориальный сдвиг осуществляется в пределах одной части речи, существительного, заключаясь в изменении родовой характеристики слова. Это так называемая мутация, ср. исл. *vin-ur* «друг» → *vin-a* «подруга», *fostr-i* «приемный отец или сын» → *fostr-a* «приемная мать или дочь», гот. *arb-ja* «наследник» → *arb-jō* «наследница», *ga-razn-a* «сосед» → *ga-razn-ō* «соседка», *frijond-s* «друг» → *frijond-i* «подруга».

Корреляции мотивирующего и мотивированного слов по второму типу ($L + M \rightarrow L + \emptyset$) также наблюдаются в языках флективного строя, где одни из основных частей речи требуют в назывных формах обязательного наличия ненулевого морфологического показателя, а другие (или отдельные разряды других) реализуются в соответствии с грамматическими нормами данного языка морфологическими структурами с нулевыми показателями. Транспозицией по этому типу связываются чаще всего глаголы и существительные: ср. русск. *бег-а-ть* → *бег*, *вывоз-у-ть* → *вывоз*, *нагрев-а-ть* → *нагрев*; нем. *lauf-en* «бегать» → *Lauf* «бег», *fallen* «падать» → *Fall* «падение», *ruf-en* «звать» → *Ruf* «зов», исл. *fall-a* «падать» → *fall* «падение», *kall-a* «звать» → *kall* «зов», *stig-a* «шагать» → *stig* «шаг», швед. *smäll-a* «шлепнуть» → *smäll* «шлепок», *träff-a* «попадать» → *träff* «попадание», *kast-a* «бросать» → *kast* «бросок»; франц. *arriv-er* «прибывать» → *arrivé* «прибытие», *blâm-er* «порицать» → *blâme* «порицание» и пр.

В русском языке этот тип представлен и в корреляциях прилагательного и существительного: *син-ий* → *синь*. Ср. также межкатегориальные отношения внутри существительного типа *биолог-ия* → *биолог*, *астроном-ия* → *астроном*.

Корреляции, построенные по третьему типу — $L + \emptyset \rightarrow L + M$, — встречаются в тех флективных языках, где какие-либо из основных частей речи лишены в своих назывных формах специального морфологического показателя, но где им противостоят разряды слов, оформленные ненулевыми морфемами. Так, в немецком, французском и шведском языках, где прилагательные в им. падеже ед. числа муж. рода не требуют особой флексии, указанным типом словообразовательных отношений часто связываются прилагательные и глаголы; последние, напротив, содержат, как правило, в инфинитиве специальное окончание. В русском языке, где чистой основой может быть представлена форма им. падежа ед. числа существительных муж. рода, подобные отношения устанавливаются между существительными и глаголами: *штурвал* → *штурвал-у-ть*, *хам* → *хам-у-ть*; ср. также *ох-а-ть*, *бух-а-ть*, *хлоп-а-ть* и пр.

Транспозицией по данному типу связываются друг с другом все основные части речи: а) прилагательные и глаголы — ср. нем. *kalt* «холодный» → *kalt-en* «холодеть, остывать», *grau* «серый» → *grau-en* «сереть»;

франц. *lisse* «гладкий» → *liss-er* «полировать», *blanche* «белая» → *blanch-ir* «становиться бледным»; исл. *jafn* «равный» → *jafn-a* «выравнивать», *skyr* «ясный» → *skyr-a* «разъяснять»; швед. *trött* «усталый» → *trött-a* «утомлять», *tät* «густой» → *tät-a* «сгущать», *lös* «свободный» → *lös-a* «освобождать»; б) существительные и глаголы — ср. нем. *Öl* «масло» → *öl-en* «пропитывать маслом», *Land* «земля» → *land-en* «приземляться», *Blut* «кровь» → *blut-en* «кровоточить»; швед. *bomb* «бомба» → *bomb-a* «бомбить», *film* «фильм» → *film-a* «снимать фильм», *salt* «соль» → *salt-a* «солить»; русск. *ужин* → *ужин-а-ть*, *лист* → *лист-а-ть*; исл. *sekt* «штраф» → *sekt-a* «штрафовать», *flagg* «флаг» → *flagg-a* «поднимать флаг», *fifl* «дурак» → *fifl-a* «дурачить», франц. *vagabond* «бродяга» → *vagabond-er* «бродяжничать», *colle* «клей» → *coll-er* «клеить», *pelot* «клубок» → *pelot-er* «наматывать в клубок»; в) существительные и прилагательные — ср. исл. *salt* «соль» → *salt-ur* «соленый», *verð* «цена» → *verð-ur* «ценный»; г) прилагательные и существительные — ср. исл. *sykn* «невиновный, невинный» → *sykn-a* «невиновность; невинность»; *jafn* «равный» → *jafn-i* «рównья», швед. *besk* «горький» → *besk-a* «горечь».

В русском языке структурные отношения описываемого типа наблюдаются в родовых корреляциях, в пределах существительного — ср. *раб* — *раб-а*, *супруг* — *супруг-а*, *Иванов* — *Иванов-а*, *Александр* — *Александр-а*, *Валентин* — *Валентин-а*.

В словообразовательных корреляциях четвертого типа ($L + \theta_1 \rightarrow L + \theta_2$) назывная форма мотивирующего слова полностью совпадает с назывной формой слова мотивированного. Этот тип отношений широко представлен в английском языке и составляет отличительную черту его строения. Интересно, что в зависимости от направления отношений словообразовательной производности, которое иногда очень трудно установить (ср. работы П. А. Соболевой и Г. Марчанда), здесь могут встречаться как отглагольные существительные, так и отыменные глаголы с тождественными формальными структурами, ср. *to work* «работать» → *work* «работа», *to jump* «прыгать» → *a jump* «прыжок», *to play* «играть» → *a play* «игра», с одной стороны, и *cradle* «колыбель» → *to cradle* «помещать в колыбель», *silver* «серебро» → *to silver* «покрывать серебром», *a sail* «парус» → *to sail* «идти под парусами», с другой.

Вопреки распространенному мнению о том, что конверсия может наблюдаться как следствие распада флексий и как результат существования большого количества форм с нулевыми морфемами, полное совпадение назывных форм производящего и производного слов может являться результатом омонимии служебных морфем. Ср. исл.: *drif-a* «метель», «снегопад» → *drif-a* «идти (о снеге)»; *drull-a* «грязь» → *drull-a* «пачкать», «грязнить»; *still-a* «успокаивать» → *still-a* «затишье», *saum-à* «шить» → *saum-a* «шить», *skil-a* «возвращать» → *skil-a* «возвращение» (I тип структуры).

Приведенный материал разных языков позволяет, по всей видимости, утверждать, что существование тех или иных типов структурной реализации безаффиксальных словообразовательных отношений есть прямое следствие специфики морфологического строя изучаемых языков. Зависимости, которые здесь выявляются, подчиняются в целом следующим правилам: 1) если транспозиции подвергается структура, содержащая материально выраженный морфологический показатель, то сама транспозиция происходит либо в виде а) усечения всех показателей с последующим присоединением к основе материально выраженных показателей другого класса (I тип структуры, *золот-о* → *золот-ой*), либо в виде б) полного усечения показателей исходной структуры (II тип структуры); 2) если транспозиции подлежит подвергнутая структура, содержащая нулевой показатель, то транспозиция

происходит либо в виде а) присоединения к основному нового материально выраженного морфологического показателя (III тип структуры), либо в виде б) использования старой основы в качестве представителя новой парадигмы, т. е. как бы в виде прямого перевода основы из одного парадигматического класса в другой и лишь с последующим изменением окружения основы в не-назывных формах слова (IV тип структуры).

Таким образом, какую бы конкретную форму ни принимала безаффиксальная транспозиция, она всегда выражается в виде замен одних морфологических показателей другими. Структурный тип этих замен (M_1 на M_2 , M на \emptyset , \emptyset на M или \emptyset_1 на \emptyset_2) зависит полностью от необходимости M или \emptyset в исходной форме и необходимости M или \emptyset в производной форме. Но подобная необходимость диктуется исключительно грамматическими нормами конкретного языка. Следует поэтому подчеркнуть, что наличие материально выраженных показателей в структурах исходных единиц отнюдь не препятствует проведению транспозиции. Именно поэтому она может быть равно широко представленной и в языках со сложной и разветвленной системой морфологических показателей, например, в исландском языке, и в языках с прямо противоположными свойствами, например, в английском. Правда, применительно к языкам первого типа следует говорить, по-видимому, о транспозиции основ, а применительно к языкам второго типа — о транспозиции слова, но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Известная зависимость существует не только между структурным типом реализации безаффиксальных словообразовательных отношений и оформлением морфологических показателей у отдельных частей речи. Определенная зависимость существует также и между указанными типами и функциональной характеристикой показателя, присоединяющегося при транспозиции к основе исходного слова. Так, флексия и основообразующие элементы (в тех языках, где последние представлены) не вполне эквивалентны по своей значимости для словообразования. Строго говоря, можно было бы дифференцировать вследствие этого чистое безаффиксальное словообразование, имеющее место при полном тождестве основ мотивирующего и мотивированного слова и при отсутствии в производной основе какого бы то ни было суффиксального элемента (*золот-о* → *золот-ой*), и безаффиксальное словообразование с морфологическим основообразованием. Оно имеет место при появлении в основе производного слова нового основообразующего элемента, т. е. формообразующей морфемы, ср. *золот-о* → *золот-и-ть*. Как мы, однако, постараемся показать ниже, расширение основы этим морфологическим показателем используется именно в морфологических целях и имеет для словообразования лишь косвенное значение; основы морфологическая и деривационная не совпадают.

В целом, следовательно, разные структурные типы реализации словообразовательных отношений, связанных с транспозицией единиц, создаются вследствие обязательности ~ необязательности специальных морфологических показателей в составе производных и производящих слов, а также из-за специфики функционального статуса этих морфологических показателей. Естественно поэтому, что в таких языках, как исландский или русский, где назывные формы глагола представлены обычно структурами «основа + ненулевой показатель», образование глаголов от любой части речи сопряжено с реализацией по I или III структурным типам. Напротив, в таком языке, как английский, где назывная форма глагола не маркируется специальной морфемой, образование глаголов транспозицией реализуется по IV структурному типу. В шведском языке, где всего

несколько глаголов не содержат инфинитивного показателя, такая же картина характерна буквально для единичных случаев, ср. *sko* «ботинок» — *att sko* «обувать».

Существованием описанных зависимостей еще раз подтверждается глубокая внутренняя связь морфологии и словообразования во флективных языках и — вместе с тем — необходимость выделения такой отдельной области исследования, как деривационная морфология. Если в задачу словообразования входит установление и описание отношений словообразовательной производности и моделей производных единиц, — к задачам деривационной морфологии может быть отнесено установление и описание морфологических особенностей этих отношений и этих моделей. Областью деривационной морфологии, которая, как показывает ее наименование, принадлежит одновременно и морфологии, и словообразованию, можно признать, по всей видимости, анализ морфологически особенностей слов образования конкретного языка, анализ взаимодействия морфологии и словообразования. Если словообразование — это прежде всего особой тип формально-семантических отношений языка, то на долю деривационной морфологии приходится изучение той важной части словообразовательных моделей, которая касается формального аспекта их организации и которая — еще уже — связана с чисто морфологическими особенностями изучаемых моделей.

Выше мы представили краткое описание того фрагмента деривационной морфологии языков флективного типа, который отражает формальные особенности безаффиксального словообразования. Мы констатировали, что словообразовательные корреляции выделенных типов можно охарактеризовать в терминах изменения морфологического окружения у производной основы. Возникает вполне закономерный вопрос: как охарактеризовать эти корреляции со словообразовательной точки зрения, т. е. как определить, что можно считать средством словообразования в описанных корреляциях?

Хотя во многих из рассмотренных случаев тождество основ мотивирующего и мотивированного слова сомнения не вызывает (ср. *раб* → *раба*), в некоторых случаях оно не представляется столь же бесспорным (ср. *старый* — *стареть*, *стартит*). Не может ли в этих последних случаях, отражающих морфологическое переоформление основ, расширение основы основообразующим элементом рассматриваться как особая разновидность словообразовательной суффиксации? Нельзя ли считать, что словообразование совмещено здесь с формообразованием и что основообразующий элемент, являясь первоначально носителем грамматической функции, берет на себя далее и выполнение деривационных функций? При всей привлекательности такого решения, правильно учитывающего в конечном итоге общую функциональную нагрузку тематических элементов и их синкретизм⁹, против него могут быть выдвинуты достаточно серьезные аргументы.

Во-первых, трудно представить себе, чтобы словообразовательный суффикс, характеризуя одну из словоформ, начисто исчезал из других и, следовательно, не проходил бы по всей парадигме своего слова. Но положение основообразующих элементов во многих языках именно таково и, будучи закономерно представленными в одних словоформах, они так-

⁹ Ср.: Е. С. Куврякова, Именное словообразование в германских языках, «Сравнительная грамматика германских языков», 3, М., 1963; Э. А. Макаев, Е. С. Куврякова, О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке, «Фонетика, фонология, грамматика», М., 1971; Р. И. Лихтман, указ. соч.

же закономерно отсутствуют в других. В русском языке, например, выделяют отыменные глаголы с суффиксом *-Ø-/-и-ть* типа *знакомить*, т. е. прямо постулируют, что в части форм «суффикс», являясь- Ø-, отсутствует¹⁰. Но ведь внутри глагольной парадигмы значение основ *знаком'-*, *знакомл'-* и *знакоми-* одинаково, из чего можно сделать несомненный вывод о том, что словообразовательное значение передается здесь независимо от того, содержит основа тематический элемент или же он отсутствует. Не удивительно поэтому, что во многих производных от слов, содержащих основообразующий элемент, последний тоже может отсутствовать: слово *сынъка*, как свидетельствует его значение, связано с глаголом *синить*, а слово *побелка* — с глаголом *побелить*, но этот факт в структуре производных не отражен. Это тоже ярко свидетельствует о несловообразовательном (асемантическом) характере основообразующего элемента.

В исландском языке существительное жен. рода *veiði*, обозначающее улов или добычу, мотивировано глаголом *veiða* «ловить». На первый взгляд кажется, что различие между именной и глагольной основами выражено именно различием основообразующих элементов: *-a-* для глагола и *-i-* для имени. Склоняясь, имя приобретает, однако, следующие формы:

Ед. ч слово	Мн. число
<i>veiði</i>	<i>veið-ar</i>
<i>veið-ar</i>	<i>veið-a</i>
<i>veiði</i>	<i>veið-um</i>
<i>veiði</i>	<i>veið-ar</i>

Из этого ясно следует, что основы *veiði* и *veið-* передают одинаковое значение, хотя в последней основе тематический гласный отсутствует.

С другой стороны, если обратиться к спряжению исходного глагола, легко убедиться в том, что и здесь функционируют две разных основы; ср.:

Презенс мн. ч.	Претерит ед. ч.
1 л. <i>veið-um</i>	<i>veið-a-ði</i>
2 л. <i>veið-ið</i>	<i>veið-a-ðir</i>
3 л. <i>veið-a</i>	<i>veið-a-ði,</i>

из чего следует, что внутри данной парадигмы *veið-* = *veiða-*.

Казалось бы теперь, что если две величины равны порознь третьей величине, то они равны между собой, и если *veiði* = *veið-*, а *veiða* = *veið-*, то *veiði* = *veiða-*. Поскольку, однако, мы точно знаем, что это неправильно и что основа *veiða-* не тождественна основе *veiði-* (первая — глагольна, вторая субстантивна), нам остается признать и что *veið₁-* в именной парадигме не равно *veið₂-* в глагольной и что вопреки их формальному тождеству они принадлежат разным словам и выражают разные значения. Но из этого следует, что отсутствие основообразующего элемента в сериях форм не препятствует их осознанию как форм разных слов. Именно поэтому можно утверждать, что распознавание семантической структуры основы происходит вопреки отсутствию в ней основообразующего элемента. Это подкрывает тезис о причастности основообразующего элемента к передаче какого-либо словообразовательного значения. Если новое словообразовательное значение — название действия — передается в части форм чистой основой совершенно в той же мере, в какой оно выражается основой с основообразующим элементом и если мо-

¹⁰ Ср.: Р. В. Бахтурина, Морфологические условия образования отыменных глаголов с суффиксом *-Ø-/-и-ть*, «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966.

тивирующей основой является на деле не только основа типа *veid-a-*, но совокупность основ *veida- ~ veid-*, то у нас нет достаточных оснований считать основообразующий элемент носителем деривационного значения.

Доводом против словообразовательной роли основообразующих элементов является и то, во-вторых, что они проходят параллельно в сериях производных и непроизводных слов. Так, в классе *ja*-основ исландского языка наряду с производными существительными типа *veidi* или *fiski* «рыбная ловля» представлены непроизводные типа *eyri* «песчаная отмель» или *myri* «болото». Среди русских глаголов на *-еть* отчетливо выделяются непроизводные глаголы типа *владе́ть*, *тере́ть*, тема в которых должна быть признана со словообразовательной точки зрения асемантическим суффиксом¹¹. Интересно также, что глаголы на *-еть*, мотивированные прилагательным, приобретают значение «приобретать признак, указанный производящей основой», но что тем же значением становления признака обладают и глаголы, для которых в системе языка нельзя найти мотивирующей их основы¹², ср. *мле́ть*, *зре́ть*, *сне́ть*, *це́пенеть* и пр. Все это, конечно, препятствует безоговорочному признанию темы *-e-* деривационным суффиксом.

Не может не обратить внимания, в-третьих, и тот факт, что даже в существующих корреляциях основообразующим элементам трудно приписать определенное четкое словообразовательное значение. Так, в противопоставлениях типа исл. *sigt-i* «сито» — *sigt-a* «просеивать через сито»; *seym-i* «нитка из жил» — *seym-a* «шить нитками из жил»; *sim-i* «телефон» — *sim-a* «звонить по телефону» и пр. основообразующим *-i-* маркированы непроизводные существительные, а темой *-a-* производные глаголы. В корреляциях же типа *skad-a* «вредить» — *skad-i* «вред»; *seyd-a* «отваривать» — *seyd-i* «отвар»; *skeyt-a* «сообщать» — *skeyt-i* «сообщение»; телеграмма, напротив, основообразующим *-a-* маркированы непроизводные глаголы, а темой *-i-* — производные существительные. Можно предположить в силу всего этого, что сами тематические гласные и не выражают ничего, кроме принадлежности включающих их единиц к тому или иному типу склонения или спряжения. Они — классификаторы, определяющие место данного слова в парадигматике языка. Конечно, не вызывает сомнения, что с определением места слова в грамматической системе связаны и его семантические характеристики — те, которые соответствуют категориальной семантике отдельных частей речи. Тем не менее эти функции основообразования вторичны, и нельзя не согласиться с М. Докулилом, когда он указывает, что в таких чешских глаголах, как *zelenat*, *zelenět*, *zelenit* основообразующие элементы не выполняют словообразовательной роли¹³.

Итак, со словообразовательной точки зрения корреляции, построенные с участием основообразующих элементов, не отличаются принципиально от тех, которые строятся без них. Это заставляет нас предположить, что средством словообразования во всех рассмотренных случаях является какой-то единый способ. Этим способом мы считаем смену морфологических показателей. В этом смысле мы полностью согласны с А. И. Смирницким, выдвинувшим положение о том, что в качестве словообразовательного средства может выступать парадигма слова¹⁴. Мы бы только уточнили это определение, подчеркнув, что собствен-

¹¹ См.: И. С. Улуханов, Глаголы на *-еть* в современном русском языке, «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966, стр. 127 и сл.

¹² Там же, стр. 130.

¹³ См.: М. Dokulil, Zur Frage der Konversion..., стр. 225.

¹⁴ См.: А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 166.

но словообразовательным приемом является здесь операция по замене одних морфологических показателей на другие, т. е. смена парадигм.

Очень важно также, что сменной парадигм нельзя получить производного *ad hoc*: словообразовательные отношения безаффиксального типа тоже моделируются, причем моделируются, как мы видели, соответственно тому, какая парадигма меняется на какую. В каждом языке складываются поэтому свои собственные модели транспозиции. Более того. Переводом из одного грамматического разряда в другой — транспозицией и сменой парадигм — достигается создание такого наименования, семантическую структуру которого можно предсказать, причем предсказать как потому, что новое наименование получает в этом акте новые желаемые общекатегориальные грамматические характеристики (процессуальность, предметность, атрибутивность и пр.), так и потому, что новое наименование может получить в ходе указанного процесса новые желаемые лексические характеристики. Если бы перевод из одной части речи в другую сопровождался бы исключительно изменением в грамматической семантике слова, модели транспозиции из одной части речи в другую были бы всегда одинаковыми. На самом деле, однако, смена парадигм бывает нередко сопряжена и с другими дополнительными семантическими сдвигами, носящими в отдельных языках индивидуальный характер. Благодаря этому на изменения в грамматической семантике слов могут наслаиваться и добавочные смысловые оттенки.

В исландском языке, например, бытует словообразовательная модель «прилагательное, обозначающее национальную принадлежность, → существительное жен. рода, обозначающее соответствующий данной национальности язык», ср. *islenzk-ur* «исландский» → *islenzk-a* «исландский язык», *dansk-ur* «датский» → *dansk-a* «датский язык», *russnesk-ur* «русский» → *russnesk-a* «русский язык». В шведском языке эта же модель строится по другому структурному типу, ср. *islandsk* → *islandsk-a*, *dansk* → *dansk-a*, *rysk* → *rysk-a*.

Во французском языке существительные, обозначающие металлы или стройматериалы, служат источником глаголов, выражающих значение «покрывать чем-либо, указанным производящей основой», ср. *cementer*, *betonner*, *chromer*, *nickeler*. В английском языке та же модель представлена в иной форме, без присоединения к глаголу морфологического показателя, ср. *to asphalt*, *bronze*, *nickel*, *plaster*, *silver*.

В немецком языке от существительных, обозначающих продукты питания, легко образуются глаголы со значением «приготовлять данный продукт», ср. *käs-en* «делать сыр» от *Käse* «сыр», *wurst-en* «выделять колбасу» от *Wurst* «колбаса», *buttern* «сбивать масло» от *Butter* «масло», *kraut-en* «готовить овощи» от *Kraut* «овощи» и т. п., в английском и французском языке этой модели нет¹⁵.

Во французском языке глаголы, образованные от прилагательных, обозначавших цвета, регулярно совмещают транзитивные и интранзитивные значения (наличие признака ~ становление признака); в русском языке эти значения четко разграничены благодаря транспонированию в разные классы глаголов, ср. франц. *blanche* → *blanchir* — русск. *белеть*, *белить*, франц. *rouge* → *rougir* — русск. *краснеть*, *краснить*, франц. *bleu* → *bleuir* — русск. *синеть*, *синить* и пр.

Распространенность разных семантических моделей транспозиции тоже не одинакова: одни из них более индивидуальные (ср. исп. *manzan-o* «ябло-

¹⁵ См.: H. Marchand, Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullphem..., стр. 116.

ня» — *manzan-a* «яблоко», *per-o* «грушевое дерево» — *per-a* «груша»), другие имеют широкое хождение. Так, во многих языках встречаются десубстантивные производные глаголы со значением «использовать то, что указано производящей основой, по назначению», «применять в качестве инструмента, орудия действия», ср. исл. *skofla* «лопата» — *skofla* «сгребать лопатой», *keyri* «хлыст» — *keyra* «хлестать», *botn* «дно» — *botna* «вставлять дно»; швед. *bal* «тюк» — *bala* «упаковывать в тюки», *bil* «автомобиль» — *bila* «ездить в автомобиле», *nek* «сноп» — *neka* «вязать снопы» и т. д.

Широко распространены также модели «явление → название процесса его протекания», «действие → название результата действия», «признак → приобретение признака», «действие → тот, кто выполняет это действие» и т. д.¹⁶ Установление и описание подобных моделей в конкретных языках позволило бы существенно уточнить сведения о словообразовании этих языков и ввести в их характеристику специальные разделы о транспозиции¹⁷.

О том, что безаффиксальная транспозиция является по своим семантическим последствиям регулярным словообразовательным процессом, свидетельствуют не только типичные значения описанных моделей, которые, как можно было видеть, часто повторяют значения, выражаемые обычными аффиксальными моделями. О том же свидетельствует и синонимия производных. Примеры этого рода многочисленны, ср., например, швед. *skaka* «трясти» — *skakning*, *skak* «тряска»; *koka* «варить» — *kokning*, *kok* «варка»; *badä* «купаться» — *badning*, *bad* «купание»; *knaka* «трещать» — *knaking*, *knak* «треск» и пр.

Сходство семантических функций безаффиксальной транспозиции и аффиксации можно продемонстрировать на примере производных глаголов от прилагательных, обозначающих цвета: в значении этих глаголов нередко разграничиваются модели «делать таким, как указано производящей основой» и «становиться таким, как указано основой». В русском языке это достигается транспонированием в разные классы глаголов, в скандинавских языках — применением в одном случае транспозиции, в другом — аффиксации (суффикса *-n-*), отсюда: русск. *синий* → *синеть* → *син-и-ть*; исл. *blakk-ur* → *-blakk-n-a* → *blakk-a*; швед. *blå* → *blå-n-a* → *blå-a*; русск. *черный* → *черн-е-ть* → *черн-и-ть*; швед. *svart* → *svart-n-a* → *svart-a*; русск. *белый* → *бел-е-ть* → *бел-и-ть*; исл. *blek* → *blek-n-a* → *blek-a*.

Продолжая сравнение аффиксации и безаффиксальной транспозиции, можно было бы, конечно, утверждать, что если первая характеризуется наличием аффикса эксплицитного, вторая характеризуется имплицитно присутствующим аффиксом, и ей, следовательно, можно приписать аффикс нулевой. О возможности такой трактовки уже писали Л. Блумфилд и Э. Харрис. Нам это, однако, представляется нецелесообразным — и не потому, что это ведет к необходимости признать множество омонимичных нулей, и даже не потому, что это не согласуется с правилами, действующими для признания нулевой морфемы (ср. соображения М. Докулила). Признание нулевого аффикса уводит нас в сторону от понимания сущности происходящего. Ведь если мы утверждаем, что словообразовательным средством является нуль и что его деривационные функции несомненны, то как мы можем одновременно с этим утверждать, что создание словообразовательных отношений есть результат операции по изменению морфологического окружения исходной основы? Но именно этот тезис и доказывается

¹⁶ Уже после того, как была написана настоящая статья, автор познакомился с работой И. А. Мельчука «Конверсия как морфологическое средство» (ИАН ОЛЯ, 1973, 1), в которой приведены многочисленные примеры подобных моделей.

¹⁷ Насколько нам известно, даже для таких хорошо изученных языков, как скандинавские, описания такого рода отсутствуют. См. примеч. 8.

в настоящей работе. Приписав функцию словообразования нулю, мы не могли бы также установить и те четыре структурных типа транспозиции, которые предопределяют специфику словообразовательного акта в каждом конкретном случае.

Поскольку транспозиция представляет собой явление, возможное на разных уровнях строения языка, целесообразно различать транспозицию морфологическую, результатом которой (или проявлением которой) оказывается полное изменение морфологического окружения исходной основы, и транспозицию синтаксическую, результатом которой является изменение синтаксических функций исходной единицы без полного изменения ее морфологического окружения. В первом случае основа становится представителем нового слова, членом новой парадигмы, во втором — она продолжает сочетаться со своими старыми морфологическими показателями или меняет их лишь частично. В первом случае транспонируется существующая основа, во втором — готовое слово или его словоформа¹⁸. Примером синтаксической транспозиции может, на наш взгляд, служить субстантивация или адъективация других частей речи, типа русск. *большой*, *смелый*, *бедный*¹⁹.

Морфологическую транспозицию, имеющую словообразовательный характер, мы и называем конверсией²⁰. Если аффиксация может быть определена как процесс присоединения аффикса к производящей единице или как результат этого процесса, конверсия может быть определена как процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения морфологического окружения у нее. Конверсия может — в зависимости от морфологического строя конкретного языка — принимать любую из четырех форм, описанных выше, т. е. выражаться и в виде усечения показателей (обратная деривация), и в присоединении новых морфологических показателей, и в их смене и т. д. Как в пределах одного и того же языка, так и в разных языках, для передачи одних и тех же семантических отношений может использоваться конверсия разных структурных типов, ср.: 1) исл. *sigt-i* «сито»: *sigt-a* «просеивать»: *sald* : *sald-a*, из чего следует семантическое тождество моделей, представленных I и III типом структурных корреляций; ср. далее: 2) исл. *bloss-i* «огонь», «пламя»: *bloss-a* «гореть; пылать» (I тип); *log* : *log-a* (III тип); 3) исл. *skip* «судно»: *skip-a* «грузить на судно или разгружать с судна» (III тип); англ. *ship* : *to ship* (IV тип); 4) исл. *skofl-a* «лопата»: *skofl-a* «сгребать лопатой» (I тип); нем. *Schaufel* : *schaufeln* (III тип); 5) исл. *skó-r* «ботинок»: *skó-a* «обувать» (I тип); швед. *ska* : *att ska* (IV тип); англ. *a shoe* : *to shoe* (IV тип); 6) швед. *skinn* «шкура»: *skinn-a* «сдирать шкуру» (III тип); англ. *skin* : *to skin* (IV тип); 7) исл. *blakk-ur* «темный; черный»: *blakk-a* «синить» (I тип); швед. *blå* : *blå-a* (III тип); англ. *black* : *to black* (IV тип).

Языки, оказавшиеся на разных ступенях перестройки их морфологических систем, демонстрируют поэтому разные структурно, но тождественные семантически типы деривационных связей по конверсии. Помимо

¹⁸ См.: М. Докулл, Zur Frage der Konversion..., стр. 229; ср. также разграничение полной и неполной (синтаксической) конверсии у Ю. С. Степанова («Французская стилистика», М., 1965, стр. 77).

¹⁹ См., например: В. В. Лопатин, Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке, «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967.

²⁰ Иначе говоря, морфологическая транспозиция может быть и не словообразовательной, ср. русск. *плохой* — *плохая* — *плохое*.

примеров, приведенных выше, ср. также:

	<i>рыба</i>	→	<i>ловить рыбу</i>
исл.	<i>fisk-ur</i>		<i>fisk-a</i>
швед.	<i>fisk</i>		<i>fisk-a</i>
англ.	<i>fish</i>		<i>fish</i>
	<i>каша</i>	→	<i>варить кашу</i>
исл.	<i>graut-ur</i>		<i>graut-a</i>
швед.	<i>gröt</i>		<i>gröt-a</i>
нем.	<i>Grütze</i>		<i>grütz-en</i>
	<i>снег</i>	→	<i>идти (о снеге)</i>
исл.	<i>snjō-r</i>		<i>snjō-a</i>
швед.	<i>snö</i>		<i>snö-a</i>
англ.	<i>snow</i>		<i>snow</i>

Подбор этих примеров дает представление и о том, какой путь развития могла пройти конверсия в английском языке от стадии *luf-i* «любовь» — *luf-i-an* «любить» (I тип) до современного *to love* и *love* (IV тип структуры).

Аффиксации и безаффиксальной морфологической транспозиции, конверсии в словообразовании присущи разные роли: для аффиксации, первично изменение лексического значения исходной единицы и вторично изменение ее принадлежности той или иной части речи; для конверсии, напротив, первично изменение категориальной принадлежности исходной единицы и вторично — изменение ее лексической характеристики. Как мы, однако, пытались показать выше, в ходе конверсии нередко наступает регулярное и моделируемое преобразование исходной единицы и в лексическом плане. Можно полагать вследствие этого, что транспозиции следует уделить гораздо большее внимание в теории номинации, чем это до сих пор делалось. Не вызывает сомнения, что транспозиция занимает весьма значительное место в словообразовании языков флективного типа и в известной мере восполняет те пробелы, которые по тем или иным причинам невосполнимы с помощью моделей производных аффиксального типа. Отношения по конверсии могут складываться между морфологическими структурами любой сложности, и в зависимости от конкретного характера этих структур они принимают одну (или несколько) из четырех форм, выделенных выше. Отсюда — внешнее разнообразие форм конверсии. Различным может быть место каждой из этих форм в словообразовательных системах конкретных языков. Различным может оказаться и характер связей, складывающихся благодаря конверсии между отдельными частями речи. Различными, наконец, могут быть и семантические модели конверсии. Одинаковым в то же время остается сам принцип осуществления межкатегориальных связей, транспозиция. Одинаковым остается и средство транспозиции, определяющее сущность безаффиксального словообразования: полная смена парадигмы у мотивированного слова по сравнению с мотивирующим, конверсия. Различны сменяющие друг друга парадигмы. Различны типы морфологических показателей, участвующих в сменяющих друг друга парадигмах. Различна степень омонимии у словоформ мотивированного слова по сравнению с словоформами слова мотивирующего. Одинаковыми остаются четыре структурных типа возникающих словообразовательных корреляций. Именно это позволяет увидеть общее в процессах, которые до сих пор рассматривались обособленно, в непонятном отрыве друг от друга: в несобственной или обратной деривации и конверсии, в безаффиксальном словообразовании и словообразовании, совмещенном с формообразованием и т. д. Именно это позволяет установить еще один вид строгой зависимости между словообразованием и морфологией, еще одно проявление их глубокой внутренней связи. Именно это разрешает увидеть одну из ярких отличительных черт деривационной морфологии языков флективного типа.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ЗОНЫ ВАРИАНТНОСТИ СЛОВ И НОРМЫ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Проблема вариантности, став в последние годы предметом внимания многих языковедов, все же продолжает оставаться и теоретически малоопределенной и практически малоисследованной. Варьирование слов относится то к компетенции истории языка (смена вариантов), то к стилистике (функционирование сосуществующих вариантов), то к ведению социальной лингвистики (социальная стратиграфия вариантов). Еще не изучена хронология возникновения и прекращения вариантности у структурно и генетически различных языковых единиц. Небесспорной остается общая (часто альтернативная) оценка самого факта вариантности: польза или вред для социального использования языковых средств.

Более или менее доказанными и общепринятыми в науке о языке (но отнюдь не в отношении общества к языку) являются следующие общие положения: 1) вариантность — это объективное следствие языкового развития (и поэтому социальный заказ немедленно устранить колебания форм лингвистически несостоятелен); 2) вариантность в современном русском языке в целом постепенно убывает (это проявляется и в уменьшении инвентаря варьирующихся лексем, и в укорачивании вариантного ряда, и в сокращении диапазона варьирования, т. е. в преобразовании полных вариантов в неполные, функционально ограниченные)¹; 3) на определенном этапе развития литературного языка норма может носить компромиссный характер, т. е. быть представленной в виде двух или более вариантов, признаваемых в ортологическом плане относительно равноценными несмотря на их функциональные различия.

Эти положения имеют исключительно важное значение для нормализаторской практики, в основе которой лежит выбор или оценка форм языкового выражения. Весьма плодотворными в этом смысле представляются соображения В. В. Виноградова относительно того, что «инструктивно-регулятивная деятельность немислима без объективно-исторического исследования» и что при этом должна учитываться неодинаковая «крепость нормы», «степень ее обязательности и широты действия»².

Не связана ли эта неодинаковая «крепость нормы», «степень ее обязательности» с особенностями вариантности? Сравнительное рассмотрение большого свода нормативных оценок и характера варьирования слов позволяет ответить утвердительно на этот вопрос. Вариантность неоднородна, и это во многом предопределяет степень императивности нормы. Возникает задача установления разных зон вариантности, что позволит

¹ В настоящей статье имеется в виду вариантность на уровне слова (в пределах тождества слова). Иногда за увеличение вариантности принимают рост лексического запаса языка (например: *таксист* — *таксёр*, *атомник* — *атомщик*). Однако подобные языковые единицы являются разными словами (однокоренными синонимами), а не вариантами одного слова.

² В. В. В и н о г р а д о в, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр. 57 и др.

не только дать более правильные (четкие) нормативные рекомендации, но и в отдельных случаях определить характер дальнейших изменений, т. е. предугадать лингвистически перспективную норму. Понятием «зона вариантности» охватываются те языковые факты (в данном случае — группы слов), для которых появление параллельных форм (ударения, словоизменения и т. д.) при сохранении тождества значения представляет собой характерную особенность. Зоны вариантности, естественно, не всегда совпадают с лексико-грамматическими разрядами слов, так как их выделение основывается на особых признаках (причины возникновения вариантов, их отношение к норме).

Разграничение зон вариантности целесообразно начать с установления зависимости между характером вариантности и причинами ее появления в языке. Причины, порождающие варьирование слова, многочисленны и разнохарактерны. Прежде всего следует определить действительные причины варьирования. Встречаются утверждения, что появление вариантности в литературном языке якобы вызвано социально-профессиональными различиями, возрастной структурой общества, функциональным многообразием литературного языка, требованием отдельных жанров художественной речи (например, поэзии). Это не совсем точно. Перечисленные стороны языковой и социальной действительности не являются исходными импульсами, порождающими варьирование, т. е. генетическими причинами в буквальном смысле этого слова. Ни так называемые социальные диалекты, ни возрастные различия общества сами по себе не порождают варьирования. Они лишь поддерживают (иногда усиливают или консервируют) вариантность, являются для нее почвой, «питательной средой», иногда определяют особенности употребления вариантов. Функциональное многообразие литературного языка — не причина, а отчасти следствие самой вариантности. В языке поэзии (особенно богатом вариантами) практически в этом плане нет ничего, чего не существовало бы в зародыше (или в остаточном состоянии) в общелитературном языке.

Действительные причины, порождающие варьирование в современном русском литературном языке, условно можно разделить на две группы: внешние и внутренние (внутрисистемные). К внешним причинам варьирования относятся: 1) влияние территориальных диалектов; 2) контакты русского языка с другими языками (заимствование одного и того же слова из разных языков, влияние языка-посредника, условия билингвизма и пр.); 3) к внутренним причинам варьирования относятся: 1) неэквивалентность формы и содержания, возникающая в результате неравномерного развития этих категорий; 2) многообразие структурных потенциалов языковой системы и ее перестройка в процессе развития языка; 3) фактор аналогии (парадигматической и синтагматической); 4) тенденция к экономии (линейной, или материальной, и мыслительной). Естественно, что при образовании вариантов во всех случаях обнаруживается воздействие фонетических, акцентологических и морфологических закономерностей развития русского языка.

Приведенный перечень имеет весьма общий характер и, конечно, не исчерпывает конкретных причин вариантности, которая в целом обусловлена эволюцией языка и потребностями коммуникации³. Варьирование вызывается часто не одной, а несколькими причинами (комплексом причин). Существует и ряд других факторов (например, изменение частоты и сферы употребления слова), способствующих образованию варьирования. Нельзя не учитывать также социальных преобразований, которые нередко

³ См.: Р. А. Б у д а г о в, Проблемы развития языка, М. — Л., 1965; Л. М. С к р е л и н а, Некоторые вопросы развития языка, Минск, 1973.

служат толчком к изменению формы обозначающего или, наоборот, способствуют сохранению традиции.

Рассмотрение и систематизация вариантов, представленных в современных нормативных словарях, показали, что внутренние причины обычно создают зоны сильного варьирования. В них входят вариантные ряды, члены которых обладают относительно регулярной воспроизводимостью (на определенном этапе развития языка) и нередко функциональным своеобразием. Следствием устойчивости таких вариантов и является компромиссная норма. В словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) такие варианты часто признаются равноценными (*прѣжитый* — *прожѣтый*, *белѣ* — *бѣлы*, *тра́кторы* — *тракторá*), либо один из членов вариантного ряда снабжается пометой «допустимо» (применяется обычно к новообразованиям) или «разговорное» (применяется к новообразованиям, характерным для обиходной речи).

Иное взаимоотношение обнаруживается в зонах слабого варьирования. Здесь для вариантных рядов, как правило, не имеющих свойств регулярной модели, характерны либо противопоставленность актуального варианта устарелому (*засу́ха* — *засу́жа*, *рево́льѣр* — *рево́львер*, *ботинок* — *ботинка*, *рояль м.* — *рояль ж.*, *номер* — *нумер*, *штора* — *стора*), либо противопоставленность нормативного просторечному или ненормативному (*нест* — *нѣсть*, *цвести* — *цвѣсть*, *жа́воронок* — *жаворо́нок*, *оспа* — *воспа*, *нрав* — *ндрав* и т. п.). Образование варианты обусловлено здесь причинами внешнего характера (местные диалекты, контакт с другими языками), или влиянием прошлых фонетических, акцентологических и морфологических закономерностей, или является результатом взаимодействия этих причин.

Разграничение сильных и слабых зон варьирования в современном языке с точки зрения нормативной квалификации вариантов оправдывается, если рассматривать не отдельные слова, а целые разряды лексики. Современная речевая практика и материал словарей подтверждают, что убывание вариантности происходит главным образом там, где наряду с историческими языковыми закономерностями в образовании варьирования участвовали причины внешнего порядка. В тех же случаях, где действуют психологические и внутрисистемные причины, создающие живые, активные языковые тенденции, сопротивляемость варьирования возрастает и кодификация языка затрудняется.

Это обстоятельство вызвано тем, что оба варианта в сильной зоне вариантности удовлетворяют критериям нормы, используемым в нормализаторской практике. Признание нормативности языкового факта опирается обычно на неперемutable наличие трех признаков: 1) языковой узус, т. е. регулярная употребляемость (воспроизводимость) данного способа выражения; 2) соответствие этого способа возможностям системы литературного языка (с учетом ее исторической перестройки) и 3) общественное одобрение данного узуса; роль судьбы в этом случае обычно выпадает на долю образованной части общества.⁴

Рассмотрим с этих позиций некоторые факты современной речи. Форма мн. числа *до́кторá* и накоренное ударение *дрѣжит* удовлетворяют всем трем требованиям нормы (наличие узуса, соответствие системным возможностям и общественное одобрение). Иная картина возникает при рассмотрении формы *лекторá* и ударения *звѣнит*. Хотя оба факта соответствуют

⁴ См.: Е. Д. Поливанов, Где лежат причины языковой эволюции?, «Изб. работы. Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 86—89; Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 475, 476; Э. Коериу, Синхрония, диахрония и история, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 198.

системе русского литературного языка, неполнота узуса (например, форма *лекторá* практически встречается только в устной речи) и общественное неодобрение не позволяют признать эти способы выражения нормой современного языка. Здесь не совпадают признаки продуктивности и нормативности вариантов. В третьем случае (это обычно зона сильной вариантности) оба способа выражения (*тра́кторы* и *тракторá*, *ма́нит* и *манит*) удовлетворяют указанным критериям нормативной оценки.

При разграничении зон вариантности возможен не только причинный подход, но и рассмотрение вариантности в аспекте распространенности варианта. Какой-либо вариантный ряд может быть характерен или для литературного языка в целом, или преимущественно для его определенной сферы (например, для жанра поэзии). Варьирование может происходить также лишь в той области речевой деятельности, которая находится за пределами литературного языка (например, профессиональный диалект). С этой точки зрения могут быть выделены широкая и узкая зона вариантности. Естественно, что для зоны узкой вариантности (язык поэзии, профессиональный диалект и т. п.) вопрос нормативной оценки приобретает особый характер (часто решается компромиссно) или вообще не ставится.

Рассмотрим отдельные примеры сильного варьирования. В современном русском литературном языке регулярные колебания в ударении испытывают многие страдательные причастия прошедшего времени. Это отчетливо фиксируется и показаниями нормативных словарей, и наблюдениями над постановкой ударения в стихотворных текстах и в живой речи, и данными вопросников. Ср.: *загру́женный* и *загружённый*, *послённый* и *посолённый*, *побелённый* и *побеленный*; *розданá* и *рбздана*, *созванá* и *сбзвана*, *проданá* и *прбдана*, *запертá* и *збперта*. В отдельных словах ударение может падать на любой слог: *зálитый* — *залитый* — *залитбй*, *прбжитый* — *прожитый* — *прожитбй* (в сочетании с существительным «годы» употребляется в современной поэзии практически безразлично). Образование зоны сильной вариантности в ударении у страдательных причастий указанного типа и как следствие — компромиссной нормы произошло под воздействием комплекса причин (иногда противоборствующих):

1. Различие в ударении основ прошедшего и настоящего времени у многих производящих глаголов. Например: *рассмотрёл*, но *рассмóтришь*. Причастие *рассмóтранный* образуется от основы прошедшего времени, но место ударения перенимает у основы настоящего времени. Уже это создает акцентную неустойчивость.

2. Вариантность ударения у самих производящих глаголов (*гру́зишь* — *грузи́шь*, *прбжил* — *прожи́л*), связанная с перестройкой древней акцентологической системы и с последующим влиянием диалектов.

3. Воздействие внешней аналогии как на производящий глагол, так и непосредственно на причастие. Например: *раздробленный* (в XVIII в. — *раздроблённый*, в XIX в. — колебание в ударении, в XX в. — *раздробленный*), хотя в основе настоящего времени: *раздроби́шь*, но не *раздрбишь*; ср. *окровáвленный* — *окровáвишь* (в XVIII в. — *окровавлённый*).

4. Адъективация и закрепление ударения за концом слова (*прожитбй*, *залитбй*), аналогия с прилагательными, развивающими окончное ударение (*громбвый* > *громовбй*, *запáсный* > *запаснбй*). Употребление варианта *залитбй* подтверждается более чем 30 цитатами из современной поэзии (Твардовский, Сельвинский, Сурков, Грибачев, Ваншенкин, Дудин, Смеляков, Шошин и др.), но оно ограничено лексико-семантически: *залитбй светом* (*солнцем*, *закатом*, *зарей* и т. п.), что свидетельствует о

постепенном отрыве от глагола. Ср. терминологическое: *залитбѣй свет* о сценическом освещении (Станиславский). Ср. полная адъективация: *налитбе яблоко, занятбѣй человек*.

5. Влияние приставки, закрепляющей, как правило, вторичное (накоренное) ударение: *гружѣнный* и *груженный*, но чаще *догруженный*.

6. Влияние внутренней аналогии и выравнивание акцентной парадигмы в кратких формах: *прѣдан, прѣдано, прѣданы*, но *проданъ > прѣдана*.

Другим примером сильного акцентологического варьирования может служить колебание ударения многих прилагательных в краткой форме мн. числа (*вѣрны — вернѣй, правы — правѣй, белѣй — бѣлы, острѣй — бстры* и т. п.). Современная картина ударения здесь особенно противоречива и запутанна, а бесплодность нормализаторского ригоризма очевидна. Декларируемое грамматиками и различными руководствами правило постановки ударения в кратких формах мн. числа согласно ударению в форме ср. рода (*прѣсто — прѣсты, блѣзко — блѣзки*) нуждается в радикальном пересмотре. Список форм с окончечным ударением, составленный Н. И. Гречем и дополненный А. Х. Востоковым, неуклонно растет. Колебания исследователей (В. И. Чернышев, А. Б. Шапиро и др.) отражают реальный рост акцентологических несоответствий, появившихся еще в первой половине XIX в. (ср. у Грибоедова: «Примеры мне не нѣвы...», «Дома новѣй, но предрассудки старѣй»). Отмеченные Л. А. Булаховским факты начавшегося акцентологического сдвига в первой половине XIX в.⁵ не идут ни в какое сравнение с современным «наступлением» окончечного ударения.

Обычными для современного языка (это подтверждается данными вопросников и наблюдениями над стихотворными текстами) стали: *близкѣй, вернѣй, виднѣй, глухѣй* (зафиксировано у М. Исаковского, А. Яшина, Л. Ошанина, Р. Казаковой, М. Львова, М. Дудина, Е. Винокурова, А. Твардовского), *гордѣй, горькѣй, грубѣй, мертвѣй, мутнѣй, правѣй, простѣй, прямѣй, скромнѣй, скучнѣй, слышнѣй, страшнѣй, стройнѣй, сухѣй, тихѣй, точнѣй* и т. п. Этот акцентологический узус далеко не всегда соответствует нормативному канону. Реже наблюдается «незакономерная» оттяжка ударения на первый слог: *белѣй > бѣлы, острѣй > бстры* (исконно здесь окситонированная акцентная парадигма). Однако уже в XIX в. встречается *бѣлы* (Пушкин, Вяземский). Равноценность вариантов *белѣй — бѣлы* признает словарь Грота.

Каковы причины этой акцентологической пестроты и вынужденной компромиссности нормативных оценок? В силу многих обстоятельств (в том числе и аналогического воздействия) к XVII в. старая система акцентологических парадигм оказалась расшатанной и опора на ударение в форме ср. рода стала иллюзорной, так как и здесь издавна наблюдается колебание. Например, в словаре Даля: *гѣло* и *голѣ*; реконструируемое праславянское (и сербское) — неподвижное ударение на окончании: *голѣ*. Необычайно пестрая и противоречивая картина ударения в диалектной речи (*бѣло — белѣ*) засвидетельствована В. И. Чернышевым. По свидетельству В. В. Колесова, в определенных синтагматических условиях (например, в лексически устойчивых адъективных сочетаниях с предлогом) прилагательные, относящиеся к баритонированной и подвижной парадигмам, в былинной речи получали несвойственное данному типу ударение: *на резвѣй ноги, на крутѣй горы*⁶. Разнобой усиливался в связи с

⁵ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М., 1954, стр. 194—196.

⁶ В. В. Колесов, Интонация и ударение в древнерусском словосочетании (адъективные словосочетания в произведениях былинного эпоса), «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, 77, 1973.

употреблением в XVIII — начале XIX в. искусственных образований — усеченных прилагательных, сохраняющих место ударения членной формы, ср.: *мра́чна ночь, ве́рны знаки* (Ломоносов). На возможность и более поздней аналогии с ударением в полных формах при грамматическом параллелизме (особенно в полупредикативной функции) указывали Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, В. В. Колесов. По мнению А. Б. Шапиро, распространению ⁷наконечного ударения способствовало влияние формы жен. рода (*ве́рнá*), а также тенденция к переносу ударения с основы на окончание у существительных (*го́дá, сне́гá*)⁷.

Перемещению ударения в кратких формах мн. числа на флексию способствовали также: 1) влияние прилагательных, имеющих только наконечное ударение в кратких формах мн. числа: *больны́, смешны́, горячи́, хороши́* и т. д.; 2) различительная роль ударения в грамматических противопоставлениях: а) морфологическое разграничение — наречие *ма́ло* (*осталось ма́ло времени*) и прилагательное *малó* (*платье малó*), соответственно: *брюки малы́*; б) синтаксическое разграничение — атрибутивная функция: *ве́рные слуги* (*ве́рны слуги* — в XVIII в. и фольклоре) и предикативная функция: *слуги ему́ верны́*⁸; 3) слабая контрастность (опознаваемость) согласных, особенно сонорных, в заударном слоге перед *ы* и нежелательность редукции гласного в грамматически значимой позиции (общие предпосылки акцентологических преобразований).

При всей внешней несхожести двух рассмотренных примеров в них наблюдается существенный общий признак — постепенное складывание стереотипа ударения, освобождающегося от противоречивых и частных воздействий (диалектное влияние, книжная традиция и т. д.). У страдательных причастий ударение постепенно фиксируется на корне, что соответствует общей тенденции к корневому ударению у некоторых форм глаголов. У кратких форм прилагательных во мн. числе ударение фиксируется на флексии, что усиливает грамматическую информацию и поддерживается морфологическими, синтаксическими и фонетическими факторами.

Примером сильного варьирования в морфологии может служить конкуренция форм мн. числа существительных муж. рода (*тополя́ — тополи́, трактора́ — тракторы́*). Эта поистине драматическая страница в русистике остается и сейчас ареной споров, выходящих за пределы узколингвистических интересов. Возникновению и развитию форм на *-á* (*-я́*) посвящена обширная литература. Обобщая имеющиеся наблюдения, можно говорить о действии сложного комплекса причин: 1) наличие ряда акцентологических предпосылок: исконное нисходящее ударение на основе слова; закрепленность ударения за корнем в формах ед. числа у односложных слов и не за последним слогом в дву- и трехсложных словах; оттяжка ударения с последнего слога (*прыво́д, обгово́р* и т. п.); 2) влияние грамматической аналогии; 3) различная предрасположенность к образованию форм на *-á* (*-я́*) у отдельных суффиксальных образований; 4) семантический фактор (одушевленное или неодушевленное существительное, конкретная или абстрактная лексика, прямое или переносное значение); 5) источник происхождения слова (русское или заимствованное);

⁷ А. Б. Шапиро, Ударение в кратких прилагательных, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания]», 1, 1952.

⁸ Особенно интенсивно ударение переходит на флексию у кратких форм прилагательных с зависимым словом: *ве́рны́ (чему) — кля́тве, присяге, родине* и т. д.; *полны́ (чего) — энергии, отваги, ужаса* или *полны́ (чем) — людьми, водой, запахами* и т. д. Предполагаемая семантическая специализация акцентологических вариантов (*мы ве́рны́ кля́тве — ваши наблюдения ве́рны*) оказывается нередко факультативной и данными анкетирования, проведенного мною осенью 1973 г. в Ленинградском государственном университете, не подтверждается.

б) сфера употребления (ср. книжная традиция и профессиональное просторечие) и стилистическая окраска слова. Все это создает крайне запутанный узел взаимодействия вариантов, осложненный часто категорическими и противоречивыми нормативными оценками. При этом зона вариантности в пределах рассматриваемых колебаний неоднородна и продуктивность форм на *-á* (*-я́*) чаще оказывается в большей зависимости не от семантико-стилистических факторов, как это обычно принято считать, а от фонетико-морфологических признаков и степени употребительности (частотности) слова.

Интенсивность варьирования форм на *-á* (*-я́*) и *-ы* (*-и*), во-первых, обусловлена длиной слова (количеством слогов). В современном языке варианты мн. числа наиболее активно образуются и воспроизводятся у двусложных слов. В односложных же словах варьирование в основной массе слов или постепенно угасает (ср. формы *стого́а, векá, кра́я*, которые практически стали однозначной нормой) или сохраняется в профессиональной и ненормированной речи, подвергаясь строгому нормализаторскому запрету (ср. *торта́, супá, горна́* и т. п.). По существу сильное варьирование и компромиссная норма у односложных слов представлено сейчас единичными лексемами, либо имеющими давнюю поэтическую традицию (*гбды — годá, грбмы — грома́*), либо получившими варианты формы сравнительно недавно (*цѣхи — цѣха́*). Одной из причин угасания варьирования у односложных слов служит активное развитие перемещающегося ударения в формах косвенных падежей ед. числа: *холм, род. холма́* (устар. *холма*), *пруд, род. пруда́* (устар. *пруда*), *мост, род. моста́, и мбста*⁹. Новая форма род. падежа (*холма́*) препятствует образованию мн. числа на *-á* в силу омонимического отталкивания¹⁰. Форма мн. числа *холмы*, широко представленная в литературе XIX в., оказалась коммуникативно менее пригодной (чем узаконенная сейчас форма *холмы́*) вследствие редукции заударного гласного в грамматически значимой позиции и качественного изменения сонорного в заударном слоге перед *ы*. Упорно сопротивляются вхождению форм на *-á* (*-я́*) односложные существительные с ударным *-ы́* (*-и́*) во мн. числе: *гурты́, ряды́, возы́, гербы́, штабы́* и т. п. Сравнительно редко наблюдается варьирование в словах, имеющих более двух слогов. Исключение представляет группа (около 40 слов) на *-тор*: *проже́кторы — прожектора́, инстру́кторы — инструкторá*. В других многосложных словах варьирование сейчас практически угасает (ср. в XIX в.: *смотри́тели и смотрителя́, попечы́тели и попечителя́*).

В зону сильной вариантности входят главным образом двусложные слова муж. рода с ударением на первом слоге, причем и здесь могут быть намечены участки с разной интенсивностью варьирования. У слов русского происхождения (или ранних заимствований) с основой не на сонорный звук варьирование представлено слабее (ср. *кузовá и кúзовы, парусá и пáрусы, отпущá и отпущи*). Наиболее «горячий участок» — это двусложные заимствованные (и некоторые русские) слова с сонорным звуком (особенно с плавным: *р* и *р'*, *л* и *л'*) в конце основы. Смысловый фактор не играет здесь существенной роли. Ср. лексически разнородные варианты с плавными звуками в конце основы: *катера — катеры, тенора — те-*

⁹ По свидетельству исследователей современной устной речи, более половины существительных, развивающих подвижное ударение, приходится именно на односложные слова муж. рода. Некоторые склонны видеть здесь южнорусское диалектное влияние. См.: А. С. Афанасьева, О развитии перемещающегося ударения односложных существительных мужского рода в устной речи (на материале речи жителей Воронежа), «Уч. зап. [Курск. гос. пед. ин-та]», 72, 3, 1970.

¹⁰ Формы мн. числа *моста́, холма́* зафиксированы в говорах. См.: С. П. Орский и И. Именное склонение в современном русском языке, 2, Л., 1931, стр. 15. 16.

норы, клевера — клеверы, веера — вееры, якоря — якори, егеря — егери, слесаря — слесари, купола — куполы, шомпола — шомполы, векселя — вексели, вентиля — вентиля, вертела — вертелы, тополя — тополи, пекаря — пекари, соболя — соболи. Перечисленные продуктивные варианты неоднородны и в структурном отношении, здесь представлены слова на *-ер, -ор, -орь, -арь, -ол, -оль, -ел, -ель, -иль*.

Удельный вес таких вариантов с плавным согласным в конце основы определялся по двум источникам. Согласно данным обратных словарей, более 30% слов на плавный согласный (учитывались дву- и трехсложные слова с ударением не на последнем слоге) практически способны иметь формы на *-ы (-и)* и *-á(-я)*. Это наивысший показатель для слов муж. рода¹¹. Другим свидетельством послужил общий свод форм на *-á(-я)*, составленный Т. А. Ивановой¹² и насчитывающий 648 слов. Они были распределены соответственно конечному звуку основы. В результате выяснилось, что 339 слов (т. е. больше 50%) имеют основу на сонорный звук (причем чаще всего на *р* или *л*). При этом многие приведенные в списке образования на *-á(-я)* у слов не на плавный согласный сейчас неупотребительны (например: *полкá, кустá, дубá, мысá* и пр.). Подавляющее преобладание среди вариантов на *-ы(-и)* и *-á(-я)* существительных с основой на плавный согласный едва ли является случайностью. Однако объяснения этому морфолого-фонетическому явлению пока нет, хотя упоминания о распространенности форм на *-á(-я)* у существительных именно с основами на *р* и *л* имеются у С. П. Обнорского, Л. Больё и Б. Унбегауна¹³.

Представляется вероятным, что интенсивное морфологическое преобразование может иметь здесь фонетические предпосылки. Известно и подтверждено экспериментально, что именно сонорные (и особенно плавные) в заударном слоге (и особенно перед *ы/и*) сильнее всего изменяются в качественном отношении. В этой позиции они обладают минимальной контрастностью и чрезвычайно низкой опознаваемостью¹⁴. В ударном же слоге и 'не перед *ы/и*, а перед *á* сонорные получают большую контрастность и четче выявляют дифференциальные полезные признаки. Таким образом, с точки зрения опознаваемости фонемы *р* слог с ударным *á/я* (*якоря*) оказывается предпочтительнее заударного слога с *ы/и* (*якори*). Возможно, именно этот фонетический фактор и сыграл определенную роль в активизации варьирования форм существительных с основами на плавный и в образовании впоследствии более широкого морфологического стереотипа.

Иные причины лежат в основе образования зон сильной синтаксической вариантности (предметом рассмотрения здесь служат параллельные и грамматически однозначные формы управления у одного и того же слова). На перестройку формы управления воздействуют главным образом неэквивалентность содержания и формы, а также смысловая и формаль-

¹¹ Например, у двусложных слов муж. рода с основой на щелевой звук (*с*) образование форм мн. числа на *-á (-я)* происходит менее интенсивно (около 10% от общего количества слов на *с*). Ср. варианты: *адреса — адреса, корпуса — корпуса, плитуса — плитусы, полюса — полюсы, пояса — поясы*; но только: *ребусы, градусы, глобусы, фокусы, кактусы, тезисы, бицепсы, конкурсы, импульсы, комплексы, индексы, кодексы* и мн. др.

¹² Т. А. И в а н о в а, Именительный множественного на *-а* (*родá, тенорá, госпиталá*) в современном русском языке, сб. «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции», Л., 1967.

¹³ С. П. О б н о р с к и й, Именное склонение в современном русском языке, стр. 44; L. V e a u l i e u x, L'extension du pluriel masculin en *-á, -я* en russe moderne, MSLP, 18, 3, 1913, стр. 202; В. У н б е г а у н, Grammaire russe, Paris, 1951, стр. 54.

¹⁴ См.: Л. В. Б о н д а р к о, Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. АКД, Л., 1969, стр. 20–27.

ная аналогия. Иногда толчком к изменению грамматической формы могут явиться и социальные изменения.

Типичным примером сильного варьирования, возникшего в связи с неэквивалентностью содержания и формы и последующим воздействием внешней аналогии, может служить параллельное управление у глагола *вершить*: *вершить (что) судьбы* или *вершить (чем) судьбам*. Судя по письменным источникам прошлого, глагол *вершить* в XVIII—XIX вв. был переходным и употреблялся в значении «оканчивать, совершать» с узким кругом семантически близких слов (*суд, дело, судебное дело*). «Валентность» этого глагола начинает практически изменяться лишь в XX в. Он вступает в сочетание со словами иного семантического ряда — *история, судьба* и т. п., первоначально по-прежнему требуя от управляемых существительных только вин. падежа: *вершить историю* (Слудский), *вершить судьбу* (Фадеев). Воздействие нового окружения приводит к появлению нового значения: «распоряжаться, управлять». Этому значению перестает соответствовать старая управляемая форма вин. падежа, и под влиянием внешней аналогии глагол *вершить* перенимает новую форму управления (твор. падеж) у синонимических слов *управлять, распоряжаться*. Такова одна из общих и очень продуктивных схем образования сильного варьирования в управлении.

Изменения в социальной жизни и необходимость обозначения нового содержания проявляются в языке не только в образовании новых слов. Возникают и новые словосочетания («словесные блоки»). В стандартизованных словоблоках создаются и устойчивые грамматические связи, нередко вызывающие перестройку старой формы управления и появление вариантности.

Характерным примером изменения синтаксических свойств слова в этом отношении может служить варьирование дат. и род. падежей в составе трехчленных глагольно-именных сочетаний при словах *итог, предел, цена* и др.; ср.: *подвести итоги соревнования* и *подвести итоги соревнования*. Оба варианта широко представлены в современной речи. При образовании данного варьирования оказались важными типичность (устойчивость) лексической связи между компонентами и их внутреннее взаимоотношение в структуре словосочетания. В двучленном субстантивном сочетании слово *итог* управляет только род. падежом (*итог соревнования*). В трехчленном же сочетании вариантность возникает в зависимости от сознательного (или подсознательного) членения этого словосочетания, выделения в нем главного и зависимого компонентов: *подвести итог (чему?) соревнованию* (дат. падеж), *подвести (что?) итог соревнования* (род. падеж). Регулярная повторяемость характерных для современной действительности стандартных субстантивных сочетаний типа: *итог соревнования (итог работы, итог выполнения, итог тренировки, итог эксперимента* и т. п.) ведет к переразложению трехчленного словосочетания, расшатыванию старой нормы и возникновению варьирования¹⁵.

Это, естественно, упрощенная модель. Лексическая ограниченность и синтаксическая зависимость (грамматическое значение, позиция в стандартных конструкциях, инверсия, наличие определяющих слов и т. д.)

¹⁵ Эта же причина лежит в основе образования вариантов *положить предел терпению и терпения, знать цену деньгам и денег, найти (дать) объяснение новому факту и нового факта* и др. Ср.: «Мы знаем грядущему цену...» (А. Твардовский, О юности); «Люди, у которых жизнь высушила сердце, знают цену такого существования» (М. Горький, Извощик); «Шацкий принадлежал к людям, привыкшим давать объяснения всему» (К. Паустовский, Кара-Бугаз); «Да, но это мало — заметить!... Найти верное объяснение этого акустического изменения» (А. Цветаева, Из прошлого).

создают своеобразие условий для образования варьирования в управлении.

Рассмотренные факты акцентологического, морфологического и синтаксического сильного варьирования на уровне слова объединяются несколькими общими признаками: 1) в основном они принадлежат к актуальной, широко употребительной лексике (это обстоятельство весьма существенно, так как оно увеличивает возможности «соприкосновения» слов и создания новых смысловых и формальных аналогий); 2) предпосылки образования этих вариантов лежат внутри языковой системы, в русле живых, активных процессов; 3) члены вариантного ряда регулярно воспроизводятся в современном литературном языке; 4) их функциональные различия, как правило, не превышают порога, допускающего взаимозамену; 5) в нормативных словарях они обычно характеризуются как равноценные или допустимые.

Выше отмечалось, что разграничение зон сильного и слабого варьирования имеет относительный характер и применимо с точки зрения нормализаторской практики лишь к целым разрядам слов. Некоторые варианты пары не укладываются в эту общую схему. Так, например, если можно говорить, что все иноязычные слова на *-лог* и на *-граф* входят теперь в зону слабого варьирования (еще в словаре Грота равноценными признавались *диалектблог* и *диалектолбг*, а в словаре Ушакова — *лексикбграф* и *лексикогграф*), то у многих отдельных иноязычных слов (например, *трапеза* и *трапéза* — колебание известно с XVI в.) мы и сейчас констатируем компромиссную норму. Поэтому, опираясь в целом на сравнительно регулярную зависимость нормативных оценок от характера вариантности, следует учитывать и семантику варианта, и его положение в стилистической системе языка, и другие индивидуальные особенности функционирования слова. При всей относительности результатов выделение зон варьирования все же дает практической нормализаторской работе некий общий ориентир, позволяющий в известной степени преодолеть эмпиризм и излишнюю зависимость от материала, не всегда достаточно полного и освобожденного от случайностей.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

О РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ДРЕВНЕРУССКОМ
ТЕКСТЕ

Исследование лексики любого периода по данным письменных источников в аспекте ее семантических особенностей предполагает обращение к употреблению слова в существующих в данный период жанрово-стилистических разновидностях и потому связано с изучением литературного языка той или иной эпохи. Если за основу анализа принимаются контекстуальные условия употребления лексемы, то эти условия должны пониматься как взаимозависимые величины разных уровней, прежде всего лексико-семантического, грамматического и стилистического.

Контекст слова в источнике предстает как такая часть письменного текста, в которой реализуется семантическая, грамматическая и стилистическая характеристики анализируемой лексемы, обусловленные организацией языковых единиц данной части текста. В то же время контекст зависит от жанровой принадлежности источника, что является особенно характерным для памятников русского языка XI—XIV вв. Жанровая специфика памятников старшей поры, во многом определяющая его стилистические признаки, вместе с тем может быть отнесена к тому фактору, который не является собственно языковым, но который непосредственно связан с языковыми специфическими характеристиками источника. В этом смысле жанровая принадлежность может рассматриваться как одна из сторон речевой ситуации использования отдельного слова в контексте¹. Важность контекстуального фактора, бесспорная для работ на материале современного языка, еще более усугубляется в историко-лингвистических исследованиях, где, как пишет В. Бланар, «нельзя опереться на языковое чутье»².

Контекстуальный анализ предполагает по крайней мере два подхода. При одном анализ семантических и стилистических признаков слова осуществляется исходя из контекстуальной данности с учетом ее жанровой принадлежности, т. е. контекст предстает как фон использования слова. При другом исследователю идет от слова к контексту, выявляя механизм его употребления. Разумеется, такое разграничение является условным, — в конечном итоге оба подхода должны взаимно пересекаться. Однако второй подход имеет известное преимущество, так как «точкой отсчета» является вполне определенная языковая единица — слово. При этом слово вычленяется в своих ближайших лексических и грамматических связях — в

¹ Н. Н. Амосова пишет: «Контекст в этом строго определенном смысле термина — это собственно языковой семантический фактор, а речевая ситуация по сути своей — внеязыковой фактор выявления значения слова. Между обоими этими факторами есть нечто общее. Оно заключается в том, что и контекст, и речевая ситуация определяют речевую сферу того слова, значение которого должно быть выявлено, следовательно, и контекст, и речевая ситуация суть условия употребления слова, действующие в одинаковом направлении» (Н. Н. Амосова, Слово и контекст. «Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике», 2, Л., 1958, стр. 7).

² В. Бланар, О внутренне обусловленных семантических изменениях, ВЯ, 1971, 1, стр. 13.

сочетаемости, которая в данном случае может быть определена как непосредственный смысловой контекст образующих ее единиц.

Н. Ю. Шведова пишет: «Как бы ни обстояло дело с точки зрения исторической (особая сочетаемость предопределяет формирование нового значения или формирующееся значение предопределяет новую сочетаемость), в избираемый как синхронное состояние момент языкового существования сочетаемость не безразлична к значению слова, она прямо с ним соотнесена»³.

Сочетаемость является как бы двусторонним процессом: со стороны непосредственного практического применения слова в тексте и со стороны анализа его семантических и стилистических признаков. Это факторы разных уровней и разных исследовательских установок. Для лексико-семантического исследования сочетаемость предстает как такой фактор, который помогает выявить семантические возможности слова, и при анализе осуществляется переход от сочетаний к значению слова. Применение слова в тексте, его непосредственное употребление, напротив, представляет сочетаемость как результат использования семантического потенциала лексемы.

Вопрос о том, определяет ли значение слова его сочетаемость, или наоборот, сочетаемость первична по отношению к семантике, дискуссионен. Иначе говоря, не вполне ясно, образуются ли сочетания на основе семантических возможностей слова или же семантические возможности слова формируются на основе его сочетаемости. Так, авторы работ по современному русскому языку склонны считать, что сочетаемость является следствием семантического потенциала слова⁴, некоторые же исследователи истории языка полагают, что значение слова развивается в первую очередь в зависимости от сочетаемости конкретной лексемы⁵. По-видимому, данный вопрос не может быть решен только в пользу одной гипотезы. Скорее правомерны обе точки зрения, но для разных случаев.

Материал древнерусского языка предоставляет данные для обоих суждений⁶. Если обратиться к словам, семантически максимально близ-

³ Н. Ю. Шведова, Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы», ВЯ, 1970, 3, стр. 40.

⁴ Д. Н. Шмелев пишет: «Объединение слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам. В то же время сочетаемость каждого отдельного слова в пределах допускаемых последними моделей обусловлена его собственной индивидуальной семантикой» (Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 188). Ср. точку зрения Н. Ю. Шведовой: «Представляется несомненным, что избирательная лексическая сочетаемость слов предопределяется внутренними качествами „избирающего“ слова, и эти качества нужно искать в сфере значения» (Н. Ю. Шведова, указ. соч., стр. 41).

⁵ Данный подход отражен, например, в работах М. М. Копыленко, посвященных анализу старославянской и древнерусской лексики. Рассматривая кальки с греческого языка, М. М. Копыленко отмечает: «Калька всегда — следствие необычной для испытывающего влияние языка сочетаемости. Так, если глагол *просвѣтити* (*просвѣщати*), который имел исконные значения «засветить», «зажечь», приобрел новые значения — «сообщить знания», «окрестить», «прославить», «совершенствоваться», «украсить», то это произошло потому, что он стал употребляться не только с наименованиями источников света (*свѣча*, *лучина*), но и наименованиями лиц... и с такими существительными, как *лице*, *очи*, *сръдьце* (М. М. Копыленко, О греческом влиянии на язык древнерусской письменности, «Русская речь», 1969, 5, стр. 97).

⁶ В настоящей статье использован материал следующих древнерусских памятников: Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв. по кн.: «I Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», изд. Археогр. комиссии, СПб., 1875 (ЛН); Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в конце XI в. по списку Сильвестровского сборника XIV в. по кн.: И. И. Срезневский, Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века, СПб., 1860 (ЧтБГ); Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII в. по кн.: «Сборник XII в. Московского Успенского собора», I, под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899 («Чтения ОИДР», кн. II) (СкБГ); Книги временныя и образныя Георгия Мни-

ким, то нетрудно убедиться, что их различия обнаруживаются именно в сфере сочетаемости, в избирательных смысловых контактах. Существительные *мужь* — *человѣкъ* одинаково обозначают лицо мужского пола, но только слово *мужь* сочетается с определениями, обозначающими высокое социальное положение (*нарочитыи, добрыи, царевъ, вяции, лѣпшии* и др.): «и събрачеса чернь и волочаху *добрые можа* (прав. „мужи“) думающе с ними кого ц(с)ря поставять» (ЛН 69 об. — 70); «люба бы(с) рѣчь си дружинѣ и послаш(а) *лѣпшии мужи* ко црви» (ЛЛ 15об.); «Да входят в городъ одинѣми ворота со *црвѣмъ* мужемъ без оружья» (ЛЛ 18, договор Игоря с греками 945 г.).

По-видимому, в семантике самого слова должны содержаться такие смысловые качества, которые делают возможными данные сочетания. Эти качества не только соотносят слова как определяющее и определяемое, но и способствуют их сопоставлению или противопоставлению по отношению к одной и той же лексеме. Так, слово *мужь* противопоставляется слову *рабъ*, тогда как *человѣкъ* по содержанию контекста может соотноситься с этим существительным, ср.: «того *мужа* презрѣ и от себе си отгна, *раба* же того наслѣдна створи» (ГА 215а); «члвку сущю *рабу* никако же врежаеть по правдѣ живущему» (ГА 267г).

В каждом грамматическом классе сочетаемость имеет свои особенности. Для существительного наиболее важной представляется их сочетаемость с глаголами и прилагательными, причем для каждого слова данный фактор обладает своей индивидуальной спецификой. Например, при употреблении слова *земля* в значении «низ; поверхность земли» характерны конструкции этого существительного с глаголами *пасти, лежати, клонити(ся)*: «и паде ниць на *земли*» (ГА 72б); «люди же вѣдѣвши *лежаща* и на *земли* яко мртва суща» (ЧтБГ 15а); «видаци класы, *клонящися* к *земли*» (Пч 54об.). При использовании *страна* в значении «сторона света» в роли определения выступают прилагательные *вѣсточныи, западныи, полудньныи, полунощныи*: «постытсѣ (...) и въ Ливии и въ Егуптѣ и въ всеи *западнѣи странѣ*» (ГА 157 б—в); «двери црѣвныи прекрасны иже наричются Златыя сущая на *полуднѣи странѣ*» (ЛЛ 158об.). Значение «рыдание» у существительного *плачь* проявляется главным образом в конструкциях с предлогом *по* и однокорневым глаголом *плакатися*: «и *плакася* по ней снѣ ея и внуци ея и люде вси *плачемъ* великомъ» (ЛЛ 20 об.); «и *плакашася* по не(м) снѣве его *плаче(мъ)* велики(мъ)» (ЛЛ 149). Видимо, и соответствующее значение у *плакатися* в свою очередь зависит от семантики существительного *плачь*, — таким образом, влияние значения существительного на глагол и, наоборот, влияние значения глагола на существительное нельзя рассматривать как односторонний процесс.

Примеры воздействия семантики существительного на глагол особенно показательны в переносных значениях, когда существительное и глагол образуют более или менее устойчивые сочетания, иногда в нескольких вариантах. Таковы сочетания глаголов движения со словом *путь*, которые

ха по кн.: В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, I — Текст, Пг., 1920 (ГА); Лаврентьевская летопись 1377 г. по кн.: ПСЛР, I, 1—2, М., 1961 (ЛЛ); Пчела XIV в. по кн.: В. С. Менов, Древнерусская пчела, Сб. ОРЯС, LX, 4, 1893 (Пч.); Палея толковая 1406 г. по кн.: «Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.». Труд учеников Н. С. Тихонравова, вып. I. М., 1892; вып. II. М., 1896 (Пал.). Деловые памятники специально нами не привлекались, так как вопрос о соотношении и взаимодействии языка и стиля в древнерусский период между источниками деловыми, с одной стороны, и источниками других жанровых разновидностей (житийными, историко-повествовательными, богослужебными и др.) еще требует своего разрешения. Однако контексты из деловых источников учитывались в той степени, в какой они наличествуют в составе летописей.

толкуются как «жить по определенным правилам; подражать кому-л. в образе жизни, в образе мышления». Ср.: «тѣм бо путе(м) шли дѣти оци наши(х)» (ЛЛ 84); «и ре(ч)гь к нему встани и иди на путь, нарицемы правыи» (Пч 118об); «ходи въ пути ср(д)ца своего непорочень» (Пч 107об); «снве его Иоиль и Авия не шествующе путемъ его и въ добродѣтели его» (ГА 80об).

Формально легче всего поддаются типизации сочетания глаголов с предлогами. Данные сочетания в грамматическом плане отличаются от сочетаний глаголов с существительными: они обычно выражают объектные отношения; тем не менее в ряде случаев подобные сочетания помогают уяснить семантику глагола. Например, устойчивые сочетания глаголов движения с предлогом *на* толкуются как «отправиться воевать, идти войском»⁷: «Иде Игорь на Греки» (ЛЛ 10); «Ярославъ ходи на Половци за Донъ» (ЛЛ 100); сочетание тех же глаголов с *мимо* переносно используется с временным оттенком: «цр(с)твие твое мимо идеть от тебе» (ГА 119); компоненты группы глаголов *dicendi глаголати* и *молвити* с предлогом *на* используются в значении «наговаривать, хулить, бранить»: «и людие же на нь глаху, зане брата своего уби» (ГА 24в); «Дѣдъ же емъ вѣру лживы(м) слово(м) нача молвити на Василка» (ЛЛ 87).

Что касается имени прилагательного, то его значение главным образом зависит от семантики существительного, при котором оно выступает в функции определения. Особенно наглядно это проявляется в использовании прилагательных, выражающих общую положительную или отрицательную качественную характеристику. Так, прилагательное *зълый* в сочетании с существительными со значением лица служит выражением отрицательной этической-нравственной оценки: «приспѣша вънезапу посълани отъ Стоплька зълый его слугы» (СкБГ 13в). В сочетании с существительными абстрактными *зълый* употребляется с обобщенным значением отрицательного признака: «Идѣже зависть и распря, ту и бещинье и всяка зла вещь» (Пч 79). В роли определения к словам *брань*, *сѣча*, *пополохъ* данное прилагательное имеет значение «сильный по характеру своего проявления»: «бы(с) в ночь пополо(х) золь» (ЛЛ 108); «и сступишася обои бы(с) сѣча зла» (ЛЛ 49). Используясь в качестве определения к словам *сѣмърть*, *убиство*, *болѣзнь*, это же прилагательное может толковаться как «мучительный, жестокий»: «возми ножъ свои зарѣжи г(с)на своего да не злою сѣртию умреши» (ЧтБГ 25а—б); «бы(с) ему болестъ зла» (ЛЛ 123об.).

Таким образом, реализация отдельного значения слова в древнерусском памятнике зависит от его наиболее регулярного употребления с такими лексическими единицами, которые обнаруживают известную тематическую близость.

Смысловая связь слов, способствующая определению значения отдельной лексемы в контексте, не ограничивается их сочетаемостью по какой-то грамматической модели. Она легко устанавливается между сло-

⁷ Можно согласиться с Н. Ю. Шведовой, что сочетаемость свободная и фразеологически обусловленная обладают принципиальными различиями (Н. Ю. Шведова, указ. соч., стр. 42—43). Однако представляется правомерным рассматривать сочетаемость одного и другого вида в плане их сопоставления, тем более, что фразеологически связанная сочетаемость в древнерусском языке допускала значительно большую вариантность и по лексическому составу, и по грамматическим формам сравнительно с современным русским языком. Например, сочетание *идти на* в рассматриваемом значении могло дополняться именем существительным: «иду на тя ратью» (ЛЛ 144 об.); «воиноу иду на нь» (ГА 204 а) и т. д.

вами одного контекста древнерусского источника, но весьма трудно формализуется по синтаксическим параметрам и в основном лежит в области семантико-понятийных отношений. Смысловая сопоставленность слов по их понятийному сходству и различию далеко не совпадает с теми семантическими отношениями, которые обычно принято обозначать терминами «синонимия» и «антонимия». Смысловая сопоставленность и шире, и сложнее противоположности и тождества, выявляемых в семантической структуре лексем при сравнении лексикографических толкований. Приведем некоторые примеры совместного контекстуального употребления лексем понятийно близких слов. Существительное *земля*, обозначая нечто низменное, тленное, используется рядом с существительными *прахъ* и *попелъ*: «рци ему что гордишь яко *земля* еси и *попелъ* при твоємъ бо животъ внутренья товя гнусна суть» (Пч 82); «вѣдаемъ яко *земля* есмь и *прахъ*» (Пч 82рб.). Существительное *плачь* обнаруживает семантическое тяготение к словам *въздыхание*, *слъзы*, *стенание*: «и сѣде съ *плачемъ* и съ *слезами*» (ГА 190 г); «възпи к Бѹ *плаче*(*м̃*) велики(*м̃*) и *стенанье*(*м̃*)» (ЛЛ 88).

Противопоставление слов также обычно обнаруживается в одном контексте. Так, существительное *земля* как символ мира людей противопоставляется существительному *небо*, символизирующему мир божественный: «то едино тѣло имуще на *земли*, умом же и дѣшею на *нбса* принесени» (ГА 148б) (противопоставление *земля* — *небо* подчеркивается противопоставлением *тѣло* — *умъ*, *дѣша*); «яко бѣ на *нбси* выспрь и ты на *земли* низу» (ГА 191а) (противопоставление *земля* — *небо* сопровождается противопоставлением слов *бѣ* — *ты*, *выспрь* — *низу*). Таким образом, отдельные члены одного речевого отрезка оказываются противопоставленными отдельным членам другого речевого отрезка, входящего в контекст.

Подобные контексты характерны в основном для памятников философско-религиозного содержания, в то время как в языке памятников, рассказывающих о событиях древнерусской истории, противопоставление лексических единиц обычно осуществляется внутри одного речевого отрезка. Например, значение слова *люди* «нижний слой населения» выступает при противопоставлении со словами *бояре*, *вельможа*, ср.: «створи же х(с)олюбець пиръ великъ праздникъ стою не токмо *болярѡмъ* нъ и всѣмъ *людемъ*» (ЧтБГ 39а-б).

Другой случай противопоставленности представляет собой использование глаголов *dicendi* *отвѣцати* в значении «отвечать» и *въпросити* в значении «спросить». Наиболее типичны примеры, в которых *отвѣцати* в значении «говорить в ответ, отвечать» употребляется в контекстах, передающих диалог. Это употребление непременно предполагает наличие предыдущей реплики. В диалоге, обычно состоящем из последовательно чередующихся вопросительных и утвердительных предложений (реже — из реплик, каждая из которых включает два и более предложений), глагол *отвѣцати* вводит вторую реплику: «въпроси бо и: кдѣ Авель бра(т) твой? он же *отвѣца*: не] вѣдѣ» (ГА 19а); «Нѣкто его *въпраша*(*л̃*) что есть въздержание, и *отвѣца*[въ] еже въздержати] ся от похоти плотскыя» (Пч 12).

Вместе с тем между отдельным фактором, способствующим реализации значения слов, — будь то сочетаемость, смысловая близость или смысловая противопоставленность, — и тем или другим значением слова абсолютной обусловленности и постоянной связи не существует. Так, например, глагол *ходити* с предлогом *въ* используется и при обозначении движения с конечной целью: «нѣсть ми требѣ *въ*] *крѣвь*] *ходити*» (ЧтБГ 49б);

и в значении «носить», ср.: «да и порты в нихъ же *ходятъ* да и то с него сняти» (ЛЛ 13об.). Многочисленные сочетания существительного *мужь* с притяжательными местоимениями (*свои, твои, мои*) могут употребляться и по отношению к приближенному князя, и по отношению к супругу. Иногда в одном контексте слово (*мужь*) используется в двух значениях («муж, супруг» и «мужчина»), ср.: «Амазоняне же *мужа* не имуть, но акы скоть бессловесны единою лѣ(т̃)мъ къ вешнимъ днемъ оземьствьни буду(т̃) и счѣтаются съ окр(с̃)тными их *мужи*» (ГА 32б-в).

С другой стороны, выражение словом отдельного значения не обусловлено каким-то одним фактором — смысловой близостью, смысловой противопоставленностью, сочетаемостью. Значение глагола *плакаться*, определяемое как «рыдать, горевать», могло выражаться не только посредством конструкции с предлогом *по* + местный падеж имени (примеры см. выше), но и конструкциями указанного глагола с предлогом *надъ* + творительный падеж имени, и беспредложными сочетаниями с родительным (винительным) падежом управляемого слова, ср.: «аще бо людие *плакашеся над нимъ* днии. Л̃.» (ГА 67г); «и видѣвъ сборъ, яко умре Аронъ и *плакася его* днии. Л̃.» (ГА 64г).

Обобщенный признак у существительного *человѣкъ* отмечается в сочетании с определением *всякыи*: «да будетъ *всякъ члвкъ* скоръ на послушание» (Пч 96об.); он может находить выражение и посредством употребления формы множественного числа данного существительного. Нередки случаи, когда в одном контексте и форма единственного, и форма множественного числа указанного слова используются с оттенком обобщения, ср.: «все же то даль Б̃ъ на угоденъ *члвкмъ* на снѣдъ на веселье. велика Г(с̃)и мл(с̃)тъ твоя на на(с̃). яже та угодыя створилъ еси *члвка* дѣля грѣшна» (ЛЛ 79об. Поучение Владимира Мономаха).

Таким образом, между значением слова как его смысловой потенцией и реализацией значения как превращением потенции в факт происходит постоянное динамическое взаимодействие. Это взаимодействие осуществляется в контексте, который позволяет определить семантику слова, когда необходимо установить непосредственную связь между обозначающим и обозначаемым, т. е. когда требуется соотнести слово с конкретным лицом, фактом, предметом, действием. Так, например, типичные для существительного *мужь* сочетания с притяжательными местоимениями (*мои, свои*) в большинстве случаев обозначают человека именитого, знатного, если указанные притяжательные местоимения соотносятся с понятием «княжеский» («царский»). Однако в языке древнерусских памятников возможно такое употребление, при котором это сочетание не обязательно имеет значение знатный человек, даже при условии соотнесения притяжательного местоимения с понятием «княжеский». В этом отношении показателен эпизод о единоборстве русского богатыря с печенежским, описанный в Лаврентьевской летописи в статье под 992 годом. Печенежский князь ставит условие князю Владимиру: «выпусти ты *свои мужь*. а я свои да ся борета. да аще *твои мужь* ударить моимъ. да не воюемъ за три лѣта». И далее: «выпустима Печенѣзи *мужь свои* бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. и выступил *мужь* Володимеръ». (ЛЛ 42об.). В приведенных контекстах притяжательные местоимения *мои, свои, твои* обозначают не высокое социальное положение человека, а его подданство. После единоборства князь Владимир вознаградил победителя, русского отрока, сделал его «великимъ мужемъ», т. е. знатным человеком.

Отсюда следует, что определение семантики отдельного слова может опираться на содержание контекста. Фактор контекста не относится непосредственно к лингвистическому анализу и обычно остается за его

формальными границами, по-видимому, в силу того, что формализовать содержательную сторону письменного источника, исходя из единиц языка, представляется крайне трудным.

Тем не менее семантический анализ нередко требует обращения не только к содержанию текста, но и, более широко, к излагаемой в источнике теме. В некоторых случаях тема обуславливает выбор лексем, в других — реализацию отдельного значения. Например, прилагательные *святыи* и *блаженни* как выражение положительной этико-нравственной оценки характерны для житийных памятников и тех частей летописи, которые испытали влияние церковных источников. Прилагательное *зълъи* в значении «сильный по характеру своего проявления», сочетание *идти на* в значении «воевать, идти войском» связаны с темой описания военных действий, свойственной в основном летописному жанру. Но когда эта же тема затрагивается в агиографическом произведении, автор обращается к средствам, принятым в языке летописи, и пользуется ими как готовыми формулами, ср.: «и съступишася въсходящю слѣдцю и бы(ѣ) свѣа гла отинудъ» (СкБГ 15г). Реализация отдельного значения в зависимости от тематических условий может быть проиллюстрирована и использованием существительных. Например, слово *языкъ* в значениях «наречие» и «народ, племя» употребляется в текстах, разнородных по жанру — историко-повествовательных, афористических, летописных, ср.: «а се суть инии *языци* иже дань даютъ Руси. Чюдъ Меря Весь Мурома Черемись» (ЛЛ 4об.); «створю тя в *языкъ* велии» (ГА 6бг.); «Въ множествѣ *языкъ* слава ц(ѣ)рмъ» (Пч 31 об.). В то же время использование этого же существительного в значениях «орган речи» и «способность говорить» характерно для назидательно-афористического памятника, например: «*языкъ* мой да не погубить мене» (Пч 9боб. — 97); «*Языкъ* шатающься не требуетъ казния» (Пч 137). Последний контекст, содержащий глагол *шататися*, по всей видимости, восходит к библейскому источнику, где слово *языкъ* в форме множественного числа имеет значение «народ», ср.: «въскую шаташася *языци*» (Псалтирь, II, 1). Таким образом, при значительном лексическом сходстве контекстов может осуществляться реализация разных значений одного и того же слова.

Проявление семантических возможностей слова, связанных с тематическими условиями текста и его содержанием, зависело и от жанровой специфики источника. Та или иная тема получала преимущественное изложение в памятниках определенного жанра, поэтому здесь следует говорить именно о преимущественной, но не об абсолютной жанрово-тематической прикреплённости. Данное явление особенно наглядно прослеживается в летописи, где, например, описание монастырского устава и быта осуществляется в основном средствами языка церковных памятников. Многочисленные «похвальные слова» русским князьям, включенные в состав летописи, также строились с учетом этико-нравственной оценки, определяемой религиозно-христианскими догмами, ср. о князе Ростиславе: «мужь (...) мл(ѣ)твь убогымъ» (ЛЛ 5б).

Христианская догматика была основой средневекового мировоззрения. Положение о сотворении богом человека находило воплощение в многократном повторении соответствующей догмы в самых разных памятниках («бъ създа члвкъ»); положение о правителе как о наместнике бога на земле («властью сана равень акы бѣ») проецировалось на существовавшую социальную организацию общества. Эти догмы, как и многие другие, были унаследованы древнерусской культурой от византийской, но в некоторых своих языковых особенностях отражали специфические древнерусские черты. Например, в переводных текстах сочетание *божи* че-

ловѣкъ преимущественно используется по отношению к апостолам, а в оригинальных оно применено к св. Алексию, ср.: «бж(с)твѣнаго Иякова видѣ ведома на смѣрть оклеветавыи его и раскаявѣся припаде къ ногама ап(с)лу глѣ: „прости мя, *члвче бий*, яко каюся о нихъ же глахъ на тя прегрѣшивъ“» (ГА 1376—в); «в пято(к) на канунъ ста(г) Олексѣя *члвка Бжѣя*» (ЛЛ 138об.). Догмы были не только литературной темой, воплощавшейся в том или другом произведении, но и правилами, поддерживающими структуру средневекового общества, нормой поведения, обязательной для каждого члена этого общества⁸.

Подводя итоги, можно отметить, что в употреблении лексемы в языке древнерусских памятников на первый план выступает ее тематическая обусловленность. В этом смысле нет принципиального различия между реализацией отдельного значения и использованием отдельного слова в конкретном тексте. Не слово «строило» контекст, а контекст самим своим содержанием и темой определял выбор слова. Произведение слагалось из более или менее устойчивых формул, в которые типические для отдельного слова двучленные сочетания входили как составная часть. Поэтому в древнерусском языке так велика возможность «предсказуемости» слова.

Действительно, если известно, что речь идет о человеке, который характеризуется такими определениями, как *кротѣкъ*, *сѣмѣренъ*, *милостивъ* (*къ*) *убогымъ*, то можно предположить, что данный индивидуум будет обозначаться словом *мужь*, а не *человѣкъ*. Если в составе прямой речи должен быть употреблен один из глаголов *dicendi*, то им, вероятно, окажется глагол *молвити*. Напротив, если в памятнике содержится ссылка на библейский источник, то в роли глагола, вводящего ее в текст, никогда не выступит *молвити*, а *глаголати*, *речи*, *вѣщати*. Если в летописи говорится о преемственности княжения, правах наследия и владения и используется при этом глагол *прияти* (*перяяти*), то в непосредственное сочетание с ним скорее всего, вступит существительное *власть*, но не семантически близкие *страна* и *земля*.

Многообразие различных факторов, выявляющихся при реализации значения слова, может одновременно рассматриваться и как грамматические и семантические условия употребления этого слова, которые определенным образом соотносены и подчинены жанрово-тематическим требованиям текста.

Исследование лексико-семантической системы древнерусского языка в аспекте анализа текста предполагает сопоставление со словоупотреблением в языке старославянских памятников, т. е. ретроспективный подход, который может помочь уяснить не только общность, но и дифференциацию лексем в старославянских источниках, с одной стороны, и древнерусских, с другой. Изучение данной системы также предусматривает соотношение со словоупотреблением в языке русских памятников разных жанров, и в первую очередь со словоупотреблением в языке деловой письменности, так как именно деловая письменность, особенно начиная с XV в., являлась одним из наиболее эффективных проводников разговорной лексики в литературный обиход.

Диакроническое изучение лексико-семантической системы должно способствовать выявлению тех факторов, которые вызывали известную экспрессивную маркированность слова, проявляющуюся в зависимости и от семантических возможностей слова, и от его жанрово-стилистического

⁸ Ср. замечание В. В. Виноградова: «...древнерусские тексты возникают и строятся на семантической и образно-идеологической базе, типичной для духовной культуры средневековья» (В. В. Виноградов, Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры, ВЯ, 1968, 1, стр. 9).

употребления. Сложность изучения лексико-семантической системы в развитии усугубляется тем, что стилистический аспект, который должен быть необходимым условием анализа, также требует диахронного подхода. Стилистическая характеристика — это не дополнение к «индивидуальному паспорту» слова, но это тот фактор, от которого во многом зависело функционирование самого слова⁹. Следовательно, лексико-семантическая система оказывается тесно связанной с системой жанрово-стилистической.

Наконец, особый вопрос составляет соотношение слова и контекста при установлении контекстуального минимума, требуемого для определения значения слова. По-видимому, отдельно взятый контекст, достаточный для толкования одного слова, может оказаться недостаточным для толкования другого слова, также входящего в данный контекст.

⁹ В. В. Виноградов подчеркивал: «В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слова, связанных с его индивидуальным „паспортом“. Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей» (В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык, 2-е изд., М., 1972, стр. 22).

Ю. С. СТЕПАНОВ

**О ЗАВИСИМОСТИ ПОНЯТИЯ ФОНЕМЫ ОТ ПОНЯТИЯ СЛОГА
ПРИ СИНХРОННОМ ОПИСАНИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ**

Наиболее общим определением фонемы, подходящим, с теми или иными частными изменениями, к разным фонемным теориям, является определение ее как кратчайшей части, или единицы, в фонологической оппозиции слов или морфем. Определенная таким образом фонема может соответствовать в наблюдаемой речевой цепи отрезкам разной протяженности — кратчайшему звуку речи, не кратчайшему звуку речи — дифтонгу или аффрикату, наконец, слогу. В этом ряду понятий, разумеется, лишено смысла утверждение, что понятие фонемы может зависеть от понятия слога. Проблема, которую мы собираемся поставить, заключается совсем в другом.

Общеизвестно, что фонетическая система одного и того же языка в один и тот же момент времени нередко допускает несколько различных фонемных «решений». Возможность нескольких фонемных решений сама уже не может быть объяснена в терминах фонологических оппозиций слов и морфем. В таком случае возникает задача выявить ту объективную основу, которая остается незатронутой и неизменной при различных фонемных описаниях и которая позволяет судить о большей или меньшей адекватности каждого из них. Такова суть поставленной проблемы.

Уже из заголовка ясно, на каком пути мы намерены искать ее разрешения: мы полагаем, что такой объективной основой выступает слоговая организация языка. Если результатом фонемного анализа являются фонемы, единицы кратчайшие и одновременно абстрактные, продукт предельной сегментации речевого потока, то при возможности нескольких различных фонемных анализов одного и того же языка мы должны выйти за рамки системы фонем и рассмотреть систему слогов, единиц более конкретных и в подавляющем большинстве случаев более протяженных, чем фонемы, результат не предельного разложения речевого потока.

Предлагаемое разрешение проблемы является чисто теоретическим. Практически может оказаться, а в большинстве случаев в действительности и оказывается, что система слогов известна исследователю хуже, чем система фонем. Но принципиально это не меняет существа дела — обоснованного предположения, что именно система слогов объективно определяет фонемные решения, а не наоборот. Нашей задачей является показать принципиальную зависимость между тем и другим, притом зависимость однонаправленную, и по возможности выявить степень этой зависимости, а вовсе не настаивать на том или ином решении применительно к тому или иному отдельному языку. В дальнейшем в этой статье мы будем исходить из допущения (впрочем, каждый раз более или менее обоснованного), что нам известны принципы слогаделения и система слогов во всех обсуждаемых случаях. Начнем с краткой истории вопроса, кото-

рая покажет различие двух принципов описания — предельного (дискретного) и неопредельного (недискретного) разложения.

1. В лингвистике последних десятилетий господствовало убеждение, что язык можно описать наилучшим образом, если за основу будут приняты элементарные, предельные сущности, из которых дедуктивным путем, через комбинации, оппозиции или трансформации, будут выводиться все остальные сущности. Убеждение это заходило так далеко, что даже слог, явление артикуляторное и просодическое, полагали возможным описывать в фонологических терминах. Например, Л. Ельмслев считал, что в целях построения общей абстрактной теории отношения между ударением и слогом должны быть «перевернуты»: «ударение» (accent) и «модуляцию» следует рассматривать как первичные категории, а слог — как производное от ударения, как такой минимальный сегмент, который характеризуется ударением¹. «Ударение» же в системе Ельмслева является предельной единицей абстрактного уровня, «кенемой», как и фонема. Н. С. Трубецкой рассматривал все просодические признаки, включая слоговоеделение, как один из видов фонологических оппозиций. Слог определялся им, как и у Ельмслева, в качестве производного от более абстрактных фонологических понятий — от понятия оппозиции или от понятия гласного («сам же слог ни при каких обстоятельствах не может служить базой для определения гласного»)².

Однако, с другой стороны, в последние полтора десятилетия появились и все более давали себя знать противоположные тенденции — отказ от предельных, дискретных и абстрактных единиц как основы лингвистического описания. Например, в исследованиях по реконструкции лингвисты все чаще предпочитали пользоваться более конкретным, чем фонема, понятием «звукотипа»³. Это понятие, как известно, стало применяться и в так называемой «порождающей фонологии», которая оперирует не «фонемами», а «звукотипами», характеризующимися в дихотомических признаках (гласный, согласный, компактный, диффузный, низкий, дизный и т. д.). Усиливалось внимание к просодическим явлениям, не укладывающимся в рамки предельных кратчайших единиц⁴. Были сделаны и попытки осмыслить это фактическое положение дел как проявление общего «недискретного принципа» лингвистического описания. В американской лингвистической школе еще в 40-е годы этот принцип был намечен в начальной форме З. Харрисом⁵, но все же за тем, по-видимому, заброшен. Несколькими позже, и уже более обобщенно, он был сформулирован в жевневской школе А. Фреем⁶. Как общий фонетический принцип он получил развитие в английской лингвистике в работах Дж. Ферса, Р. Робинса, Ф. Палмера и др.⁷. В советской лингвистике недискретный принцип

¹ L. H e l m s l e v, Accent, intonation, quantité, «Studi baltici», 6, 1936 — 1937, стр. 7, 19.

² Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии, М., 1960, стр. 210. Из более новых исследований в том же направлении см. интересную работу: В. И. П о с т о в а л о в а, Фонологическая структура слога (к методике описания). АКД, М., 1967, где фактически исследуется не слог, а абстрактная модель слога.

³ Ср., например: И. Г. М и л о с л а в с к и й, История правил сочетаемости согласных звуков в русском языке. АКД, М., 1966.

⁴ Ср. интересную просодическую трактовку ряда фактов в работе: С. Д. К а ц н е л ь с о н, Сравнительная акцентология германских языков, М. — Л., 1966, стр. 84 — 85; 213.

⁵ Z. S. H a r r i s, Simultaneous components in phonology, «Language», 20, 1944, стр. 181 — 205 (позднее включено в его книгу «Methods in structural linguistics», Chicago, 1951, стр. 132).

⁶ H. F r e i, Langue, parole et différenciation, «Journal de psychologie normale et pathologique», avril — juin, 1952, стр. 137 — 157 (перепечатано в кн. «A Geneva school reader in linguistics», ed. by R. Godel, Bloomington — London, 1969, стр. 278 — 300).

⁷ См. сб. «Prosodic analysis», ed. by F. R. Palmer, London, 1970.

развивался как в применении к реконструкции, В. В. Мартыновым⁸, так и в других отношениях⁹.

Следует отметить и особую, как бы срединную, тенденцию: признание элементов более крупных, чем предельные единицы-фонемы, но одновременно трактовку этих непрдельных единиц как фонем; таким путем возникает понятие «группофонем» или «силлабофонем»¹⁰.

II. В свете общего недискретного принципа мы рассматриваем слог как основную конкретную антропофоническую единицу и определяем понятие слога независимо от фонологических понятий, антропоцентрически, с позиции говорящего человека. Слоги — минимальные единицы, на которые возможно разделить речь паузами. Слоги — естественное деление речи, основанное на организации дыхания в процессе речи¹¹. Однако слоговое деление подчинено также специфическим законам каждого языка, и поэтому даже при одинаковой последовательности гласных и согласных может быть в разных языках различным. Легко заметить, что в нашем определении слог определяется не изнутри, а извне, как отрезок между паузами; в сущности определяется не слог, а слоговое деление. Для цели, поставленной в настоящей статье, не требуется никакого иного, более «точного» определения слога. (И тем более не требуется определения посредством инструментальных данных. Специальный прибор или машина в теоретической лингвистике нужны лишь для того, чтобы точнее установить, что в действительности слышит человеческое ухо там, где оно слышит нечто, например паузу слогораздела. Но они вполне бесполезны там, где нормальное человеческое ухо не слышит ничего; в таких случаях инструментальные данные не имеют отношения к лингвистике.) Данное определение соответствует тому, как в действительности поступают фонологи: например, в системе Р. И. Аванесова слогораздел определяется при скандированном произношении.

Такие явления, как дизность (палатализация) или бемольность (веляризация или лабиовеляризация) несомненно принадлежат слогу в целом. В простейшем виде, как непосредственная данность, они могут быть продемонстрированы на открытом слоге: *ki* — дизный, *ku* — бемольный. Когда в процессе описания языка переходят от слога к более абстрактным дискретным единицам, фонемам, то возникают три теоретические возможности. Во-первых, признак дизности (или, соответственно, бемольности) можно отнести одновременно и к гласному, и к согласному, продублировать его в обеих фонемах. Но так не поступают ни в одной фонологической теории: описание стало бы явно избыточным. Во-вторых, признак дизности (бемольности) можно отнести к согласному,

⁸ В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968.

⁹ Ю. С. Степанов, Лексико-семантическая система языка в освещении недискретной лингвистики, «Лексико-семантическая система языка и методы ее исследования. Тезисы конференции, МГПИИЯ им. М. Тореца», М., 1971; е г о ж е, Ударение и метатония в литовском глаголе, «Baltistica. I Priedas», 1972.

¹⁰ Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Звуки I и Y, «Вестник МГУ», 1947, 1, перепечатано в кн.: А. А. Реформатский, Из истории отечественной фонологии, М., 1970, стр. 278—299; В. К. Журавлев, Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. (Докл. на V Международном съезде славистов). Минск, 1963; е г о ж е, Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. АДД, М., 1965; е г о ж е, Группофонема как основная фонологическая единица, «Исследования по фонологии», М., 1966; ср. из новых работ: J. V. N o s r e g, The syllable in phonological theory, «Language», 48, 3, 1972; J. J. S p a, A propos du trait phonologique «syllabique», «Linguistics», 103, 1973.

¹¹ Ср.: Н. И. Жинкин, Механизмы речи, М., 1958, стр. 180 и др.; Л. В. Златоуста, Фонетические единицы русской речи (экспериментальное исследование). АДД, М., 1970.

тогда гласный будет свободен как от дизности, так и от бемольности и останется одним и тем же в обоих случаях. В-третьих, признак дизности (бемольности) может быть отнесен к гласному, и тогда одним и тем же, беспризнаковым окажется согласный (см. табл. 1).

Теоретически оба способа представления фонемной системы одинаково возможны. Эту возможность обнаруживает, например, современный русский язык. Наиболее распространенное описание фонем русского языка дается в основном в терминах московской фонологической школы. При этом, как известно, выделяются коррелятивные ряды твердых и мягких парных согласных, гласные же не имеют коррелятивных рядов (*и, э, а, о, у*). Звуки [ы] и [и] расцениваются как варианты одной и той же фонемы [и]. Это описание на основе первого из названных способов.

Т. Р. Вийтсо представил интересный опыт описания фонемной системы современного русского языка на основе второго способа¹². Он выделяет один ряд согласных (твердый), а в гласных устанавливает два коррелятивных ряда, соотносительных по признаку переднего — заднего ряда: задние — *а, и, о, у* (или *ɨ* — в ударном слове), передние — *ä, ÿ, ö, i, e* (или *e — é — e* — в ударном слове). Система Т. Р. Вийтсо не лишена некоторых противоречий, но они относятся скорее к морфологическим последствиям этого фонемного представления, чем к самому фонемному представлению. Так, форму типа *гвозди*, мн. ч. от *гвоздь*, естественно представить в этой системе как [gvozdjy], где [j] — фонема или однофонемная морфема. Но такому представлению мешает утверждение, что сочетание *ji* — а значит и *iy* — дает на поверхностном уровне сочетания типа *польёт, гладь*, но не сочетания типа *полёт, гвозди*. Если же представить форму *гвозди* как [gvozdɨ], то мы получаем две различные морфемы мн. числа: одну в случае *гвоздь — гвозди*, другую в случае *дрозд — дрозды*, что, как известно, является неоправданным усложнением на морфемном уровне. Однако те или иные противоречия имеются во всяком фонемном описании, и в целом система, предложенная Т. Р. Вийтсо, вполне доказывает возможность такого представления для современного русского языка.

Древнерусский язык до эпохи «смягчения полумягких» и «падения редуцированных» (вполне определенно до XI в.) представляет собой иную языковую систему, в которой коррелятивные признаки дизности — бемольности с большей определенностью могут быть отнесены к гласным, а не согласным. Общепринята по крайней мере данная трактовка принципа дизности для звуков [и], [ы], в силу чего эти звуки рассматриваются для этого периода как самостоятельные фонемы, причем корреляция согласных по твердости — мягкости как фонологическая подсистема отсутствует¹³.

Следуя ретроспективно этой логике развития славянской системы, мы должны обнаружить в общеславянском позднего периода такую систему,

Таблица 1

Слог	1-й способ: признаки дизности и бемольности отнесены к согласному	2-й способ: признаки дизности и бемольности отнесены к гласному
Дизный <i>ki</i>	k' — i	k — i
Бемольный <i>ku</i>	k ^u — i	k — i ^u ([ы] или [и])

1 Знаком *i* обозначен гласный типа русского [ы] в слове *мышь* или испанского [U] в слове *тиу* — краткое неогубленное [и] или очень заднее [ы]

¹² Т. Р. В и й т с о, Об одной возможности описания фонологии русского языка, «Уч. зап. [Тартусск. гос. ун-та]», 139 («Труды по русской и славянской фонологии», VI), 1963, стр. 405—409.

¹³ См.: Р. И. А в а н е с о в, указ. соч., стр. 284—291; В. В. И в а н о в, Историческая фонология русского языка, М., 1968, стр. 182, 328.

которая однозначно соответствует второму способу описания. Это, как известно, и сделано Ф. Марешом. Он приходит к выводу, что последовательное проведение различия по заднему — переднему тембру создало без остатка (*beze zbytku*) два ряда гласных — велярных и палатальных. Тем самым возникло определенное отношение между гласными, с одной стороны, и согласными и сонантами — с другой: те из них, которые были одинаковы по месту образования (изотопны), а также фонологически (темброво) параллельны с гласными, т. е. велярные и *j*, составили одну группу, остальные другую. При этой изотопности легко осуществляется ассимиляция, особенно когда у негласных фонем палатальный ряд не заполнен. Ассимиляция проходит всегда в направлении к признаковости, т. е. к палатализации¹⁴. В свете этой системы легко объясняются первая и вторая палатализации, а по мнению Д. Мареша, также и перегласовка *o > e* (*togo : jogo > jego*).

III. Теперь можно поставить более общий вопрос: в каких случаях следует предпочесть первое, а в каких второе решение? Почему (если не считать достаточной причиной орфографическую традицию) для современного русского языка предпочитается первое представление (признаки дизности и бемольности отнесены к согласным), а для праславянского многие авторы избирают второе (те же признаки относятся к гласным)?

Можно предположить, что существуют два объективных основания разной степени общности, причем как то, так и другое связаны с организацией слоговой системы анализируемого языка.

Первое основание заключается в степени аккомодации в пределах слога в данном языке. Под аккомодацией вообще мы понимаем уподобление друг другу гласного и согласного, соседствующих в речевой цепи. Языки со слабой аккомодацией в пределах слога естественно позволяют легко разорвать признак дизности (бемольности), определенно отнести его в одних случаях к гласному, в других случаях к согласному. Французский язык является примером языка со слабой аккомодацией, где признак дизности определенно относим к гласному. В этом языке можно установить два коррелятивных ряда гласных:

дизный ряд: *i, e (é), à (patte), o, ø, ü*
 недизный ряд: *-, e (è), a (pâte), o, œ, u.*

Согласные же во французском не имеют коррелятивных рядов. [Заметим, что, поскольку мы исходим из взаимодействия гласных и согласных, то термины «низкий — высокий», «компактный — диффузный», «бемольный — дизный», выражающие различные содержания в дихотомической фонологии, для нас являются синонимами (т. е., например, «низкий» синонимично «компактный», «бемольный»). В совокупности они содержательно раскрывают значение термина «аккомодация».] Следует подчеркнуть, что речь должна идти именно об аккомодации в пределах слога. Так, литовский язык — язык вообще с очень сильной аккомодацией, ср. литов. *Vingis, Vingis* [v'ín'g'is], то же слово в русском произношении [vín'g'is]; русск. *в Паланге* [фпалáнг'e], то же в литовском произношении [фпалáн'g'e]. Однако в пределах слога литовская аккомодация менее сильна и менее единообразна, чем в русском (что завуалировано особенностями литовской графики — ее единообразием). Ср.: заднеязычный *kiu* [k'ú] — полная аккомодация; зубной *tiu* [t'ú] — неполная аккомодация, глайд;

¹⁴ F. V. Mareš, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», 25, 4, 1956, стр. 450—451. Ранее соответствующие идеи высказывались А. А. Шахматовым (1915), Р. Якобсоном (1929), Н. Ван-Вейком (1950). Дальнейшее развитие см. в указанных работах В. К. Журавлева и В. В. Мартынова.

губной *riu* [p'ju] — снятие аккомодации благодаря превращению глайда в согласный.

Эти особенности литовской аккомодации не позволяют, с нашей точки зрения, устанавливать последовательные коррелятивные ряды твердых и мягких согласных фонем в литовском языке. Примером языка с сильной аккомодацией является русский. Именно это обстоятельство является той общей причиной, которая обуславливает в нем возможность двух различных фонемных решений. Все сказанное дальше относится прежде всего к языкам с сильной слоговой аккомодацией. Вопрос о том, насколько те же положения применимы к языкам со слабой аккомодацией, мы сейчас оставляем открытым.

Однако и древнерусский, и старославянский, и праславянский также являются, несомненно, языками с сильной слоговой аккомодацией, и тем не менее для них при тех же двух возможностях предпочтительнее второе решение, в то время как для современного русского предпочтительнее первое. Очевидно, что сильная аккомодация обуславливает лишь возможность обоих решений, но выбор одного из них должен быть обоснован иными факторами. Необходимо, следовательно, искать второе, более частное основание.

Искомое в т о р о е о с н о в а н и е можно, как мы полагаем, сформулировать в следующем виде: для аккомодирующего языка с тенденцией к закрытым слогам должен быть предпочтен первый способ (два коррелятивных ряда согласных при одном ряде гласных), для аккомодирующего языка с тенденцией к открытым слогам — второй способ (один ряд согласных при двух коррелятивных рядах гласных). Праславянский — язык с почти безраздельно господствующей тенденцией к открытым слогам, древнерусский — язык с еще сильно выраженной тенденцией к открытым слогам, но с заметным переходом к иной тенденции, современный русский — язык с более сильной тенденцией к закрытым слогам. Этими различиями и должен быть объяснен выбор различных фонемных решений. При общем условии аккомодации, гласный, находясь между согласными, т. е. в закрытом слоге, находится тем самым в несвободной позиции и его признаки обусловлены консонантным окружением, и этим объясняется выбор первого решения. В открытых слогах гласный находится в более свободной позиции, и этим объясняется выбор второго решения.

Теоретически предположенные здесь два решения фактически с одинаковым успехом применяются при описании таких языков, как арабский, лакский и, возможно, также в равной мере применимы к абхазскому¹⁵. Во всех случаях выделяется либо один неопределенный гласный [ə] с его основными вариантами — дизным и бемольным, либо три гласные фонемы. А. Мартине указал на типологический параллелизм общеславянского и французского в этом отношении¹⁶. В кашмири, по данным Д. И. Эдельман, три типа согласных (простой — палатализованный — лабиализованный) охватывают все локальные ряды согласных, кроме лабиальных, не принимающих лабиализации, и палатальных, не принимающих палатализации¹⁷. Вместе с тем отмечается тенденция к открытым слогам. Можно, следовательно, предполагать, что для кашмири окажутся одинаково адекватными оба способа фонемного представления.

Таким образом, установление двух коррелятивных рядов гласных, ди-

¹⁵ Дискуссию см.: М. А. К у м а х о в, Теория моновокализма и западнокавказские языки, ВЯ, 1973, 6.

¹⁶ А. M a r t i n e t, Langues à syllabes ouvertes: le cas du slave commun, ZfPh, 6, 1952.

¹⁷ Д. И. Э д е л ь м а н, К типологии индоевропейских гуттуральных, ИАН ОЛЯ, 1973, 6.

езного и бемольного, при одном ряде согласных может быть обусловлено двумя различными факторами — либо тем, что данный язык имеет слабую слоговую аккомодацию (как современный французский), либо тем, что язык имеет сильную слоговую аккомодацию, но при этом в нем действует тенденция к открытым слогам (таково положение в праславянском языке).

IV. Выше мы рассмотрели лишь две слоговые черты — дизезность и бемольность (а говоря точнее, даже одну — дизезность, так как для простоты мы отождествляли бемольность с недизезностью, что допустимо лишь в самом первом приближении). Теперь следует расширить проблему также и в смысле материала и поставить следующий вопрос: какие еще слоговые черты допускают аналогичную двойственную трактовку при фонемных решениях?

Прежде всего, очевидно, сюда следует причислить ларингализацию в ее разных конкретно-языковых проявлениях (аспирация, абруптивность согласных; ларингализация, «скрипучесть» гласных и т. д.). Аспирация («придыхание»), как показал Дж. Ферс, допускает, как и признаки дизезности — бемольности в нашем понимании, суперсегментную трактовку. Ей объективно соответствует передача «придыхания» разным частям слога и даже слова в целом. Например, в восточном хиндустани (в тщательном произношении) *pāhyle*, в западном хиндустани (в быстром произношении) *pāyhle*, в пенджаби *pāyille*¹⁸. Другими примерами того же процесса могут быть произношение в американском просторечии слов с начальной группой *wh-* как [hw]: *where* [hweə] и т. п., а также перенос придыхания в древнегреческом, ср. *ταχ-/θαχ-* (*ταχ-/thak-*): *ταχός* — *θάττων*.

Далее сюда же следует отнести фарингализацию с ее столь же разнообразными частными проявлениями, такими, как «гортанная смычка» (glottal stop) и другими.

Наконец, все вообще сонантические явления допускают, по-видимому, такую же суперсегментную, слоговую трактовку с вытекающей из нее возможностью двояких фонемных решений.

Попытаемся представить этот материал в некоторой системе, уточнив предварительно понятие «нейтрального слога», по отношению к которому оценивается дизезность, бемольность, аспирация и т. д. Выше мы рассматривали дизезность как явление, тождественное палатализации, а бемольность как явление, тождественное веларизации или лабиовеларизации.

Таким образом, мы исходили по существу из оценки дизезности и бемольности относительно некоторого типа слога, принимаемого за нейтральный. В общем виде гласный такого слога может быть представлен либо как ненапряженное среднее [a], как в русском *сад*, либо как любой гласный среднего ряда: английское [ə], упомянутое выше [ɪ]. Дизезность и бемольность мы рассматриваем как повышение или понижение по отношению ко всей зоне {[a], [ə], [ɪ]}, принимаемой в целом за нейтральную. (Это необходимо иметь в виду, так как иногда дизезность и бемольность расцениваются как качества слогов соответственно: [ki] — [k^hi], русских [ki] — [kы], или также [кю] — [ку] в их отношении друг к другу.)

Однако разные типы согласных тяготеют к разным частям внутри этой зоны: естественным нейтральным слогом для губных будет /pɪ/, для зубных /tə/, для веларных /ka/. Причины этого лежат в соответствии друг другу собственных частот [p] и [ɪ], [t] и [ə], [k] и [a]¹⁹. Это уточнение

¹⁸ J. R. Firth, *Sounds and prosodies* (1948), «Prosodic analysis», стр. 16.

¹⁹ См.: E. Fischer-Jørgensen, *What can the new techniques of acoustic phonetics contribute to linguistics?* (1958), «Psycholinguistics. A book of readings», ed. by Sol Saporta, New York, 1961, стр. 137; Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, Введение в анализ речи, «Новое в лингвистике», 2, М., 1962, стр. 192; Л. В. Златовустова, Фонетические единицы русской речи, стр. 10—11.

Таблица 2

Дискретные фонемы начала слога	Недискретные (просодические) характеристики слога			
	нейтральность	дизезность (палатализация)	бемольность (лабиовеляризация)	ларингализация
Губной [p]	[i] pf	[i] ¹ pi	[u] ¹ pu	[h] ¹ ph
Зубной [t]	[ə] tə	[i] ² ti	[u] ² tu	[h] ² th
Велярный [k]	[a] ka	[i] ³ ki	[u] ³ ku	[h] ³ kh

необходимо для более развернутого представления, которое может быть предложено в виде типологической таблицы (см. табл. 2).

Подобно тому, как зона нейтральности включает в себя три разновидности, те же различия соответственно должны иметься в зонах дизезности, бемольности и ларингальности. На схеме они обозначены цифровыми индексами. Так, например, аспирация («придыхание») может принять три разные формы: у губных $ph^1 > pf > f$, у зубных $th^2 > t\theta > \theta$, у велярных $kh^3 > k\chi > \chi$. Германское передвижение согласных, по-видимому, включает в себя три эти разновидности²⁰.

Для представления слоговых просодических явлений в полной системе необходимо иметь в виду еще следующее обстоятельство. Палатализация есть просодическое явление, вызывающее дизезность всего слога, но может существовать и отдельная фонема, воплощающая качество палатализации в дискретном виде — /j/. Точно так же, наряду с лабиовеляризацией как просодическим явлением, ведущим к бемольности слога, может существовать дискретная лабиовелярная фонема /ɣ/ (она представлена, например, в праславянском и древнерусском, ср. литов. *ūdra* — русск. *вѣдра*, русские чередования *отец* — *вотчина* и т. п.). Таким же образом обстоит дело, по-видимому, со всеми сонантическими явлениями. Особенное внимание следует обратить на этот третий, дискретный, аспект в связи с ларингальностью. С одной стороны ларингальность — это просодическое явление, которое, как и все явления, рассматриваемые нами в этой системе, может быть фонологически отнесено либо к гласному, либо к согласному (два фонемных решения); с другой стороны, может существовать отдельная дискретная ларингальная фонема (или, возможно, несколько ларингальных фонем). Недостаточным разграничением этих трех реализаций ларингальности, несомненно, частично объясняется запутанность ларингальной теории в индоевропейском языкознании.

Анализ фарингальности и других сонантических явлений, который может быть проведен таким же образом, мы оставляем до другого случая.

V. С точки зрения сказанного удается в простой форме изложить известный дискуссионный вопрос о реконструкции ларингальных и гласных в протоиндоевропейском. Существующие по этому вопросу мнения можно сгруппировать в две наиболее общие гипотезы: а) протоиндоевропейский обладал тремя ларингальными $\varepsilon_1, \varepsilon_2, \varepsilon_3$ и одним гласным, который условно обозначим как a^{21} ; б) протоиндоевропейский обладал одним ларингальным ε и тремя гласными — e, o, a . Представим исходные

²⁰ О возможном соотношении трех хеттских ларингальных и трех и.-е. гуттуральных ($h - h' - h^0$; $k - k' - k^0$) см.: Т. В. Гамкрелидзе, Хеттский язык и ларингальная теория, «Труды Ин-та языкознания [АН ГрузССР]», III. Серия восточных языков, 1960, стр. 89—90.

²¹ Заметим, что вслед за Э. Бенвенистом более принято обозначение e . Ларингальный ε может быть обозначен также через h , как в табл. 2.

данные каждой гипотезы не в фонемной, а в слоговой форме:

1-я гипотеза 2-я гипотеза

$\partial_1 a$	∂e
$\partial_2 a$	∂a
$\partial_3 a$	∂o

Нетрудно видеть, что здесь мы имеем дело с разновидностью той же самой ситуации, которая была описана выше (см. табл. 1). Имеется три типа слогов с общим слоговым просодическим признаком ларингальности: один нейтральный — ∂a или $\partial_2 a$, один дизный — ∂e или $\partial_1 a$, один бемольный — ∂o или $\partial_3 a$. Фонематически каждый может быть расчленен двумя способами. Здесь, как и в славянской ситуации, любое из двух решений теоретически возможно. Но перевес одному из них дают соображения о характере слогов протоиндоевропейского. Будем исходить из того, что индоевропейский — аккомодирующий язык²². Если это был аккомодирующий язык с тенденцией к закрытым слогам, нужно предпочесть первое решение. Если в этом языке преобладала тенденция к открытым слогам, то следует предпочесть второе решение. Обратимся теперь к проблеме структуры слога в индоевропейском.

Основной и прочно установленной категорией реконструкции индоевропейского является корень (соответственно основа и аффикс) — единица морфологическая. Слог исследовался в плане реконструкции несравненно меньше. Можно указать лишь несколько работ последних десятилетий, в которых эта проблема специально рассматривалась²³. Как ни скудны наличные материалы, они, однако, позволяют с несомненностью заключить, что слоговая структура индоевропейского слова на разных стадиях индоевропейского периода (пра-, прото-, общепиндоевропейский) менялась. Структура же корня для всего этого периода является, по самому определению корня, постоянной величиной. Центром всей проблемы оказывается, таким образом, вопрос об отношении структуры корня к структуре слога.

Можно указать две точки зрения на эти противоречивые отношения между корнем и слогом. Рассмотрим первую из них. На последовательных этапах индоевропейского происходит изменение состава слова в сторону его расширения (нефлективное слово; далее флективное слово с основой, равной корню; затем флективное слово с основой, усложненной аффиксами и т. д.). Количество слогов в основе увеличивается, и это приводит к некоторому сдвигу структуры слога, но центральная часть слова — корень сохраняет стабильную слоговую структуру, она лишь как бы «уплотняется», включая в себя в силу переразложения элементы, отходящие к ней от аффиксов. Наиболее последовательно эта точка зрения развита К. Боргстромом в указанной работе (1954). Отсюда следует вывод, что можно однозначно реконструировать слоговую структуру корня точно так же, как однозначно реконструируется (за известными исключениями) корень как морфологическая единица. Реконструкция К. Боргстрема такова: на ранней стадии протоиндоевропейского те элементы, которые для более поздних стадий выделяются как корни и первичные основы (корни с детерминативами), были односложными словами; в последующем добавление мор-

²² См.: В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков [Тезисы докладов Научной сессии]», М., 1964, стр. 80—82.

²³ К. A m m e r, Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur, «Die Sprache», II, 2, 1952; W. P. L e h m a n n, Proto-Indo-European phonology, Austin (Texas), 1952; С. Н. J. B o r g s t r ö m, Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms, «Words», X, 2—3, 1954; В. В. М а р т ы н о в, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968; вопрос также затрагивался в ряде известных работ Е. Куриловича.

фем в некоторых случаях приводило к созданию многосложных слов. Корни и первичные основы имеют слоговую структуру *CVCC* или *CCVC* (возможно, *CCVCC*); при увеличении количества слогов появились структуры *CVCVCV...*²⁴. Из реконструкции К. Боргстрема следует, что протоиндоевропейский на ранней стадии был языком с закрытыми слогами, на более поздней стадии — языком с тенденцией к открытым слогам, но в результате — поскольку, по К. Боргстрему, состав корня и его слоговая структура одинаково стабильны и соотносятся в общем однозначно, — существуют два основных типа корней соответственно с двумя основными типами слоговых структур.

Эта точка зрения, во многом существенно новая, тем не менее покоится на той же основе, что и взгляды А. Мейе. Корень был для Мейе однозначной величиной по самому определению (это утверждение справедливо и теперь), но слог Мейе мыслил как универсальную единицу. Он писал: «Гласная принадлежит целиком к тому слогу, центр которого она составляет; наоборот, согласная часто делится между двумя слогами, которые она ограничивает. Некоторые языки не допускают иной формы слогов, кроме простейшего типа, где каждая гласная отделена от другой только одной согласной. В индоевропейском — не то. Здесь согласный элемент может быть сложным...»²⁵. Таким образом, в сущности, по Мейе, вообще могут быть слоги только одного типа — закрытые (хотя бы закрывание и ограничивалось лишь начальной фазой — имплозией следующего согласного), разница же между языками может заключаться лишь в том, сколько согласных и какие именно помещаются между гласными, т. е. слогоделение сводится к морфологии. Эта точка зрения в настоящее время не может быть принята. На этой основе у А. Мейе устанавливаются в общем однозначные отношения между корнем и его слоговой структурой. Точка зрения К. Боргстрема отличается главным образом тем, что разным видам корней ставятся в соответствие разные для каждого вида типы слогов. Но отношение между корнем и слогами у К. Боргстрема остается постоянным. Увеличение числа типов объясняется при этом тенденцией к увеличению числа слогов в слове.

Вторая точка зрения, которую мы здесь формулируем в соответствии с нашими предпосылками, в одной части диаметрально противоположна первой. Корень по-прежнему принимается как неизменная морфологическая единица, но слоговая структура индоевропейского слова в целом, а следовательно, и корня, мыслится как постоянно изменяющаяся. Эта точка зрения имеет следующие основания. Во-первых, мы исходим из того, что слогоделение, будучи антропоцентрической категорией, тем не менее не является универсально единообразным. Слогодделение в разных языках может осуществляться по-разному даже при сопоставимых структурах речевых щелей. Ср. русское *а-ктер* (по Р. И. Аванесову) и франц. *ac-teur* (по М. Граммону). Во-вторых, мы исходим из того, что количество слогов в индоевропейском слове остается (статистически) постоянным²⁶. Последнее должно рассматриваться как одно из фундаментальных положений индоевропейских реконструкций. Отсюда может быть сделан единственный вывод. Существует объективное противоречие между двумя группами факторов. Одной группой факторов является постоянство корня как морфологической величины и статистическое постоянство корня как величины, исчисляемой в количестве слогов. Другой группой факторов, находящейся в противоречии с первой, является изменчивость типов

²⁴ С. Н. J. B o r g s t r ö m, указ. соч., стр. 278—279, 282.

²⁵ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 150.

²⁶ См.: С. Г. Чебанов, О подчинении речевых укладов «индоевропейской» группы закону Пуассона, «Доклады Академии наук СССР», 55, 2, 1947.

слогов и типов слогоделения. Это противоречие разрешается непрерывным перераспределением слоговых границ в пределах слова, а следовательно, и корня. Разумеется, в лингвистическом смысле эту непрерывность следует мыслить как явление дискретное, допускающее рассмотрение по этапам.

Так, оба упомянутых фонемных решения соответствуют, по-видимому, двум различным хронологическим этапам реконструкции. Первая гипотеза (тройной ряд ларингалных при одном гласном) скорее всего отвечает древнейшему этапу протоиндоевропейского²⁷. Вторая гипотеза (упрощение рядов ларингалных и увеличение количества гласных) отвечает более позднему этапу. Упрощение тройного ряда гуттуральных (палатализованный — средний — лабиовеляризованный) с утратой либо палатализованного, либо лабиовеляризованного члена может рассматриваться как завершение этого этапа.

В соответствии с общим принципом реконструкции — единством «пространство — время», согласно которому различия в разное время на одной территории тождественны различиям в одно время на разных территориях²⁸, можно предположить, что каждое из двух названных решений соответствует двум различным диалектным ареалам индоевропейского, в одном из которых преобладала тенденция к открытым слогам.

²⁷ Мы, следовательно, в этом отношении, хотя и на других основаниях, присоединяемся к точке зрения К. Аммера. Такую же реконструкцию, но по иным основаниям, принимал и Л. Ельмслев («Accent, intonation, quantité», стр. 43—57).

²⁸ Четкую формулировку этого принципа можно найти, например, в кн.: «Вопросы теории лингвистической географии», под ред. Р. И. Аванесова, М., 1962, стр. 11.

В. Е. ШЕВЯКОВА

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема актуального членения предложений различных коммуникативных типов представляет значительный теоретический и практический интерес, ибо это вопрос о том, какими грамматическими и интонационно-просодическими средствами осуществляется в том или ином языке выражение смыслового центра предложения — ремы.

Структура актуального членения повествовательного предложения в известной мере уже изучена. Проблема же актуального членения различных типов вопросительного предложения еще ждет своего окончательного решения. Это тем более важно, что вопрос и ответ являются одной из наиболее распространенных форм речевого общения, в них с максимальной полнотой проявляется коммуникативная функция языка. В этой связи нельзя не согласиться с мнением О. Вайнбергера, что «познание собственно логического характера вопросов создает основу для всякого иного изучения..., в том числе лингвистического»¹. Ведь структура мысли-вопроса (логическая категория), как будет далее показано, в значительной мере обуславливает синтаксические и интонационно-просодические особенности вопросительного предложения (грамматическая категория) и, в частности, способы выражения вопросительного значения и ремы. В этом свете весьма своевременной представляется статья Я. Фирбаса «Функции вопроса в процессе коммуникации»², показавшая, что проблема вопроса и актуального членения вопросительного предложения, в котором выражается вопрос, является актуальной и важной³, но что некоторые аспекты этой проблемы до сих пор не нашли еще правильного освещения.

Актуальное членение повествовательного предложения отражает субъектно-предикатную структуру суждения⁴. По-видимому, соответствующая аналогия существует и между актуальным членением вопросительного предложения и логической структурой выражаемого в нем вопроса.

Всякий вопрос как истинный, так и риторический, выраженный как местоименным, так и неместоименным вопросительным предложением, употребленный первично (инициативно) или же реитеративно (различного

¹ О. We i n b e r g e r, Logica. Učebnice pro právnicku, Praha, 1959, стр. 193, 194.

² Я. Ф и р б а с, Функции вопроса в процессе коммуникации, ВЯ, 1972, 2.

³ Проблемой структуры мысли-вопроса и актуального членения вопросительного предложения ученые интересуются давно. Р. Блюмфельд, О. Есперсен, С. И. Бернштейн, В. З. Панфилов занимались в числе других и этой проблемой и фактически заложили основу для ее решения. Рассматривалась эта проблема и в интонационно-синтаксических диссертациях. См.: В. Е. Шевякова, Интонация вопросительных предложений в современном английском языке. КД., М., 1954; В. М. П и н а е в а, Интонация вопросительных предложений во французском языке. КД., М., 1954.

⁴ См.: Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, М., 1937, стр. 117; В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, М., 1963, стр. 37; е г о ж е, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 160; М. М. Г у х м а н, Позиции подлежащего в языках разных типов, «Члены предложения в языках разных типов», Л., 1972, стр. 20.

рода «зависимые» вопросы — повторный вопрос, переспрос, вопросительное восклицание) направлен на выявление одного из членов ожидаемого ответа-суждения. При постановке вопроса говорящий должен указать предмет мысли-речи, то, относительно чего он нечто спрашивает, т. е. указать субъект предполагаемого ответного суждения. Не известным спрашивающему и следовательно не раскрытым в вопросе может быть либо предикат⁵ (тогда имеем неопределенно-предикатный вопрос), либо характер связи (утвердительный или отрицательный) между субъектом и предикатом (тогда имеем неопределенно-связочный вопрос⁶). Вопрос — это задача «с одним неизвестным». Когда не известен предикат, в вопросе указывается субъект и связь. Когда не известна связь, нужно указать субъект и предикат. Например, в неопределенно-предикатном вопросе *Куда он пошел?* дается субъект ожидаемого ответа-суждения *он пошел* и утвердительная связь, указывающая, что то, что мыслится в нераскрытом вопросительном предикате⁷ *куда*, присуще предмету мысли *он пошел* (т. е. признак принадлежит предмету мысли-речи). В ответе требуется указать предикат суждения⁸, значение которого представляется спрашивающему лишь в самых общих чертах (поэтому С. И. Бернштейн называет его абстрактно-предикатным вопросом), только как мысль о направлении (*куда?*), о месте (*где?*), о лице (*кто?*), о предмете (*что?*), о причине (*почему?*) и т. д. Такой вопросительный предикат выражается в предложении через местоименное вопросительное слово (вопросительное местоимение или наречие местоименного характера), играющее роль икса (не случайно О. Есперсен, а вслед за ним А. Гимсон, называют этот вопрос икс-вопросом — X-question), который следует раскрыть, наполнить конкретным лексическим содержанием. Например: *В институт (Домой, В театр* и т. д.). Теоретически количество возможных ответов на неопределенно-предикатный вопрос неограничено. Ср.: «Кто это говорит?» — «Товарищ Кузьма» (А. Толстой); «Who owns this place?» — «An actor» (J. Brain); «Wo sind die Mittele?» — «Im Baden» (Joachim Kunz); «Où est-elle?» — «Au salon» (J. Broussan).

В неопределенно-связочном вопросе *Он пошел в институт?* указывается конкретное лексическое значение субъекта (например, *он пошел*) и предиката⁹ (например, *в институт*)¹⁰ ожидаемого ответа-суждения,

⁵ См.: R. Blühm e l, Die Haupttypen der heutigen neuhochdeutschen Wortstellung im Hauptsatz, Strassburg, 1914, стр. 33; П. В. Таванец, Суждение и предложение, ИАН. Серия истории и философии, 1951, 2, стр. 159.

⁶ Неопределенно-связочный вопрос является в то же время определенно-предикатным (или конкретно-предикатным, по С. И. Бернштейну). Но предпочтение отдается первому наименованию, поскольку оно отражает то, что в данном вопросе спрашивается, что в нем не известно, т. е. отражает коммуникативную направленность данного типа вопроса.

⁷ Термин «вопросительный предикат» предложен С. И. Бернштейном. В. В. Виноградов соответственно пользуется термином «имплицитный предикат». См.: В. В. Виноградов, «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 84.

⁸ В. З. Панфилов справедливо определяет этот вопрос как вопрос о том, как вообще характеризуется предмет мысли. См.: В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 120.

⁹ Поэтому С. И. Бернштейн называет его конкретно-предикатным вопросом. В этой связи вызывает недоумение утверждение Ю. В. Ванникова, что «конкретно-предикатному вопросу соответствует грамматическая форма местоименного вопросительного предложения, а абстрактно-предикатному вопросу — форма простого вопросительного предложения» (Ю. В. Ванников, Классификация вопросительных предложений, «Тезисы докладов научной конференции Саратовского педагогического института за 1956 г.», IV, Саратов, 1957, стр. 147).

¹⁰ В этом типе вопроса носителями вопросительного субъекта и вопросительного предиката могут быть любые члены предложения. Например, вопросительный субъект *он в институт* при вопросительном предикате *пошел* (*Он пошел в институт?*) или же

а спрашивается о характере связи между ними: утвердительная она или отрицательная. В ответе требуется указать, присуще (да) или не присуще (нет) субъекту мысли *он пошел* то, что мыслится в предикате *в институт*¹¹ (иными словами, указать, принадлежит ли признак *в институт* предмету мысли *он пошел*). Поэтому неопределенно-связочный вопрос требует утвердительного или отрицательного ответа: *Да (в институт)* или *Нет (не в институт)*. Ср.: «А вы его знаете?» — «Да. Знаю». (И. Тургенев); «Does anyone second this?» — «Yes» (J. Galsworthy); «Brachte Nadja auch Geld?» — «Ja» (Arnold Zweig); «C'est ici monsieur Jules Dubois?» — «C'est ici» (Elie Bassam).

Если в ответ на неопределенно-связочный вопрос следует не утверждение или отрицание, а предикат суждения, лексическое значение которого отличается от значения вопросительного предиката, то в этом случае ответ дается не только на поставленный неопределенно-связочный вопрос («да» или «нет» представлены имплицитно), но и на предвосхищаемый отвечающим неопределенно-предикатный вопрос, который мог бы последовать, хотя и не был высказан спрашивающим. Например: «А вы давно с почтой ездите?» — «Одиннадцать лет» (А. Чехов); «Свои то у тебя есть на войне?» — «Жених» (А. Толстой); «Did you lend him money?» — «Only a fiver» (J. Galsworthy); «Are there fighters behind?» — «Gliders» (J. Aldridge) «Votre mère travaille?» — «Dans une usine de munitions» (R. Rolland).

Различие в логической структуре неопределенно-предикатного и неопределенно-связочного вопросов обуславливает различия в их языковой форме выражения (которая реализуется соответственно местом и м е н н ы м и н е м е с т о и м е н н ы м вопросительным предложением), т. е. в способах выражения вопросительного значения и в способах выделения смыслового центра вопроса — вопросительного предиката (ремы). Так, неопределенно-предикатный характер вопроса, выраженного в местом и м е н н о м вопросительном предложении, обуславливает наличие в последнем местоименного вопросительного слова (*кто, что, почему, когда, как* и т. д., англ. *who, what, when, where, why, how* и т. д., нем. *wer, was, wann, wo, wohin, warum* и т. д., франц. *qui, que, quand, où, comment, pourquoi* и т. д.). Местоименное вопросительное слово является лексико-грамматическим средством выражения вопросительного значения и выделения вопросительного предиката (ремы). Его наличие частично элиминирует интонационное выражение вопросительности и полностью устраняет необходимость в интонационном выражении ремы (здесь мы имеем дело с классическим случаем взаимодействия и взаимной компенсации средств выражения, описанным А. М. Пешковским и известным в языкознании как принцип замены¹²). Поэтому интонация местоименного вопросительного предложения не имеет ярко выраженных черт вопросительности и, как правило, приближается к интонации повествования. Это проявляется в нисходящем мелодическом завершении¹³ и

вопросительный субъект *пошел в институт* при вопросительном предикате *он* (*Он пошел в институт?*).

¹¹ В. З. Панфилов справедливо определяет этот тип вопроса как вопрос о том, характеризуется ли данным признаком предмет мысли. См.: В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 120.

¹² См.: А. М. П е ш к о в с к и й, Интонация и грамматика, ИОРЯС, I, 2, 1928, стр. 463.

¹³ С восходящим мелодическим завершением местоименное вопросительное предложение произносится, когда оно употреблено в функции переспроса (*Что вы сказали?*, *What did you say?*, *Was haben Sie gesagt?*), вопросительного восклицания (*Where does he live?* — *Where does he live?! Why, here, of-course*), при перечислении и серийности вопросов (*Где он живет? В Москве. — А где вы живете? — В Киеве? Где вы жи-*

отсутствия в немаркированном вопросе ярко выраженной мелодической вершины вопросительности¹⁴ (небольшая вершина имеется на вопросительном слове). Однако полностью роль интонации в выражении вопросительности не элиминируется. Только благодаря интонации можно, например, отличить местоименное вопросительное предложение от восклицания идентичного лексико-грамматического состава. Ср. предложения: *Что вы сделали?* и *Что вы сделали!*, *Какой цвет?* и *Какой цвет!*, *What have you done?* и *What have you done!*, *What colour?* и *What colour!*

Что касается выражения р е м ы, то ее лексико-грамматический показатель (местоименное вопросительное слово) полностью берет верх над интонационным способом выделения. Поэтому, как показало экспериментальное исследование, наиболее сильным фразовым ударением в местоименном вопросительном предложении обычно выделяется не вопросительное слово (рема), которое может быть даже средне- и слабоударным, а один из элементов группы субъекта (темы)¹⁵. Таким образом, интонационно выделяется не то, что спрашивается¹⁶, а то, относительно чего задается вопрос. При этом интонационным центром может быть любой член предложения, но в немаркированном вопросе это обычно последнее знаменательное слово — чаще сказуемое, иногда подлежащее. Ср.: *Куда вы идете?*, *Где Иван?*, *How did it happen?*, *Where is Tom?*, *Wohin sind Sie gekommen?*, *Wer ist Frau Röder?*, *Que veut Pierre?* Следовательно, в местоименном вопросительном предложении, как правило, имеет место насовпадение смыслового и интонационного центра¹⁷. Однако тот факт, что вопросительное слово носит характер ремы, подтверждается тем, что какой бы член местоименного вопросительного предложения ни выделялся наиболее сильным фразовым ударением, ответ на выражаемый им неопределенно-предикатный вопрос всегда будет ответом к вопросительному слову. Ср.: *Где он живет?* — *В Москве*; *Где он живет?* — *В Москве*; *Где он живет?* — *В Москве*.

То же самое справедливо в отношении английского, немецкого и французского языков. Ср. неизменность ответа при последовательном перемещении интонационного центра в следующих предложениях: *Where does he live?* — *In Moscow*; *Wo lebt er?* — *In Moskau*; *Où habite-t-il?* — *À Moscou*.

Обусловленное ситуацией или контекстом перемещение интонационного центра с одного члена предложения на другой (это бывает в так называемом зависимом вопросе при контрастном противопоставлении члена предложения данного вопроса какому-либо члену предложения в преды-

вете? — *В Москве*. — *А где вы работаете?* — *В институте*; *'Where do you 'live? — In Moscow.* — *And 'where does he live? — In Kiev*; *'Where do you 'live? — In Moscow.* — *And 'where do you work? — At the institute*.

¹⁴ См.: В. Е. Шевякова, указ. соч.; Л. А. Графова, Интонация специального вопроса в американском варианте английского произношения в сопоставлении с вариантом британским. КД., М., 1971.

¹⁵ См.: В. Е. Шевякова, указ. соч.

¹⁶ Поэтому наиболее сильное фразовое ударение в местоименном вопросительном предложении нецелесообразно называть логическим, ибо термин «логическое ударение» подразумевает ударение на логическом предикате (реме).

¹⁷ Интонационным центром вопросительное слово бывает в отдельных частных случаях (обычно это зависимые — реитеративные вопросы): при переспросе (*Что вы сказали?*, *What did you say?*, *Was haben Sie gesagt?*), когда вопрос употреблен в ответ на утверждение собеседника с просьбой уточнить или дополнить сказанное (Tag particular questions, по Р. Кингдону) [*Начинается подготовка.* — *«Какая подготовка?»* (К. Паустовский), *«How is the general?»* — *«Which general?»* (Gr, Greene)], при противопоставлении (*Я не спрашиваю вас, почему вы идете. Куда вы идете?*, *I am not asking why you are going. Where are you going?*), а также когда далее следуют строгие безударные слова (*Who is he?*, *Wer ist er?*, *Qui est-il?*).

дущем высказывании) не превращает последний в рему. Смещение интонационного центра указывает лишь на то, что сменился состав субъекта (темы), т. е. сменилось *тó*, относительно чего спрашивается. Ср.: *Где она живет? — В Москве. — А где он живет? — В Ленинграде.* Во втором вопросе, — *А где он живет?* — сменился один из элементов темы — вместо *она живет* темой стала мысль *он живет*. Отсюда смещение интонационного центра с *живет* на *он*.

Полученные нами данные о структуре актуального членения местоименного вопросительного предложения подтверждают точку зрения В. Матезиуса¹⁸ и вносят уточнение в концепцию Ф. Данеша и Я. Фирбаса.

Ф. Данеш признает, что местоименное вопросительное слово является носителем ремы, но не абсолютно однозначным¹⁹. А Фирбас, упуская из вида действие принципа замены А. М. Пешковского, устраняющего необходимость в интонационном выражении ремы из-за наличия местоименного вопросительного слова, вообще отрицает рематичность вопросительного слова на том основании, что оно, как правило, не является главноударным (ремой Фирбас считает вопросительное слово только тогда, когда оно является интонационным центром, как например, при переспросе). Но, понимая, что носителем темы вопросительное слово быть не может, Фирбас причисляет его к «переходным элементам»²⁰.

В неместоименном вопросительном предложении носителем вопросительного предиката (ремы) может быть любое слово или группа слов. Конкретно-предикатный характер выражаемого в нем неопределенно-связочного вопроса обуславливает отсутствие такого важного и комплексного лексико-грамматического показателя вопросительности и ремы, каким является местоименное вопросительное слово. Вопросительные же частицы (лексическое средство) и порядок слов (позиционное — грамматическое средство) не являются абсолютно релевантными и имеют существенное значение лишь в письменной речи. В устной же речи ведущая роль в выражении вопросительного значения и ремы неместоименного вопросительного предложения принадлежит интонационно-просодическим средствам. Так, в русском языке для выражения вопросительного значения в неместоименном вопросительном предложении используются вопросительные слова и частицы, например: *разве, ли*. Ср.: «Не больна ли ты, Маша?» (А. Пушкин). Однако наличие вопросительной частицы не элиминирует необходимость в интонационном выражении вопросительности. В ударном гласном слова-носителя ремы (здесь *больна*) осуществляется резкое повышение тона, выражающее вопрос, которое продолжается и в слоге (слове) *ли*²¹.

Аналогичное положение (но при другом характере вопросительной интонации) имеет место в английских, немецких и французских неместоименных вопросительных предложениях. Наличие вспомогательного глагола *do* (англ.), частицы *ob* (нем.), оборота *est-ce que* (франц.) не устраняет необходимости в интонационном выражении вопросительного значения, которое в этих языках, как правило, характеризуется восходящим мелодическим завершением. В английском языке, например, неместоименное вопросительное предложение, содержащее *do* и произнесенное с нисходящим мелодическим завершением, свойственным повествовательному пред-

¹⁸ V. M a t h e s i u s, Základní funkce pořádku slov v češtině, SaS, 1941, 7.

¹⁹ F. D a n e š, Intonace otázky, «Naše řeč», 1949, стр. 33

²⁰ См.: Я. Ф и р б а с, указ. соч., стр. 58.

²¹ См.: В. А. Ф е д о с е в а, Интонация ответа в современном русском языке. КД., М., 1951.

ложению, воспринимается как утверждение, выражающее сомнение²², равнозначное по смыслу отрицательному суждению. Так, предложение «But did he forget his rubbers?» (M. Twain), произнесенное с нисходящим терминальным тоном, означает «I don't believe he forgot his rubbers».

Не является однозначным показателем вопроса и глагольная инверсия. Русскому неместоименному вопросительному предложению свойствен как обратный, так и прямой порядок слов. Ср.: «Почта готова?» (А. Чехов), «Готова почта?» (А. Чехов), «Концы привязали?» (А. Толстой) «Интересная у вас работа?» (А. Толстой). При этом для того, чтобы предложение было понято как вопросительное, необходимо, чтобы в ударном слого слова-носителя ремы имело место повышение тона до верхней границы диапазона. В английском, немецком и французском языках для неместоименного вопросительного предложения типична глагольная инверсия. Однако в устной речи и в этих языках решающая роль в выражении вопросительности принадлежит не порядку слов, а интонации. Например, в английском языке, несмотря на наличие глагольной инверсии, предложения, произнесенные не с восходящим, а с нисходящим мелодическим завершением, воспринимаются не как вопрос, а как утверждение, выражающее сомнение. Ср.: «If you are right I agree, but are you right?» (J. Galsworthy). Кроме того, например, в английском языке глагольная инверсия имеет место только в одной разновидности неместоименного вопросительного предложения, выражающей неопределенно-связочный вопрос нейтрального вида (*Are you ready?*)²³, т. е. вопрос, не содержащий предположения относительно того, который из двух возможных ответов наиболее вероятен («да» и «нет» представляются спрашивающему равновероятными). Неместоименное же вопросительное предложение, выражающее неопределенно-связочный вопрос предположительного вида (*You are ready?*) (задавая такой вопрос, спрашивающий предполагает, что более вероятен утвердительный ответ²⁴), имеет прямой порядок слов. Например: «Have you been up there?» — «Yes». — «You heard the news?» — «Yes» (Gr. Greene). Ср. также примеры вопросительных предложений с прямым порядком слов, выражающих неопределенно-связочный вопрос предположительного вида в немецком и французском языках: «Haben Sie nichts herausgelesen?» — «Ja». — «Sie haben meine Verse gelesen, Herminne?» — «O, nein» (Arnold Zweig); «Avez-vous la mère?» — «Oui». — «Votre mère travaille?» — «Oui» (R. Rolland).

Прямой порядок слов присущ и третьему виду неопределенно-связочного вопроса — удостоверительному (*So then you are ready?*). Удостоверительный вопрос выражает весьма высокую степень предположения относительно ответа, ибо он используется спрашивающим с целью удостовериться в правильности своего суждения, вывода, сделанного им на основании данных, выявленных в ходе беседы. Например:

²² См.: Г. П. Торсуев, Фонетика английского языка, М., 1950, стр. 214, 215.

²³ Термины «нейтральный», «предположительный» и «удостоверительный» вопросы (см. ниже) и определение последних как трех соотносительных категорий, трех разновидностей неопределенно-связочного («общего») — по терминологии, принятой в отечественной англистике вслед за Суитом и Пальмером) вопроса, различающихся степенью предположения относительно возможности получения подтверждающего ответа, а соответственно — и языковой формой выражения (порядком слов и интонацией) — были даны в 1954 г. в указанной диссертации автора (В. Е. Шевякова, Интонация вопросительных предложений..., стр. 60—72). См. также: В. Е. Шевякова, Функциональная направленность неместоименного вопросительного предложения с прямым порядком слов, «Ин. яз. в шк.» 1973, 2.

²⁴ Утвердительным (подтверждающим) ответом может быть не только утвердительное суждение или «да». Если вопрос имеет отрицательно-вопросительную форму, то утвердительным ответом будет отрицательное суждение или «нет». Ср.: «Where is Mr. Pickwick? He is not ill?» — «No, he is not ill» (Ch. Dickens).

(студент, приехавший в Девонширскую деревню, вступает в беседу с местной девушкой) — «Are you a Devonshire, girl?» — «No». — «What then?» — «From Wales». — «So it is not your farm?» — «My aunt's» (J. Galsworthy).

Вопросительное восклицание²⁵, повторяющее синтаксическую структуру утвердительной реплики собеседника, но произнесенной говорящим с оттенком удивления, недоверия или порицания, также имеет прямое словорасположение. Ср.; «I really came to see you», «You came to see me?» — «Yes» (Gr. Greene).

Таким образом, в неместоименном вопросительном предложении интонация и одна, без глагольной инверсии, может выражать вопросительность, а при наличии инверсии и вопросительных частиц она остается решающим фактором выражения вопросительного значения.

В выражении ремы известную роль играют выделительно-ограничительные слова и частицы [*только, лишь, именно, действительно, даже, кроме* (русск.), *notably, only, merely, just, still, really, even, solely* (англ.), *nur, wirklich* (нем.), *précisément, justement, notamment, seulement, uniquement, réellement, excepté* (франц.)]²⁶. Примеры: «Has only Jon come?» (J. Galsworthy), «So hab ich wirklich dich verloren?» (H. Paul), «Je connais seulement vous ici?» (Martin du Gard).

Что касается позиционного способа выражения ремы, то, например, в русском повествовательном предложении, особенно в письменной речи, выделение ремы обычно осуществляется помещением выделенных членов в фразоконечное положение (ср. *Докладчик пришел* и *Пришел докладчик*). В вопросительном предложении местоположение слова, по-видимому, значения не имеет: ср.: «Почта готова?» (А. Чехов) и «Готова почта?» (А. Чехов); «Случилось что-нибудь?» (А. Чехов) и «Что-нибудь случилось?» (К. Паустовский). Носитель ремы независимо от положения в предложении, в первой паре — *готова*, во второй паре — *случилось*. Об этом свидетельствует не только контекст, но и логическое ударение²⁷ — интонационный центр с резким повышением тона до верхней границы диапазона локализуется в ударном гласном указанных глаголов. Ср. также среднее положение ремы: «Лошадь пришла из Царского?» — «Пришла» (Л. Толстой). Более однозначным позиционным средством выражения ремы в русском языке является препозиция к частице *ли*²⁸. Ср.: *Не больна ли Маша?*, *Не Маша ли больна?*

²⁵ Термин «вопросительное восклицание» и его определение были даны Г. П. Торсуевым. См.: Г. П. Торсуев, указ. соч., стр. 216, 241.

²⁶ О ремовыделительных суффиксах и других средствах предикативного выделения в вопросительных предложениях нивхского, чукотского, юкагирского, абхазского и других агглютинативных языках, а также в русском языке см.: В. З. Панфилов, указ. соч.

²⁷ Ввиду отсутствия единой интерпретации термина «логическое ударение» («предикатное» — по С. И. Бернштейну, «рематическое» — по Я. Фирбасу, «тоническое» — по А. Халлидею, «фразовое» — по В. А. Васильеву, Е. А. Брызгуновой) необходимо дать его определение. Логическое ударение — это разновидность фразового ударения, которое воспринимается на слух как наиболее сильное в данной фразе. При этом акустический эффект главноударности слова (слога), выделенного логическим ударением и воспринимаемого как интонационный и смысловой центр, обусловлен не столько динамическим компонентом интонации, сколько особым переломом в движении голосового тона: в главноударном слоге («ядерном» — по А. Гимсону) реализуется терминальный восходящий или нисходящий тон («кинетический» — по Р. Кингдону), сообщающий предложению интонационную и смысловую законченность и определяющий его коммуникативный тип. (О соотношении динамического и мелодического компонентов фразового ударения см.: Г. П. Торсуев, Вопросы акцентологии современного английского языка, М. — Л., 1960, стр. 13, 17, 18, 19; Е. А. Абдальина, Интонационные средства выражения ремы в простом повествовательном предложении в современном английском языке. КД., М., 1973).

²⁸ См.: В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, М., 1935, стр. 412.

Согласно Я. Фирбасу, в немецком и чешском неместоименном вопросительном предложении носителем ремы всегда является вынесенный вперед глагол-сказуемое²⁹, например: *Fährst du heute abend mit Peter nach Prag?* Но это, по-видимому, больше справедливо для письменной речи. В устной речи в зависимости от ситуации носителем ремы может быть любой из членов приведенного предложения, выделенный логическим ударением. В этой связи справедливым представляется утверждение Ф. Данеша, что в неместоименном вопросе глагол выражает рему лишь тогда, когда он является интонационным центром³⁰. И действительно, любое неместоименное вопросительное предложение может выражать вопрос не только к глаголу-сказуемому (такой вопрос С. И. Бернштейн называет равновесным, Т. Наварро — общим³¹), но и к второстепенному члену предложения (такой вопрос С. И. Бернштейн называет неравновесным, Т. Наварро — частным). Примеры равновесных (общих) вопросов: «Простишь ли ты меня когда-нибудь?» «Да». (А. Толстой); «Ты меня видела?» — «Да» (И. Тургенев). «Have you seen him?» — «No» (J. Galsworthy). Примеры неравновесных (частных) вопросов: «Вы хорошо ко мне относитесь?» — «Хорошо» (А. Толстой); «Так это вы в восемнадцатом году охраняли дворец?» — «Я, милый» (К. Паустовский). «Did they feed you so badly?» — «Badly!» (J. Galsworthy).

Не служит простая инверсия выделению ремы вопроса и в английском языке. Тем более, что инвертированным в нем оказывается не смысловой, а только десемантизированный вспомогательный или связочный глагол, а подлежащее, смысловая часть сказуемого и другие члены предложения сохраняют прямой порядок слов. Целям выделения ремы в английском, немецком и французском языках служит несколько грамматических конструкций с своеобразной инверсионной структурой. Это оборот *it is... that* (англ.), *c'est... qui* (франц.), *es ist... daß* (нем.), с помощью которого выделяется любой член предложения, кроме сказуемого; оборот с вводным *there* (англ.), *il y a* (франц.), *es gibt* (нем.), с помощью которого выделяется подлежащее. Кроме того, показателем ремы может служить предельное дополнение с *by* (англ.), *von* (нем.), *par* (франц.), обозначающее производителя действия в пассивной конструкции. Указанные способы выражения ремы, описанные для повествовательного предложения³², справедливы и для предложений вопросительных. Например: «Was it June who kept you away?» (J. Galsworthy); «War es Mendeleev der das Periodensystem als erste aufstellte?»; «Est-ce à lui qu'elle pense?» (R. Roland); «Is there a train tonight?» (S. Maughan); «Gibt es dort eine Spiegel?» (A. Zweig); «Il y a tant de monde ici?» — «Oui» (J. Laffite); «Was radio invented by Popov?»; «Wurde das Radio von Popov erfunden?»; «La radio a-t-elle été inventée par Popov?»

Таким образом, в английском, немецком и французском неместоименном вопросительном предложении позиционный способ выделения ремы ограничен несколькими синтаксическими конструкциями. В устной же речи основным и самым универсальным способом выделения ремы, по крайней мере в русском, английском и немецком языках, является не порядок слов, а логическое ударение. В этой связи нельзя не согласиться

²⁹ Я. Фирбас, указ. соч., стр. 56.

³⁰ Ф. Данеш, *Intonace otázky*, стр. 81, 82.

³¹ Т. Наварро, *Manual d'intonacion española*, Madrid, 1944.

³² См.: Б. А. Ильиш, Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке, сб. «Вопросы германского языкознания», М., 1961, стр. 197, 198; В. З. Панфилов, Взаимотношение языка и мышления, стр. 136; В. Е. Шевякова, Учет логических категорий при переводе с английского языка на русский, сб. «Особенности языка научной литературы», М., 1965.

с положением В. З. Панфилова, что «именно логическое ударение, а не порядок слов является основным средством выделения логического предиката выражаемой в предложении мысли»³³. Это положение В. З. Панфилов справедливо относит к повествовательному и неместоименному вопросительному предложению. Тезис же Я. Фирбаса о том, что «взаимное соответствие (совпадение) собственно ремы и интонационного центра — это общее свойство как замкнутых (неместоименных. — В. Ш.), так и местоименных вопросов»³⁴, нуждается в уточнении, ибо он справедлив только в отношении вопросов неместоименных («замкнутых», по Фирбасу). К местоименным же предложениям он отнесен быть не может.

Если в местоименном вопросительном предложении ответ на выражаемый им неопределенно-предикатный вопрос всегда является ответом к вопросительному слову, то ответ на неместоименное вопросительное предложение дается к тому члену предложения, который выделяется логическим ударением и является интонационным центром³⁵. Ср. *Он живет в Москве?* — *Да, в Москве. Нет, не в Москве; Он живет в Москве?* — *Да, живет. Нет, не живет; Он живет в Москве?* — *Да, он. Нет, не он.*

Следует оговорить, что, хотя в неместоименном вопросительном предложении логическое ударение совпадает с ремой (по крайней мере в русском, английском и немецком языках), проявляется это не во всех языках одинаково; в одних языках совпадение выражено более полно, в других менее последовательно. В русском языке, например, имеет место полное совпадение интонационного центра и ремы. Примерно такое же положение наблюдается и в немецком языке³⁶.

В английском языке интонационным центром тоже может выступать любой член неместоименного вопросительного предложения, являющийся носителем ремы. Например, Р. Кингдон приводит предложение *Haven't you received any letters?* в пяти вариантах с последовательным выделением логическим ударением каждого члена предложения³⁷. Однако особой оговорки требует тот случай, когда в английском языке при сказуемом носителе ремы имеется прямое дополнение, выраженное существительным. В этом случае интонационным центром является не рема-сказуемое, как, например, в русском языке (ср.: *Вы видели Джона?*), а тема-дополнение³⁸ (ср.: *Have you seen John?*), как если бы именно дополнение было бы носителем ремы. В английском языке имеются две омонимичные формы неместоименного вопросительного предложения с логическим ударением на существительном-дополнении (*Have you seen John?*): одна форма — с ремой-дополнением, соответствующая русскому *Вы видели Джона?* (в этом вопросе спрашивается, кого видел собеседник: Джона или кого-нибудь другого, например, Питера), другая — с ремой-сказуемым, соответствующая русскому *Вы видели Джона?* (в этом вопросе спрашивается, видел собеседник Джона или же не видел). При перемещении в английском предложении логического ударения с дополнения на сказуемое (*Have you seen John?*) предложение приобретает оттенок смысла, несколько отличный от значения соответствующего русского предложения с логическим ударением на сказуемом (*видели*). В этом случае в английском языке под сомнение ставится не сам факт совершения одного определенного действия (как, например,

³³ В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 133.

³⁴ Я. Фирбас, указ. соч., стр. 65.

³⁵ В. А. Федосеева, указ. соч.

³⁶ См.: В. С. Любопытнова, Интонация вопросительных предложений в современном немецком языке. КД., М., 1953.

³⁷ R. Kingdon, The groundwork of English intonation, London, 1959, стр. 38, 39.

³⁸ См.: В. Е. Шевякова, Интонация вопросительных предложений..., стр. 122; V. A. Vassiljev, English phonetics, M., 1970, стр. 319.

видел или не видел собеседник Джона), а х а р а к т е р действия (факт же совершения действия принимается как нечто само собой разумеющееся). Так, в нашем примере с логическим ударением на сказуемом *seen* спрашивается о том, каким образом удалось собеседнику установить с Джоном связь: видел ли он его лично, или, например, говорил по телефону или получил от него записку и т. д. (сам же факт установления контактов сомнению не подвергается, как, например, в альтернативном вопросе: *Have you seen John or have you phoned him?*). Равным образом приво-димое Р. Кингдоном предложение *Haven't you received any letters?* с логическим ударением на сказуемом *received* имеет следующий подтекст: *Вы только всё письма писали, а сами-то вы их разве не получали?*

Итак, проведенный анализ показал, что логическая структура того или иного типа мысли-вопроса обуславливает грамматические и интонационно-просодические способы выражения вопросительности и ремы, причем в этом отношении в русском, английском, немецком и французском языках черты сходства³⁹ преобладают над различием. Это, по-видимому, обусловлено общечеловеческим характером мышления и, в частности, — логической структуры неопределенно-предикатного и неопределенно-связочного вопросов.

³⁹ Имеется в виду сходство и наличие общих закономерностей в способах выражения вопросительного значения и ремы, но отнюдь не в акцентно-мелодическом рисунке интонации всего предложения. Интонационный контур вопросительных предложений (особенно неместоименных) в каждом из указанных языков имеет свои отличительные особенности. О различиях в акцентно-мелодическом контуре английских и русских вопросительных предложений см.: В. Е. Ш е в я к о в а, Интонация вопросительных предложений в современном английском языке. Об интонационных контурах во французских и немецких вопросительных предложениях см. соответственно: В. М. П и н а е в а, указ. соч., В. С. Л ю б о п ы т н о в а, указ. соч.

Е. Н. МАМСУРОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА
ВО ФРАНЦИИ В СВЕТЕ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ И СТАТИСТИКИ

Зона распространения каталанского языка является спорной в лингвистическом отношении. До сегодняшнего дня не решен вопрос о принадлежности каталанского к группе галло-романских или иберо-романских языков. Решению этого вопроса посвятили свои исследования такие крупные ученые, как П. Фуше, В. Мейер-Любке, Ф. Моль, Х. Куэн, А. Бадиа Маргарит, Г. Рольфс, А. Товар, А. Гриера, А. Льорак и мн. др.

Каталанский ареал вытянут узкой полосой вдоль Средиземного моря и расположен по обе стороны Восточных Пиренеев, захватывая как испанскую, так и французскую территорию. Не удивительно поэтому, что рассматриваемая зона отличается большим разнообразием языковых явлений, сложным диалектным дроблением и своеобразием влияния административных границ на междиалектные контакты. Особый интерес для лингвиста представляет территория французского департамента Восточные Пиренеи и прилегающих к нему областей, ярко отражающая пограничные и переходные явления в каталанских диалектах. Эта территория всесторонне исследована и картографирована А. Гите. Результаты исследования представлены замечательным по тщательности и широте охвата языковых явлений и пунктов обследования лингвистическим атласом Восточных Пиренеев¹. Атлас прекрасно отражает весьма развитую и характерную для каталанского языка систему вокализма, которая, по мнению многих крупных исследователей (Ф. Молль, А. Льорак), лежит в основе первичного диалектного дробления каталанского языка. Целью нашей статьи является: 1) изучение, прежде всего, системы вокализма в каталанских диалектах и на этой основе междиалектных контактов, возникающих в районе нашего обследования; 2) исследование влияния административных границ на эти контакты.

В основном изучению подверглись лангедокские и каталанские диалекты, расположенные вдоль северной административной границы департамента Восточные Пиренеи, и каталанские диалекты вдоль южной и западной границ департамента (Франко-испанская государственная граница и государственная граница с Андоррой). Исследование проводилось путем непосредственного анализа карт атласа ALPO лингвогеографическими методами (изоглоссированием), а также путем статистической обработки некоторых ареалов для выявления или уточнения переходных зон и получения определенных количественных оценок диалектного дробления в пограничных зонах. Мы подвергли сплошному обследованию первые сто карт атласа с точки зрения отражения в них фонетических явлений; таким образом, изоглоссирование охватило практически все гласные франко-каталанской зоны: *u, o, e, i, a* и *ə* во всех позициях в слове

¹ См.: H. Guiter, Atlas linguistique des Pyrénées Orientales, Paris, 1966 (далее — ALPO).

в ударном и безударном положении, а также гласные *й* и *ö*, характерные для лангедокских говоров.

Для восточнокаталанских диалектов, являющихся основными на рассматриваемой территории, характерна система вокализма, близкая к апа-логичной системе разговорного западнолатинского. Следует отметить, что весь каталанский ареал делится на западную и восточную группу диалектов, причем последняя является наиболее архаичной в лингвистическом отношении ². Большая часть департамента Восточные Пиренеи, исследуемого нами, принадлежит к группе восточных диалектов, имеющих много общих черт с балеарским, сохраняющим на сегодняшний день самые древние лингвистические формы, в том числе фонетические и фонологические, например, оригинальную фонему /ə/, возникновение и развитие которой прослеживает А. Льорак в своей статье «Структура каталанского вокализма» ³.

Исследования показывают, что местные наречия имеют более простую систему вокализма, заметно отличающуюся от стандартной каталанской системы. Изоглоссирование обнаруживает на территории департамента Восточные Пиренеи слабое различие между открытыми и закрытыми изменяемыми *o* и *e* в противоположность центральному каталанскому диалекту на территории Испании. Стандартные каталанские *e* и *e* сливаются в среднее *e*. Звук *o* имеет также своего двойника в среднем *o*, в то время как *o* сливается с *u*. Эти гласные могут иметь, в соответствии с окружением, более закрытые или более открытые рефлексy. В случае безударных *e* и *a* региональные формы совпадают с центральным диалектом, где эти звуки сливаются в нейтральное *e*. Шесть гласных восточнокаталанского (*a, e, i, o, u, ə*) лабиализуются на территории лангедокских говоров. Влияние административной границы между департаментом Од, где они господствуют, и департаментом Восточные Пиренеи, где распространены восточнокаталанские диалекты, отчетливо проявляется в виде мощного пучка изоглосс, в основном совпадающего с административной границей департамента. Незначительные отклонения отдельных изоглосс в одну или другую сторону от административной границы несущественны и не несут сколько-нибудь серьезной информации. Установленные факты подтверждаются также исследованиями Голсоя ⁴.

С другой стороны, несмотря на давнюю государственную границу между Испанией и Францией на юге департамента, мы не имеем здесь четко выраженного пучка изоглосс и соответствующих диалектных различий. Отдельные изоглоссы, идущие, как правило, вблизи государственной границы, имеют большие отклонения от нее и почти никогда не совпадают с нею полностью, а их количество невелико.

Изложенное еще раз свидетельствует о большой сложности и зависимости языковых явлений от различных экстралингвистических факторов. Так, если опираться на данные К. Хааг ⁵, полученные на основе изучения немецких диалектов, то следует ожидать, что даже административная (не государственная) граница должна заметно влиять на межди-

² Заметим, что определение архаичности является лишь частной оценкой при сравнении соседних групп диалектов и не претендует на строгость в связи с известной сложностью самого понятия архаичности языка. Ср.: Р. А. Будагов, Понятие архаичности языка в романской лингвистике, «Philologica. Исследования по языку и литературе», Л., 1973.

³ A. Llorach, La constitución del vocalismo catalán, сб. «Studia philológica», Madrid, 1960.

⁴ T. Gulsöy, Atlas linguistique des Pyrénées Orientales, «Romance phonology», XXII, 2, November, 1968.

⁵ К. Хааг, О границах диалектов, сб. «Немецкая диалектография», М., 1955.

лектные контакты уже через 30 лет после ее установления. Между тем в исследуемом случае государственная граница, несмотря на свой более чем 300-летний период существования и наличие естественной границы в виде Пиренеев, не оказала существенного влияния на междиалектные контакты и на характер фонетических различий между франко-каталанским и испанско-каталанским ареалом. По-видимому, исторически сложившиеся тесные религиозные, политические и экономические отношения между Руссильоном и Французской Серданью, с одной стороны, и каталанскими землями — с другой, привели к тому, что по обе стороны Пиренеев жители говорят на одном и том же языке. Серьезным фактором следует считать также импортирование каталанского беженцами с Иберийского полуострова, спасавшимися от преследования арабов.

Двигаясь на север от Жероны к франко-испанской границе, мы обнаруживаем, что звуки ϵ и ϱ становятся все более закрытыми, так что различие между ними и их закрытыми вариантами становится уже отчетливо фонологическим. В Андорре и западных районах департамента Восточные Пиренеи большое влияние на фонетические явления оказывает западно-каталанская система вокализма: здесь аналогичные явления проявляют себя еще более четко. Можно сделать общий вывод о том, что нейтрализация двух изменяющихся гласных o и e не является общей даже в пределах границ департамента Восточные Пиренеи. Однако для окончательного суждения о характере нивелировки гласных необходимо привлечение дополнительных материалов. Исследование карт выявляет следующие фонетические черты, свойственные каталанскому на территории департамента Восточные Пиренеи: 1) вокалический сдвиг $\bar{o} > u$; 2) примыкание o к i перед n ; 3) редукцию дифтонга $ia > i$; 4) переход безударного $e > i$, особенно в контакте с палатальными; 5) редукцию $eu, oi > u$.

Сопоставление результатов изоглоссирования и анализ карт позволяет сделать выводы о том, что области Сердань, Валлеспир, Валь-де-Рив являются переходными зонами между каталанскими и франко-каталанскими диалектами, а область Капсир сочетает в себе особенности французско-каталанских и лангедокских говоров. Здесь опять обнаруживается совпадение с результатами, полученными Голсоем.

В восточных областях количество безударных гласных уменьшается за счет слияния $a = \epsilon = e$ и $\varrho = \varrho = u$. Основными фонемами, таким образом, являются $/a/$, $/u/$, $/i/$, $/e/$. Реализация латинского a в восточнокаталанском на сегодняшний день имеет палатальные и веллярные варианты в зависимости от фонетического окружения фонем. Подтверждается мнение ряда исследователей о целесообразности анализа синхронной лингвогеографической карты как проекции диахронического плана⁶. Реализация звука a прослеживается нами на 78 картах из первых 100 карт атласа ALPO. Для лангедокских говоров характерно наличие a в самых различных позициях, на территории Французской Каталонии в тех же лексемах и позициях ему, как правило, соответствует \bar{a} , характерный для всего восточнокаталанского ареала (карты 27, 29, 33, 38, 44, 47, 48, 54, 55, 58, 67, 69, 78, 83, 91 и др.). Аналогичные явления прослеживаются в Андорре и испанской области Уржелль, которые в отношении употребления звука a примыкают к Лангедоку (карты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10).

Как свидетельствует анализ и обработка лингвистических карт атласа ALPO, звук \bar{a} встречается на территории Андорры, Лангедока, Французской и Испанской Каталонии и остается здесь без изменений, образуя своеобразный нулевой ареал, не пересекаемый изоглоссами. Примеры:

⁶ В. Ф. Конова, Славянские лексико-семантические изоглоссы и типы изменений значений слов. АКД, М., 1973.

лангедокским формам *banges//bayžes ~ bažis//baygis* в Каталонии (карта 20, кроме того, 13, 15, 21, 26, 40, 71, 84, 97 и др.). Иную картину являет *a* безударное. В лангедокских говорах оно сохраняется, на территории Каталонии, ему, как правило, соответствует звук *ə*. Приведем несколько примеров: лангедокскому *a* в начальной позиции соответствует каталанское *ə*: *anəsen ~ ənəsen* (карты 22, 27, 29, 37, 52 и др.). Для лангедокского *a* в конечной позиции мы имеем ту же картину: *lena ~ lennə* (карты 55, 92 и др.); то же в начальном слоге: *sanbängen ~ sembəžin* (карта 21 и др.). Примерно такую же картину мы наблюдали для звука *e*. Как и *a*, ударное *e* имеет нулевой ареал (карты: 7, 9, 18, 19, 22, 23, 24, 30, 37, 59, 89); например: *irə//anirəy//ayrə//anirə*, т. е. каталанские и лангедокские диалекты и говоры Андорры совпадают по этому явлению. Лангедокскому *e* в безударной позиции часто соответствует на территории Каталонии *ə*, например, *alümen ~ əlyen* (карта 27, кроме того, карты 14, 28, 40, 44, 45, 47, 48, 54, 71, 77, 78, 89, 90, 100). Такое соответствие является наиболее частым, но возможны и другие, например, лангедокскому *e* в первом слоге от конца соответствует в Каталонии *i*: *banges ~ bazis* (карта 20, а также 21, 22, 57). Заметим, что развитие каталанского *e* из латинского *e* является одним из интереснейших фонетических и фонологических явлений. Серьезные исследования, посвященные объяснению этого явления, провели Фуше, Гриера, Куэн и другие. Характер распространения звука *i* на исследуемом ареале идентичен распространению *e*: *səsəbiə//səsəziə* (карта 45, а также 24, 34, 53, 55, 67, 83). Безударному каталанскому *i* на территории Лангедака соответствует *e*, например, *bažis ~ banges* (карты 21, 22, 57). В то же время распространенному в испанской Каталонии безударному *i* соответствует *e* во Французской Каталонии.

Звук *ø* в ударной позиции распространен по всему ареалу: *əzmølə//lemøle* (карты 12, 28, 33, 46, 49, 76, 80, 88, 93 и др.). В безударной позиции в конечном слоге мы имеем следующую картину. Лангедокскому *ø* соответствует каталанское *ə*: *agülo ~ əgylə* (карта 11, а также 7, 35, 38, 45, 46, 51, 69, 70, 86, 91, 92, 95). Лангедокскому конечному *ø* также соответствует каталанское *ə*: *porto ~ portə* (карта 35, а также 12, 39, 45, 46, 96, 97, 98, 99). Иногда франко-каталанскому *ø* соответствует испано-каталанское *u*: *əscømbərə ~ escømbre* (карта 68, 87) и, наоборот, испано-каталанской форме *dəgøst* соответствует франко-каталанская *dəgust*. Эти соответствия имеют место в районе государственной границы, но проходящие здесь изоглоссы почти никогда точно не совпадают с границей и друг с другом. Количество их невелико, а характер неустойчив, что свидетельствует о достаточно размытой лингвистической границе, не позволяющей судить об устойчивости анализируемых фонетических явлений.

Что касается *u*, то оно сохраняется в любом районе ареала в ударной и безударной позиции (карты 8, 9, 28, 34, 87, 98, 100). Имеют место следующие соответствия *u* в Каталонии и *ü* в Лангедоке: *əlymen ~ alümen* (карты 27, 66, 90); далее — *u* в Лангедоке ~ *ə* в Каталонии: *sun ~ ən* (карты 30, 64); каталанскому *ü* соответствует испанское *ø*: *bükə ~ bøkə* (карта 96).

Звуки *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, распространенные за пределами восточнокаталанского диалекта, имеют в безударной позиции свои соответствия на территории восточнокаталанского в качестве звука *ə*. Стало быть, есть все основания считать, что этот звук является наиболее характерным для восточнокаталанского вокализма и наиболее ярко окрашивает восточнокаталанские диалекты. Этот звук, как полагает Куэн, развился из вульгарнолатинского *e* и на востоке Каталонии превратился в среднеязычный закрытый звук. В период реконкисты имела место миграция этого звука в другие районы, в частности, на Балеарские острова. В дальнейшем он

развивался по-разному: в Альгере вернулся к закрытому состоянию (e), а на Балеарских островах и в Восточной Каталонии стал еще более открытым и в таком качестве существует и поныне. Что касается звуков *ö* и *ÿ*, охваченных атласом ALPO, то они на территории Каталонии, по данным атласа, не встречаются, но имеют свои соответствия в виде *o* или *u*. Звук *ö* встречается в Нарбонне и Перапертюзе, *ÿ* встречается в Пэи де Фуа, Пэи де Сот, Доннезани и Фенуайе. Густой пучок изоглоссы проходит по границе кантонов Фенуайе и Перапертюз перпендикулярно границе департамента, разделяя лангедокские *ö* и *ÿ*.

Несмотря на неоспоримые преимущества лингвогеографических методов обработки лингвистических карт в ряде случаев возникает ситуация, когда изоглоссирование исследуемой территории провести затруднительно или невозможно; кроме того, возникает потребность в объективных количественных оценках того или иного диалектного или языкового явления⁷. В этих случаях большую помощь могут оказать статистические методы обработки лингвистических карт, успешно развиваемые в последнее время (А. Гите, Ж. Сеги, К. Равье и др.). Эти методы позволяют установить процентное соотношение языковых различий, их относительную ценность, математическое ожидание и дисперсию основных языковых явлений и могут, в случае необходимости, сочетаться с лингвогеографическими методами.

Нами был предложен интегральный метод статистической обработки ареала в целом⁸, который обеспечивает построение замкнутых лингвостатистических границ. Этот метод был испробован на материале лингвистических карт атласа Восточных Пиренеев и показал хорошие результаты в плане выявления наиболее вероятных направлений роста числа репрезентаций языковых явлений и количественной оценки отклонений языковых компонентов от средних значений. Однако указанный метод не всегда позволяет оценить различия между отдельными пунктами или соседними ареалами, а также неудобен при количественных оценках влияния административных и других границ на междиалектные контакты.

В связи с этим был разработан метод дифференцированного подхода к анализируемой языковой территории. Метод особенно эффективен, если языковой ландшафт рассматриваемой территории предварительно подвергнется ареальной обработке и требуется количественно оценить характер диалектного дробления и влияние различных границ на диалектные контакты. Рассмотрим основные черты метода на примере статистической обработки карты 78 атласа ALPO для формы *bergers* «пастухи».

Основной интерес для нас представляет восточнокаталанская зона (Руссильон), поэтому выбираем зафиксированную здесь диалектную форму *pastres* в качестве базовой и определяем общее число фонетических различий на всем ареале по отношению к этой базовой форме. Базовое число различий оказывается равным девяти, при этом повторяющиеся различия не учитывались.

Однако при сравнении соседних диалектных форм важно учитывать конкретные пограничные различия, существующие между ними, поэтому общее число пограничных различий на ареале может быть значительно больше числа базовых различий.

Введем понятие пограничной характеристики, которую будем обозначать символом α и оценивать числом различий между соседними диалект-

⁷ Р. Г. Пиотровский, Лингвистические оценки расхождения близкородственных языков, ВЯ, 1973, 5, стр. 36—42.

⁸ Е. Н. Мамсурова, Статистические методы обработки лингвогеографических карт, сб. «Теория языка и инженерная лингвистика», Л., 1973.

ными формами, выраженным в процентах от базового числа различий (например, в нашем случае одно различие соответствует 11,1%). Статистическая обработка карты дает следующие значения характеристик: $\alpha_1 = 1$, $\alpha_2 = 2$, $\alpha_3 = 3$, $\alpha_4 = 4$.

На данном ареале обнаружено 50 пограничных различий для 24 случаев наблюдения (пограничных зон). Из них 14 случаев связано с диалектными формами, имеющими по одному различию (*pastos — pəstqs, pəstre — pəstres, pəstris — pəstri* и др.), три с формами, имеющими по два различия (*pəstqs — pəstqs, pəstris — pəstre, pəstre — pəstris*), пять пограничных зон имеют формы с тремя различиями (*pəstqs — pəstres, pəstris — pəstqs* и др.) и две зоны — с четырьмя различиями (*pəstri — pəstqs, pəstris — pəstqs*).

Диалектная или административная граница состоит в общем случае из отдельных участков пограничных зон или статистических изоглосс с разными значениями пограничных характеристик. Поэтому для количественной оценки границы целесообразно использовать средневзвешенную пограничную характеристику — $\bar{\alpha}_k$, которая определяется следующим обра-

$$\alpha_k = \frac{\sum_{i=1}^r \Delta l_{ki} \cdot \alpha_{ki}}{l_k \cdot B},$$

зом: где $k = 1, 2, \dots, p$ (p — число рассматриваемых границ); l_k — длина k -той границы; Δl_{ki} — длина i -того участка k -той границы; α_{ki} — пограничная характеристика для этого участка, B — базовое число различий на рассматриваемом ареале; r — общее число участков, из которых состоит граница.

Расчеты по вышеприведенной зависимости дают нам для северной границы департамента $\bar{\alpha}_1 = 0,116$ и для южной (франко-испанская государственная граница с участком государственной границы Андорры) — $\bar{\alpha}_2 = 0,040$, таким образом, $\bar{\alpha}_1/\bar{\alpha}_2 = 2,9$, т. е. северная граница по числу различий значительно превалирует над южной. Усредненные данные обработки по 100 картам ALPO дают ($\bar{\alpha}_1/\bar{\alpha}_2$) ср. ≈ 2 .

Для иллюстрации совместимости методов та же карта 78 ALPO была обработана методом изоглоссирования. На основе сопоставления карт, обработанных статистическим и лингвогеографическим методами, можно сделать вывод об эффективности совместного использования указанных методов для уточнения диалектных границ, определения характера диалектного дробления и количественной оценки влияния административных и других границ на междиалектные контакты.

Проведенный нами анализ позволяет отметить следующее:

1. Фонетические различия на рассматриваемой территории четко выражены: ударные гласные *a, o, u, e, i* сохраняются во всех позициях на всей территории распространения каталанского языка, в безударной позиции они редуцируются, либо переходят в другие звуки, причем наиболее характерной для франко-каталанского является фонема /ə/, не имеющая себе подобных за пределами восточнокаталанской зоны. Именно этот звук, чаще, чем любые другие, стремится заменить гласный, ослабленный в безударной позиции. Звуки *й* и *ö* господствуют на территории лангедокских диалектов, а на территории распространения каталанского языка практически не встречаются.

2. Мощный пучок изоглосс, в основном совпадающий с северной границей департамента Восточные Пиренеи, подтверждает несостоятельность мнения о том, что каталанский язык являет собой лишь вариант провансальского, а также указывает, что мы имеем дело не с диалектной границей, но с границей, разделяющей два самостоятельных языка.

3. Вместе с тем необходимо отметить широко развитые на рассматриваемой территории явления языковой интерференции и дивергенции, приводящие к возникновению островных ареалов, определяющих некоторые формы на территории Каталонии, совпадающие с лангедокскими диалектами, и формирующих поддиалекты и переходные зоны; при этом центром лингвистической иррадиации рассматриваемого ареала является область Руссильон и примыкающая к ней область Конфлент.

4. Статистические методы обработки лингвистических карт дают возможность количественных оценок характера диалектного дробления и установления иерархии некоторых языковых явлений, однако наиболее рационально их использование совместно с лингвогеографическими методами с целью уточнения характера диалектных границ и вариативности языковых явлений в сложных случаях.

5. Исследование системы каталанского вокализма на территории Франции лингвогеографическими и статистическими методами показывает, что франко-испанская государственная граница, несмотря на более чем 300-летний период своего существования, не оказала заметного влияния на формирование франко- и испано-каталанских языковых зон, поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что основные результаты, полученные на материале франко-каталанского диалекта, могут быть распространены на всю зону восточнокаталанских диалектов, а также вывод о том, что по системе вокализма каталанский язык тяготеет к зоне иберо-романских языков.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

Формирование диалектных систем происходит не только путем территориального варьирования языкового массива, но и посредством притягивания и интеграции других родственных языков и диалектов. В некоторых языках, например, узбекском, этот процесс почти закончен, и требуются усилия исследователей, чтобы установить происхождение отдельных диалектов из разных источников. В ряде же языков расширение диалектной системы за счет привлечения других языков еще не завершилось и происходит, можно сказать, на глазах. Порою возникает ситуация, при которой создается видимость притягивания других языков в орбиту диалектов данного языка, хотя в действительности ничего подобного нет.

Существуют две точки зрения на состав диалектов синьцзянско-уйгурского языка. Согласно первой, диалектная система уйгурского языка состоит из диалектов центральных районов и языка лобнорцев, населяющих восточную часть республики — район оз. Лобнор. В соответствии со второй точкой зрения, к названному диалектам добавляется еще язык сарыг югуров, живущих в провинции Ганьсу, и язык саларов, населяющих высокогорную местность в провинции Циньхай. Оба последних языка исследователи рассматривают неоднозначно, применяя разные определения: «близкие новоуйгурским диалектам»¹, «изолированные диалекты» в отличие от «собственных уйгурских диалектов»², «языки, независимые от уйгурского, но имеющие с ним ближайшие родственные связи»³, «так называемые ганьсуйские диалекты» уйгурского языка⁴.

Обилие определений и их разноречивость говорит о том, что чисто лингвистический, структурный критерий диалектного или языкового статуса саларского и сарыг-югурского явно недостаточен. Более строгий, корректный и, следовательно, точный ответ на вопрос, диалекты ли это уйгурского языка или самостоятельные языки, дает применение социологического критерия. В понятие последнего входит «наличие (или, наоборот, отсутствие) взаимопонимаемости, единого литературного языка, а также единого самосознания народности»⁵.

Что же представляют собой язык лобнорцев, сарыг югуров и саларов — самостоятельные это языки или диалекты уйгурского языка?

Для лобнорцев, живущих единой государственной и социально-экономической жизнью с уйгурами, языковое общение с ними возможно только на уйгурском языке: уйгуру непонятен лобнорский, в котором весьма развиты губная гармония гласных и ассимилятивные переходы согласных, имеются специфические грамматические черты.

В негубном ряду гласных действует, как правило, прогрессивная гармония: *аууз* «рот», *«janu* «новый». После губных гласных по закону про-

¹ J. B e n z i n g, K. H. M e n g e s, Classification of the Turkic languages, «Philologiae Turcicae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 6.

² O. P r i t s a k, Das Neuigurische, там же, стр. 528—530.

³ K. T h o m s e n, Die Sprache der Gelben Uiguren und das Salarische, там же, стр. 565—567.

⁴ Н. А. Б а с к а к о в, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969, стр. 312.

⁵ «Общее языкознание. Формы существования. Функции, история языка», М., 1970, стр. 452.

грессивной гармонии огубляются не только узкие (*i, y*), как в уйгурском языке, но и широкие (*a, ä/e*). В этом отношении лобнорский язык находит себе параллель в киргизском и алтайском языках. Правда, в киргизском гласный *a* после *u* огубляется факультативно, а в алтайском этот гласный не подвержен огублению совсем. В лобнорском, сближающемся в данном случае с киргизским, лабиальная гармония проявляется полнее и последовательнее, чем в других тюркских языках (кроме якутского): *boron* «ветер, буран», *örtöndökö* «находящийся на постоялом дворе», *jolučo* «на его дорогу», *qoldon* «из руки», *üngön* «выросший», *oçyotop* «пробудив». Регрессивная гармония гласных — характерная черта уйгурского языка — языку лобнорцев не свойственна и встречается только у лиц, владеющих уйгурским языком⁶.

Во многих случаях конечный согласный основы полностью или частично ассимилирует по закону прогрессивной ассимиляции начальный согласный аффикса — в форме мн. числа имен, в падежных словоформах, в производных прилагательных, глаголах, послелогах и т. д.: *qošıqqo* «стихи» (вин. п.), *gäppi* «речь» (вин. п.), *bizzi* «нас» (вин. п.), *attiq* «конный», *toptuq* «лобнорец», *sözzö-* «говорить». В результате в области начальных согласных формантов возможны чередования *l/d/t/z, p/n, n/ŋ, k/n, n/q, n/z*.

Регрессивная ассимиляция согласных действует как внутри слов, так и на стыке их: *jassam* (<*jazsam*) «если напишу», *mizayya* (<*mizanya*) «весу», *töj jaš* (<*tört jaš*) «четыре года», *bis qilip* (<*biz qilip*) «мы сделав». Регрессивная ассимиляция приводит к следующим чередованиям конечных согласных основы: *j/t, n/m, l/s, s/z, s/t, ŋ/n, ŋ/y*. По силе действия ассимиляции согласных (прогрессивной и регрессивной) лобнорский резко отличается от уйгурского и заметно выделяется среди тюркских языков.

Своеобразие лобнорского языка заметно и в морфологии. В отличие от уйгурского языка род. падеж здесь совпадает по форме с винительным (тем самым лобнорский сближается с карачаево-балкарским, кумыкским, а также с диалектами узбекского языка): *arçıtaqqı putı* «нога иноходца», *bizzidäk* «как мы». Особую форму имеет желательное наклонение: *qılalivis!* «сделаем-ка!» (уйг. *qılajli*), *jazalivis* «напишем-ка!» (уйг. *jazajli*). С. Е. Малов считал язык лобнорцев и самих лобнорцев близкими к киргизскому языку и киргизам⁷.

Четкого представления о том, что они образуют особую этническую группу, отличную от уйгуров, у лобнорцев не существует; термин *toptuq* «лобнорец» — такое же название по месту жительства, как и «кашгарец», «турфанец», «комулец» и т. д., распространенное у уйгуров.

Общим для всех групп населения, в том числе и для лобнорцев, является нормированный уйгурский литературный язык, который и нивелирует всю местную речь. Язык лобнорцев с его структурной спецификой оттеснен им на второй план. Хранителем его являются только люди старшего и «сверхстаршего» (от 90 лет и выше) поколения. Основная часть лобнорцев фактически двуязычна — владеют и родным и уйгурским языками. Вместе с тем появилось уже поколение, говорящее только по-уйгурски, но с включением лобнорских элементов. Таким образом, самостоятельный в прошлом язык лобнорцев находится теперь на пути превращения в диалект уйгурского языка.

Язык сарыг югуров-буддистов, живущих в провинции Ганьсу, непонятен уйгурам Синьцзяна: специфичные консонантизм, особенности имен-

⁶ Э. Р. Тен и шев, О диалектах уйгурского языка Синьцзяна, «Тюркологические исследования», М. — Л., 1963, стр. 147.

⁷ С. Е. Малов, Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь, Фрунзе, 1956, стр. 4—5; Э. Р. Тен и шев, Еще раз о происхождении лобнорцев, М., 1964, стр. 7—8.

ного и глагольного словоизменения, временная система образуют своего рода языковой «барьер» между сарыг югурами и уйгурами.

В середине имен и в конце глагольных основ в сарыг югурском языке встречается *z* (вместо уйгурского *j*): *azaq* «нога», *pezyk* «большой», *qoz-* «положить». Эта черта отделяет вполне определенно сарыг югурский от уйгурского, объединяя его с хакасским, шорским и чулымско-тюркским языками.

В консонантизме сарыг югурского языка наблюдается корреляция сильных (придыхательных) и слабых (непридыхательных) в группах смычных (*p — 'p', t — 't', k — 'k', q — 'q'*), щелевых (*š — 'š', s — 's'*) и аффрикат (*z — 'z', c — 'c', ʒ — 'ʒ'*), что совершенно чуждо уйгурскому, развившему корреляцию звонких и глухих. Ввиду неразличения звонких и глухих согласных после гласных и сонантов могут следовать глухие: *arata* «в середине», *hasarta* «в деревне», *jaɣanqa* «слоноу».

В зависимости от конечного звука основ начальные согласные формантов чередуются: *l/n/d/t* (в формах мн. числа, род. и вин. падежей, словообразования глаголов), например: *ulɣanpar* «дети», *qyzdy* «девушку», *tiste-* «кусать». Все эти явления уйгурскому языку не свойственны.

В системе сарыг югурского вокализма действие прогрессивной гармонии по небному и губному рядам весьма ослаблено, а регрессивная гармония, столь характерная для уйгурского языка, вовсе неизвестна.

Значительны различия между сарыг югурским и уйгурским и в морфологии. Сарыг югурский язык все еще хранит «островок старого тюркского счета» (от 11 до 29), не представленного уже ни в одном из современных тюркских языков и состоящего из «приближения» к следующему десятку: *ü'š o'tys* «23» (т. е. «три [к] тридцати»).

От парадигмы принадлежности сохранились только формы 2 и 3-го лиц ед. числа основ с конечной гласной и 3-го лица ед. числа основ с конечной согласной (форма 1-го лица ед. числа встречается только в фольклорных текстах). Подобная «эрозия» посессивной парадигмы — редкое исключение в тюркских языках.

Не менее редким исключением в системе тюркских языков является другая особенность сарыг югурского языка, касающаяся словоизменения глагола, — утрата формантов лица и числа. К тому же сарыг югурский язык обладает специфичными временными формами, не встречающимися в уйгурском языке и его диалектах:

<i>men maɣuppar</i>	«я иду (сейчас)»,
<i>men atɣantur</i>	«я беру (длительно)»,
<i>men jetqo</i>	«я сделаю (непрерывно)»,
<i>men ta'pɣur</i>	«я найду (категорически)»,
<i>men kelo'te</i>	«я приходил (давно)».

Приходилось наблюдать, как при встрече уйгур и сарыг югур переходили на китайский язык или обращались к переводчику. Самосознание сарыг югуров как этнического целого вполне определенно: родной народ выделяется ими и среди окружающих народов (китайцев, дунган, тибетцев), и по отношению к родственной части желтых уйгуров — монголоязычных шира югуров. Синьцзянских уйгуров и сарыг югуров не связывает единый литературный язык. Современным уйгурским литературным языком сарыг югуры никогда не пользовались, и не возникал даже вопрос об этом. В средние века, когда Восточный Туркестан населяли уйгур-буддисты, можно думать, что сарыг югуры в течение примерно трех веков (X—XII вв.) пользовались древнеуйгурским литературным языком. После монгольского завоевания в Восточном Туркестане постепенно меняются и этнос, и культура. С XV в. формируется новое население из западнотюрк-

ских племен с новоуйгурским языком и мусульманской культурой. У сарыг югуров древнеуйгурский литературный язык в религиозной сфере использовался до начала XVIII в., на смену ему пришел тибетский язык.

Ни чагатайский, ни новоуйгурский языки не имели распространения у сарыг югуров, и сарыг югурский язык никогда не подвергался нивелировке и сближению с уйгурским языком подобно тому, как это происходит с языком лобнорцев. Вследствие этого нет никаких оснований рассматривать язык сарыг югуров как диалект современного уйгурского языка: это совершенно самостоятельный язык.

Близость этнонимов — *уйгур* и *сарыг югур* (т. е. «желтый уйгур») — не может быть поводом для включения сарыг югурского языка в диалектную систему современного уйгурского языка. Как известно, этнический признак не всегда совпадает с языковым. Б. Я. Владимирцов, много занимавшийся идентификацией монгольских наречий и говоров, справедливо заметил: «Выяснение этнического состава данной группы в указанном случае, т. е. когда нет точных данных по языку, совершенно не может служить указанием для определения говора»⁸.

У саларов, обитающих в труднодоступной горной долине в восточной части Тибета и естественно отделенных от уйгуров, нет взаимопонимаемости в языковом плане с уйгурами Синьцзяна. Саларская речь непонятна уйгурам. Устное общение, разговор без языка-посредника между саларами и уйгурами невозможен. Это можно объяснить своеобразием саларского языка как в составе фонем, так и в парадигмах склонения и спряжения.

Для системы саларских согласных определяющей является основная корреляция по линии сильных (придыхательных) и слабых (непридыхательных) в группах смычных ($p - 'p^c$, $t - 't^c$, $k - 'k^c$, $q - 'q^c$), щелевых ($s - 's^c$) и аффрикат ($z - 'z^c$, $č - 'č^c$, $c - 'c^c$, $ž - 'ž^c$). Аналогичные оппозиции встречаются только в консонантизме сарыг югурского языка, что вызвано экстралингвистическими факторами, общими для обоих языков. Уйгурский язык оказался вне влияния этих факторов.

Несущественность оппозиции звонкие — глухие согласные привела к утрате различия между ними и сделала допустимыми необычные в тюркских языках сочетания согласных, как, например, звонкий — глухой, сонант — глухой: *paytigi* «находящийся в саду», *išinta* «внутри него», *selerten* «от вас». Подобные консонантные сочетания в изобилии можно найти в сарыг югурском, в диалектах башкирского языка и в памятниках рунической и древнеуйгурской письменности; уйгурский же язык не имеет сочетаний согласных такого типа.

Для саларского языка свойственна «эризация» финалей — факультативный *r/ř* придает слову оттенок ласкательности, уменьшительности или не влияет на семантику совсем, что для уйгурского языка нехарактерно: *purer* «волк» (уйг. *böri*), *a'tur* «конь» (уйг. *at*), *jaχšar/jaχšara* «хорошенький» (уйг. *jaxši*).

Прогрессивное действие гармонии гласных по небному и губному рядам, как и в сарыг югурском языке, имеет многочисленные отступления от общетюркского стандарта, а регрессивной гармонии гласных в отличие от уйгурского языка в саларском не существует.

В морфологическом плане различия между саларским и уйгурским языками также выражены вполне ощутимо. Парадигма принадлежности в саларском языке сохранилась лишь для ед. числа (рудименты посессивных форм мн. числа встречаются только в фольклорных текстах). В данном случае саларский язык имеет близкую параллель в сарыг югурском,

⁸ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 11.

резко отличаясь от уйгурского, который располагает полной притяжательной парадигмой.

Саларский язык имеет свою специфику и в падежном склонении: род. падеж имеет показатель *-ni(gi)*, дат. падеж — *-a/-e/-ä* (после основ на согласный, кроме *γ, g, χ, x, h*).

Как и сарыг югурский, саларский не имеет формантов лица и числа, а среди его временных форм, не совпадающих с уйгурскими, есть и такие, которых нет в сарыг югурском или же которые фонетически отличаются от соответствующих сарыг югурских:

<i>men vāpor</i>	«я иду (сейчас)»,
<i>men vaχgur</i>	«я посмотрю (непрерывно)»,
<i>men janšamiš</i>	«я сказал (говорят)»,
<i>men sora soral sor'ale!</i>	«спрошу-ка я!».

Салары вполне определенно осознают себя особой народностью со своей историей, культурой и языком. Из-за своей географической изолированности о современных уйгурах они не имеют представления. В религиозной и бытовой сферах у саларов много общего с дунганями, на почве чего между ними установились тесные контакты, что иногда порождает смешение салар с дунганями в некоторых не очень компетентных источниках и работах.

Салары не имеют национального литературного языка. Язык старых саларских книг — сплав старочагатайского с саларским — сильно отличается и от собственно чагатайского⁹, которым пользовались уйгуры, и тем более — от новоуйгурского литературного языка. К последнему салары не прибегали раньше, не пользуются им и теперь. Для этого не было и нет условий как исторических, так и социальных. Таким образом, не было и причин для нивелирования и сближения саларского с уйгурским, т. е. превращения саларского в один из диалектов уйгурского языка.

Итак, саларский и сарыг югурский в социологическом и лингвистическом отношениях представляют собою самостоятельные языки тюркской системы. Такой же статус для названных языков установил С. Е. Малов — первый исследователь-лингвист, побывавший у саларов и сарыг югуров. С полным основанием С. Е. Малов саларский язык отнес к кыпчакско-туркменской (средней) группе¹⁰, а язык сарыг югуров считал «исторической стадией киргизского языка», языком, который следует «выделить из общего компактного состава уйгурских языков»¹¹. Оба языка в классификации тюркских языков С. Е. Малова занимают положение самостоятельных языков¹², с чем согласны В. А. Богородицкий и Э. Н. Наджип¹³; А. Н. Кононовым сарыг югурский и саларский языки также включены в список самостоятельных языков¹⁴.

Таким образом, если считать саларский и сарыг югурский самостоятельными языками, то к уйгурскому следует отнести язык основного на-

⁹ Это объясняется еще и тем, что из Средней Азии салары выехали в конце XIV в., т. е. до рождения Алишера Навои — родоначальника среднеазиатско-тюркского литературного языка.

¹⁰ С. Е. Малов, Изучение живых турецких наречий Западного Китая, «Восточные записки», 1, Л., 1927, стр. 171.

¹¹ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, Алма-Ата, 1957, стр. 7.

¹² С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, ИАН ОЛЯ, 1952, 2, стр. 142. См. еще: Э. Р. Тенишев, Место саларского и сарыг югурского языков в системе тюркских языков, сб. «Исследования по уйгурскому языку», 2, Алма-Ата, 1970.

¹³ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., Казань, 1953, стр. 14; Э. Н. Наджип, Современный уйгурский язык, М., 1960, стр. 8—9.

¹⁴ А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 232—233.

селения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и уйгуров, проживающих в среднеазиатских республиках Советского Союза. Синьцзянско-уйгурский язык представляет собою совокупность литературной формы и суммы территориальных диалектов и говоров. Последние привлекают внимание исследователей уже более ста лет. В 60-х годах прошлого века Н. И. Ильминский высказал мысль о том, что на всей территории Синьцзяна «существует одно наречие, только, быть может, с небольшими разностями»¹⁵. Сначала это мнение нашло поддержку у крупнейшего знатока уйгурского языка С. Е. Малова, выделившего особо лишь лобнорский диалект¹⁶. Впоследствии С. Е. Малов уточнил свои выводы, полагая, что уйгурский язык «распадается на местные диалекты в той или иной мере со своей грамматикой и словарем, которые в дальнейшем могут дать начало образованию самостоятельных языков или языка, который подчинит себе другие»¹⁷.

В 1933 г. шведский уйгуровед Г. Ярринг дал собственную классификацию диалектов уйгурского языка Синьцзяна, основанную на морфологическом принципе — наличие (или отсутствие) модальной формы на *-миш*. В результате получилась бинарная классификация: группа говоров южного Синьцзяна (южные диалекты), имеющие форму на *-миш*, и группа говоров северного Синьцзяна (северные диалекты), не имеющие формы на *-миш*¹⁸.

В 1955—1957 гг. в Синьцзяне развернулась большая работа по обследованию диалектов уйгурского языка, в которой приняли участие и советские специалисты. В основу выделения диалектов были положены признаки, носящие системный характер: фонема /i/ с вариантами, особенности гармонии гласных и согласных, формы 1 и 3-го лиц будущего времени (фонетико-морфологический принцип классификации).

В результате получилась трехчленная система, уточняющая прежние классификации: 1) северо-западный, или центральный, диалект — основа современного литературного языка; 2) южный, или хотанский, диалект, архаизованный по своему характеру; 3) восточный, или лобнорский, диалект, обнаруживающий динамику перехода от языка к диалекту¹⁹.

Эта классификация была принята китайскими и уйгурскими специалистами и введена ими в оборот через соответствующие справочники и научные работы. Разумеется, возможны дальнейшие уточнения данной классификации в духе того, что сделал А. Т. Кайдаров. Путем отбора значительного количества дифференцирующих (частных) признаков им установлена следующая группировка уйгурских диалектов: 1) северо-восточная группа, 2) северная группа, 3) юго-западная группа, 4) юго-восточная группа, 5) восточная группа²⁰. Логическим завершением предпринятых исследований последних десятилетий явится применение в уйгурской диалектологии лингвогеографического метода.

Опыт выделения уйгурских диалектов свидетельствует о том, что при исследовании диалектного членения того или иного языка необходимо руководствоваться не одним только языковым, а синтезированным, социолого-лингвистическим принципом.

¹⁵ Н. И. И л ь м и н с к и й, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка с приложениями, Казань, 1862, стр. 43—48.

¹⁶ С. Е. М а л о в, Изучение живых турецких наречий Западного Китая, стр. 165, 170.

¹⁷ С. Е. М а л о в, Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь, М. — Л., 1954, стр. 6—7.

¹⁸ G. J a r r i n g, Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, Lund, 1933, стр. 2—4.

¹⁹ См. об этом: Э. Р. Т е н и ш е в, О диалектах уйгурского языка Синьцзяна.

²⁰ А. Т. К а й д а р о в, Развитие современного уйгурского литературного языка. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка, Алма-Ата, 1969, стр. 145—212.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. — Л., 1972. 274 стр.

Индоиранское языкознание находится на том этапе своего развития, когда некоторые положения и решения проблем требуют пересмотра или новой, более веской аргументации, а значит — новых, более глубоких исследований. К числу последних следует отнести рецензируемую работу Л. Г. Герценберга. Структура книги не отличается архитектурной стройностью и логической последовательностью, вместе с тем основные цели, которые автор ставил перед собой, очерчены довольно четко (см. «Введение», стр. 3—5). С одной стороны, различными средствами — обращением к лингвистической географии, реконструкцией элементов просторечной лексики, собранием формул сакрально-поэтического языка, восстановлением общего фонда корней и аффиксов — доказывалась большая близость иранских и индоарийских языков, требующая признания особого индоиранского праязыкового состояния, более позднего, чем общеиндоевропейское. Тем самым эффективно подтверждается та точка зрения, согласно которой еще в начале XIX в. авестийский язык рассматривался как «диалект санскрита»¹. С другой стороны, делается попытка дать в распоряжение исследователей-этимологов наборы элементов — корней и формантов, составлявших исходный инвентарь индоиранской речи.

Л. Г. Герценберг категорически возражает против попытки Э. А. Макаева опровергнуть положение о близком родстве иранских и индоарийских языков²; вместе с тем автор принимает и развивает дальше поддерживаемую Э. А. Макаевым теорию преформантов³ и, по-видимому, во многом согласен с его критикой ларин-

гальной теории⁴. Столь же двойственно отношение автора к идеям Э. Бенвениста: излагая и во многом уточняя картину праиндоевропейских реалий⁵, высоко оценивая теорию композитов Э. Бенвениста⁶, автор, как и многие современные индоевропейцы⁷, отказывается от его теории корня.

Проблеме единства индоиранских языков посвящена гл. I (стр. 6—54). Наряду с общими выводами, которые вполне убедительны (этимологически единое разговорное койне, сакральный наддиалект⁸ и ряд других обстоятельств призваны обезоружить гиперкритический подход к идее индоиранского единства), в данной главе выдвигается ряд новых положений и идей. Важен отказ от реконструкции индоиранского сатемного сибиланта и постулирование для праиндоиранского тех же палатальных заднеязычных (*k̂, *ĝ, *gĥ), что и в индоевропейском (стр. 10—12). Установления подобного факта можно было ожидать после того, как было показано, что сатемная ассибиляция характеризует лишь отдельные ветви языков⁹; однако полный отказ от

⁴ Э. А. Макаев, Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков, «Труды Института языкознания АН ГрузССР», 2, Тбилиси, 1957, стр. 55—71; его же, Структура слова..., стр. 136—151.

⁵ E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. I—II, Paris, 1969.

⁶ E. Benveniste, Fondements syntaxiques de la composition nominale, BSLP, 62, 1, 1968.

⁷ Э. А. Макаев, Структура слова..., стр. 151—181; O. Szemerényi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 90—94.

⁸ Ср.: А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970, стр. 11—27.

⁹ Б. В. Горнунг, Актуальные задачи индоеврейстики в свете современных задач общего языкознания, ИАН ОЛЯ, 1960, 5.

¹ J. Leyden, Asiatic researches, X, London, 1808.

² Э. А. Макаев, Проблема индоиранского языкового единства, ВЯ, 1971, 3.

³ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 33—35, 265—273.

кентумно-сатемной классификации вряд ли оправдан: тенденции развития не менее важны для языков, чем статические изоглоссы¹⁰. В связи с рассогласованием данной проблемы приводятся факты, выявляющие реликты третьего ряда гуттуральных в древнеиндийском (стр. 12—13); здесь автор следует концепции И. М. Тронского, подерживавшего реконструкцию трех рядов индоевропейских заднеязычных¹¹.

Л. Г. Герценберг, по всей видимости, следует методологическому принципу, согласно которому история отдельных звуков отлична от истории фонологической системы: он предполагает (стр. 3, примеч. 2), что для индоиранского в системе фонем всегда входили *e* и *o*, хотя для древнего этапа несомненен переход и.-е. *e*, *o* → индоиран. *a*; тем не менее *e* и *o* могут быть найдены в ряде сансхальных форм, в случаях выпадения и.-е. **s/z** и т. п.

В этой же главе на основе сопоставительного анализа ахуровской и дэвовской лексики Авесты при использовании новейших материалов (прежде всего хотано-сакских, а также новоиндийских по словарю Тэрнера¹²) реконструируется общеперсидское разговорное койне, в частности, его основные лексические группы: названия частей тела, животных, наиболее актуальные глаголы, бранные слова. Здесь же приводится ряд новых этимологий, заслуживающих особого рассмотрения. Автор отдает предпочтение полновесной, конкретной и принципиально проверяемой реконструкции, проводимой в рамках сравнительно-исторического метода, полагая, что порождающая фонология неэффективна, так как представляет внеисторическую, неполную и непроверяемую реконструкцию¹³.

В гл. II (стр. 55—76) на основании языковых данных восстанавливаются некоторые фрагменты индоевропейской «жизни», которой определялся и последующий индоиранский этап. Здесь вводится термин «протоглотофорной общности», обусловленный, вероятно, методологической осторожностью автора. Нам представляется, что этот термин удачнее двусмысленного термина «язы-

ковая общность» (объединение языков или объединение носителей языков?). Л. Г. Герценберг объясняет необходимость введения соответствующего нового понятия, обозначающего не объединение носителей языков и их свойств, а проекцию этих свойств, выявляемую лишь в пределах языковой реконструкции, подобно тому как археологическая культура или антропологический тип лишь в известной степени могут служить источниками для изучения реально доисторической этнической общности¹⁴.

Представляется, что выводы автора могли бы быть более содержательными, если бы он учел теорию агнатических классов А. Г. Перихания¹⁵. Интересная работа В. Лемана о профессиональных группах внутри третьего социального разряда лексики¹⁶, вероятно, не была доступна автору.

Этимологическая манера изложения и здесь дает себя знать: высказывается гипотеза о связи некоторых местоименных корней (например, **uis*) с обозначениями общественных групп (стр. 61—62), предлагается объяснение чередования **ali*/**ani* в известном индоевропейском местоимении (стр. 61, примеч. 10), модифицируются этимологии терминов родства, дается схема последних, в которой даже выделены реликты классификационной системы (стр. 67 и сл.).

В гл. III (стр. 77—127) после нескольких вводных экскурсов методологического порядка дается собрание формул индоиранского сакрально-поэтического языка, частью реально засвидетельствованных, частью реконструированных на основе предлажившихся рядом ученых сопоставлений.

В гл. IV (стр. 128—228) рассматриваются вопросы теории корня; приводится значительный статистический материал, касающийся начала и конца корня; дается список индоиранских корней. В этой главе также высказано немало новых положений. В связи со своей основной идеей — положением о разнообразии форм корней и разнообразии возможных членений — автор устанавливает корреляцию между известным принципом А. Мейе о звуковой структуре корня и так называемым законом Магнуссона¹⁷, за которым он видит древнее соответствие корня и слога. Здесь важно от-

¹⁰ См.: Вяч. Вс. Иванов, Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков, М., 1959, стр. 12—14; В. М. Жирмунский, Существовал ли «протогерманский» язык?, ВЯ, 1971, 3.

¹¹ И. М. Тронский, Общеперсидское языковое состояние, Л., 1967, стр. 24—36.

¹² R. L. Turner, A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages, London, 1962—1966.

¹³ А. С. Либман, Порождающая фонология: претензии и результаты, ВЯ, 1972, 6; В. Г. Адмони, Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании, ВЯ, 1971, 5.

¹⁴ См.: В. А. Виноградов, О реконструкции протоязыковых состояний, «Система и уровни языка», М., 1969.

¹⁵ А. Г. Перихания, Агнатические группы в древнем Иране, ВДИ, 1968, 3.

¹⁶ W. P. Lehmann, Linguistic structure as diacritic evidence on proto-culture, «Indo-European and Indo-Europeans», Philadelphia, 1970.

¹⁷ W. L. Magnusson, Complementary distributions among the root patterns of Proto-IE, «Linguistics», 34, 1967, стр. 17—25.

метить, что это вполне правдоподобное соответствие в сочетании с тезисом о возможности различного членения корня ведет к выводу о большой древности фонематического типа протоиндоевропейского.

В области исторической фонетики заслуживают внимания доказательства поликонсонантного анализа для индоевропейского (стр. 149). Попутно автор выявляет некоторые семантические закономерности, например, связь значений «мокрого», «облака» и *urina(re)* (стр. 152—153). Независимо от того, соглашались ли с автором или нет в данном конкретном случае, подобная разработка семантических законов — настоятельная необходимость как для индоевропейского и индоиранского в целом, так и для отдельных языковых ветвей и групп. Для глубокой реконструкции представляется перспективной подборка корней с антонимическим развитием значений (стр. 147)¹⁸.

В этой же главе содержится акцентологический этюд (стр. 160—174), в котором делается попытка объяснить возникновение акцентуации наложением морного ритма. Принципиально новым является установление апотонического этапа, предшествовавшего апофоническому и апотематическому, сущность которого заключалась в грамматическом и лексическом использовании чередования интонаций; на подобные же явления могло бы указывать и чередование *ei*, которое прослеживает автор (стр. 157—158). Важны методологические выводы Л. Г. Герценберга, указывающего на сложность в реконструкции корней и видящего в этом препятствие для бесконечной реконструкции вглубь (стр. 175—179).

Список корней (стр. 180—228), несомненно, вызовет разнообразную критику, что объясняется всей сложностью индоиранской этимологической проблематики. Автор вполне сознательно (стр. 180) отказывается от полноты (отсутствует, например, *PTa*); между тем, список корней мог быть пополнен за счет ресурсов самой книги (список формул, глава о корнях и т. п.).

В целом гл. IV справедливо предостерегает против чрезмерной схематизации в области теории индоевропейского корня. Приводимый список корней во многом уязвим и требует дальнейшего совершенствования; тем не менее как первый опыт такого рода он будет полезен исследователям, которые смогут либо опираться на него, либо от него отталкиваться.

В последней гл. V (стр. 229—268) рассматриваются вопросы аффиксации и словосложения. Здесь разрабатывается ряд теоретических положений, из которых основными представляются следующие. Тернарная организация слова, при которой именные аффиксы генетически родственны глагольным, указывает на необходимость ре-

конструкции системы грамматических классов для древнейшего состояния. Типы композитов не обязательно должны находиться в корреляции с типами предложений, а могут продолжать весьма древние типы словосложения, возрождающиеся независимо от синтаксиса, — здесь автор полемизирует с довольно распространенной точкой зрения, согласно которой сложные слова являются коррелятами типов предложения¹⁹. Делается попытка выявить основные («сублогические») типы отношений, соединяющих единицы языка. Указывается на важность реконструкции в области морфологических категорий, без чего фонетическая реконструкция неспособна привести к восстановлению праязыкового состояния. Здесь же приводятся 1) список суффиксов с разработкой их значений; 2) система префиксов; 3) классификация композитов, которая и ведет к выделению упомянутых «сублогических» типов отношений.

Рекомендуемые автором этимологии не всегда могут быть признаны окончательными, но в ряде случаев интересны и заслуживают внимания. Приведем некоторые.

И.-е. **es* «быть» — к **ues* «проживать, ночевать» (стр. 145).

И.-е. оконч. косв. пад. мн. ч. *-bhis* — к др.-инд. *bhis* «средство» (стр. 258).

Авест. *dav* «говорить» — к сарыкольск. *ḍaw* «говорить во сне», и.-ар. **dhamm* «шум» (стр. 21).

Авест. *driwika* «вой», *ḍriwi* «пятно» — к и.-ар. **dribba* «пятно» (семантическое развитие: «пятнистый» → «шакал» и т. п., стр. 35).

Авест. *spiš-* «вошь» — к др.-инд. *pināṣṭi* «толочь» (стр. 28).

Авест. *sraska-* «слеза» < **sra-srk-* — к лит. *šlėkti-* «брызгать» (стр. 47).

Авест. *xvaniraḍa-* < **xvan-ira-ḍa* «земля Солнца» — к др.-инд. *irina-* «пустырь» (стр. 51).

Ср.-перс. суфф. *-ist-* (*dān-ist* «знал») — к **stā-* «стоять» (стр. 234).

Тадж. *Хучанд* «Ходжент» < **xvar-kan-ḍā-* «город Солнца» (стр. 51).

Шугн. *Pomēr* «Памир» < **pāra-mārga-* «верхняя граница» — к др.-англ. *māre* «граница» (стр. 48).

Др.-греч. *ἀγδος* «горшок» < др.-иранск. **vaγdu-* «голова» (стр. 23).

Греч. *χαβίριον* «икра, кавиар» < **kapi-darna* «рыбы зерна» (стр. 52).

Картв. *ḍlaqu* «локоть» (с преформантом) заимствовано из индоевропейского — к лит. *uoletkis, kelėnas* и т. п. (стр. 142).

Обращая внимание на случайность и фрагментарность приводимого сравнительного лексического материала, позволим себе сделать ряд замечаний по отдельным

¹⁹ W. P. Lehmann, Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns. AL, XII, 1, Copenhagen, 1969.

¹⁸ Ср.: В. В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963.

утверждениям, этимологиям и сопоставлениям.

Значение «моль», приписываемое авест. *xrafstra*- и *spiš-* (стр. 28), неточно: *xrafstra* представляет собирательное название для всех вредных существ, насекомых, зверей, людей; *spiš-* в большинстве иранских языков означает «вошь».

Авест. *baēvar.pati*-означает не «тысячник», а «десятитысячник» (стр. 34).

Авест. *garəz-* «жаловаться» нельзя рассматривать как «дэвовский» термин; ср. Ясна 29.1: *gāuš urvā gərəždā* «жаловалась душа быка» (т. е. ахуровского существа).

Собственные имена некоторых осетинских эпических героев толкуются следующим образом: *Batradz* возводится к **Vārθ-rajā-*, *Todradz* — к **tāmstra-ja(n)*, *Satana* — к **švaita-tanvā-* (стр. 49—50). Поскольку при этом молчаливо игнорируются как данные исторической фонетики осетинского языка, так и реальный процесс формирования осетинского эпоса, достоверность этих этимологий минимальна.

Тадж. *oʻzan* «железо» (стр. 180) неотделимо от пехлевийского *āsīn* и несопоставимо с др.-иран. *ayah-*.

Перс. *ērmān* (стр. 184) означает не «руины», а «(незванный) гость».

Авест. *aurvant-* «конь» (стр. 182) имеет основное значение «быстрый» и должно быть отделено от др.-инд. *aruṣa-* «гнедой», авест. *auruša* «белый».

Др.-перс. *aṣuva-* «ужас» и осет. *appæ* «содержание» (стр. 182) не сопоставимы ни фонетически, ни семантически.

Осет. *iværzun* «обещать» (стр. 183) включает корень **bhergh-* «беречь; хранить» (нем. *bergen, Borg*) и к сакск. *balysa* «Будда» вряд ли имеет какое-либо отношение.

Сопоставление на стр. 183 тадж. *bel* «лопата» с осет. *byl* «отверстие» (точнее: «губа; край; берег») вызывает недоумение.

Авест. *baršaiti*, тадж. *бахшидан* «одевать» (стр. 184) предполагают корень ВНГ, а не ВНС.

Сак. *ālsata-* «серебро» совершенно необоснованно отделяется от общеперс. **arzata-* (стр. 52).

Для др.-инд. *pur* «город» вместо надежного сближения с греч. πῦλις предлагается сомнительное с греч. πύργος «башня» (стр. 89).

На стр. 185 следует объединить корни ВНУГ «спасать» и ВНУГ «освобождать».

Осет. *duy* «скачки» (стр. 185) имеет безупречную тюркскую этимологию, поэтому сопоставление с др.-инд. *daghnōti* «достигает» представляется по меньшей мере избыточным.

Осет. *dasyn* (стр. 186) означает не «есть», а «брить», перс. *durana* (стр. 187) — не «стрела», а «лук», осет. *ʒnyžyn* (стр. 189) — не «кусать», а «быть в состоянии брожения», осет. *ʒæzgun* (стр. 190) — не «жаловаться», а «стонать; болеть», осет. *awæz* — не «борона», а «борозда» (стр. 224), тадж. *гуро* — не «бык», а «вепрь; дикий кабан» (стр. 227).

Тадж. *гардиан* «крутить» восходит зако-

номерно к **wart-*, и.-е. **wert-*, а не GRTH (стр. 190).

Ормури *yund* «скрытый» приводится не под GUDH «покрывать», а под GNU «отрицать» (стр. 194).

Перс. *āgandan* «наполнять» может заключать только корень KAN, а не GHAN (стр. 194).

Корни GMBH «зуб; пасть» (стр. 189) и ĠMBH «открывать пасть» (стр. 192) следует рассматривать как варианты одного корня; осет. *ʒæmbyn* «зевать» относится к последнему и не требует особого прототипа ĠRMBH.

Согд. *yr'myū* «имущество» (стр. 194) и осет. *ʒeryom* «поша» (стр. 190) восходят оба к *grāma-*, и возводить их к разным корням, как это делает автор, нет необходимости.

Осет. *ʒæxs/æxsæ* означает не «дубинка» (стр. 194), а «шлет» и заключает корень AG (**ag-s-*) «гнать», а не IK.

Непонятно, почему авест. *kaēt-* «думать» и *čit-* «думать» (две ступени огласовки одного и того же корня) оказались в разных гнездах (стр. 196). Неясно также, почему тадж. *бахшидан* в значении «одевать» возводится к ВНС- (стр. 184), а в значении «прощать» — к KSD (стр. 198). Похоже на то, что автор видит здесь два разных глагола и второй из них делит *бахшид-ан* (а не *бахшидан*)!

На стр. 199 нет корня KSUDH «голод»; на стр. 202 авест. *datairō* дается как глагольная форма, следовало бы уточнить, какая. На этой же странице авест. *savahi-* «страна на востоке» и сакск. *svi* «завтра», авест. *sūrəm* «утром» без достаточных оснований оказываются в разных гнездах. То же самое следует сказать о названиях муравья (стр. 205 и 207), о др.-инд. *mivati* «двигать» (стр. 205 и 207), об осет. *ʒiʒyn* «трести» (не «швырять», стр. 224 и 225), об авест. *kaurva-* «облезлый» (стр. 200 и 204), среднеперс. *sargēn* (в тексте ошибочно *sargōn*) и новоперс. *sargīn* «навоз» (стр. 201 и 204), авест. *rāz-* «направлять» и осет. *arazyn* с тем же значением (стр. 214).

Осет. *syf* значит «лист», а не «корень» (стр. 203); осет. *mykkaq* значит «семя; род», а не «шлуг» (стр. 205).

Тадж. *молидан* «вытирать» правильно отнести к корню MRĠ (→ **mrz-* → *mrđ-* → *mal-*), а не MRD (стр. 206).

Авест. *ašmaoça-* «злоучитель» представляется, возможно, искаженное написание вместо **ahramauka-* (*ahra-* «злой», *mauk-* «учить») и не связано с др.-инд. *muhyati* «смущаться» (стр. 207).

Непонятно, какое отношение имеет др.-инд. *rava* «звук» к среднеперс. *rān* «бедро» (в *rānpān*) (стр. 215)?

Осет. *luzā* представляет мн. число от *lux* «отрезанный» и не имеет значения «разрушение» (стр. 216).

Афр. *ana* «бабка» (стр. 217) относится к «детским» словам широчайшего распространения и не требует особой индоиранской этимологии.

Из каких источников извлечены осет. *inž* «леопард» или *syrd* в значении «змея» (стр. 217)?

Можно было бы указать еще на ряд погрешностей. Есть досадные опечатки, например, на стр. 19 осет. *сарун* «жить» вместо *сарун*; на стр. 22 осет. *хвӕнун* «есть» вместо *хвӕрун*.

Разумеется, в любой работе могут быть ошибки и опечатки. Но на этот раз количество их превысило допустимую «норму» и ложится тенью на все исследование. Создается впечатление, что книга делалась в большой спешке и для тщательной проверки привлекаемого материала у автора не хватило времени.

Необходимо особо отметить семантическое неправдоподобие многих приводимых сопоставлений. В одно гнездо попадают, например, такие значения: «встречать» и «отросток» (стр. 183); «вор» и «рана» (стр. 189); «украшение», «получать» и «начало» (там же); «желать» и «уходить»

(стр. 190); «грабить» и «холостой» (стр. 191); «начинаться» и «сметливый» (стр. 192); «волос» и «лапа» (стр. 197); «навоз» и «гладкий» (стр. 201); «брызгать» и «сыр» (стр. 212); «наслаждаться» и «челюсть» (там же); «ездить верхом» и «угощать» (стр. 217); «круглый», «прямь» и «петь» (стр. 218); «вешать» и «закон» (стр. 219); «стремиться» и «селезенка» (там же). Верно, что в семантической области нередки неожиданные сдвиги. Но если этот тезис возвести в принцип, не утруждая себя обоснованием каждого отдельного семантического сопоставления, то возникает смертельная опасность для самого существования этимологии как науки, так как полностью размывается граница между этимологическим исследованием и произвольными манипуляциями.

Недостатком рецензируемой книги является отсутствие указателей, которые именно в такой работе настоятельно нужны.

В. И. Абаев, Р. Х. Доджудоев

C. Neweklowsky. Slowenische Akzentstudien. Akustische und linguistische Untersuchungen am Material slowenischer Mundarten aus Kärnten. — Wien Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 273 стр.

T. Magner, L. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian. — The Pennsylvania State University Press, 1974. 240 стр.

Обе рецензируемые книги посвящены одной основной задаче — проверить современными методами сущность тонального ударения в исследуемых языках, сербском и словенском. Эту задачу можно решать по-разному, а именно: можно выдвигать на первый план либо данные экспериментально-фонетические, либо данные восприятия, перцептивные. При этом, наряду с решением конкретных вопросов, возможна и фундаментальная постановка проблемы в целом, при которой исследователь решает, существуют ли в настоящее время функционально значимые противопоставления типов словесного ударения или это факт традиционной, уже устаревшей теории. В таких случаях существенно заранее принять решение о том, какие количественные данные, как перцептивные, так и акустические, показательны для решения вопроса о наличии или отсутствии в данном языке или говоре системных просодических оппозиций внутри слова. Принимаемая исходный тезис о существовании системы словесных акцентов в описываемом языковом материале, можно стараться дать полное, «фонетическое», описание всех способов реализации акцентных противопоставлений, а также описание иерархизованное, при котором один признак акцентного противопоставления объявляется ведущим, а другие считаются нерелевантными, избыточными, интегративными.

К последнему типу исследований относится экспериментальная работа Г. Невекловского, изучавшего виды реализации словесных акцентов в трех словенских диалектных группах. Материалом исследования служили записи жителей трех основных диалектных зон Каринтии: Юнталья, Розенталья (оба на юге Австрии на границе со Словенией) и Гайтальта (на юго-западе Австрии, на границе с Италией и Словенией). Информантам предлагались фразы на немецком языке с просьбой перевести их на словенский. Из изложения методики осталось неясным, каков был образовательный уровень и возраст информантов; известно только, что они носители двуязычия, но считают словенский язык своим родным языком, хотя знают его в различной степени (стр. 75). Внутри каждой диалектной зоны выбиралось место основного изучения и места повторных контрольных испытаний. Для получения электроакустических данных использовался сонограф; всего анализировалось 1600 сонограмм. Сегментный материал представляли речевые отрезки, произносимые при двух типах мелодики: законченного высказывания и мелодики незавершенности, прогрессивной. Именно прогрессивный тип был выбран в качестве типа восходящей мелодики потому, что в вопросительном предложении без вопросительного слова в словенском языке требуется вставка вопросительной частицы, что нарушает тож-

дество сегментного состава. Противопоставляемые по акценту слова располагались в разных частях отрезка: в начале, в средней части и в последнем завершающем такте, т. е. во фразово-ударной позиции. Отдельно рассматривались предложения, состоящие из одного слова. Словесный материал составляли двусложные и односложные слова.

Тип реализации словесных акцентов в словенском литературном языке в последние годы изучен экспериментально-фонетически довольно подробно, главным образом в фундаментальных исследованиях И. Топоришча¹. Г. Невекловский ссылается на эти работы, равно как и на специальные статьи о словенских диалектах. Однако на этом фоне удивляет отсутствие в тексте книги и в библиографии ссылки на большое исследование Б. Водушека о типах реализации музыкального ударения в словенских говорах (хотя основное внимание Б. Водушека направлено на центральные говоры самой Словении, им также детально анализируется гайльштадтский говор — в произношении лингвиста И. Графенауэра)².

В начале книги излагаются основные положения славянской акцентологии, в частности — эволюция взглядов на словенское словесное ударение. Непосредственный анализ типов словесных акцентов в каждом говоре предваряется в книге краткими сведениями о системах вокализма и о функциональной нагрузке акцентных оппозиций, которая в основном играет морфологическую роль: например, *miza* «стол» — *miza* «столы».

Диалекты описываются автором по определенной схеме, внутри которой выделяются следующие основные признаки: 1) единица тональности в данном говоре (слог или мора); 2) тип качественного решения гласных; 3) тип количественного решения гласных; 4) мелодические данные (частота основного тона) в законченных высказываниях; 5) мелодические данные в незаконченных отрезках; 6) данные интенсивности.

Каждый из этих признаков раскрывается через систему более дробных вопросов. Например, описание мелодического рисунка в законченных высказываниях строится из ответов на следующие вопросы: а) каков мелодический контур и движение тона у долгих ударных гласных? б) каково соотношение высот ударных и постударных слогов при разных типах акцентов? в) как

противопоставлены ударные слоги под акцентом и циркумфлексом по высоте тона? г) каков тип реализации этих противопоставлений в разных фразовых позициях слова: а) у двусложных слов, б) у односложных слов, д) каков тип реализации тональных противопоставлений у кратких ударных³, е) каковы интонационные противопоставления во фразах, состоящих из одного слова?

Сходные вопросы решаются и при анализе данных интенсивности.

К сожалению, нужно отметить, что этот подробный набор характеристик не всегда выдерживается полностью: так, материал по незаконченным отрезкам не дает ответа на все эти пункты; перечень полученных фактов при контрольных испытаниях еще менее полон.

Перечислим основные результаты, полученные автором по данным всех трех диалектов (в книге каждый диалект описывается отдельно).

1. Ни для яунтальского, ни для гайльштадтского диалекта нельзя говорить о счете на моры, так как измерения частоты основного тона в первой и второй половинах ударного слога в разных тактах фразы (начальном и конечном) не показали каких-либо различий акута и циркумфлекса: в начальном такте у гласных обоих видов наблюдалось повышение тона во второй части звука, в конечном такте — понижение⁴.

Розентальский диалект оказывается в этом отношении сложнее, поскольку в нем представлено различающее тип акцента движение тона в слове и разное положение тона в постударных слогах. Таким образом, по мнению Г. Невекловского, вопрос о счете по морам или о счете по слогам в этом диалекте — это проблема описания; если считать существенным положение ударного и постударного слогов, тогда понятие моры не имеет смысла; если же считать существенным движение тона, тогда «поморная» интерпретация может быть принята. Думается, что понятие моры может быть расширено и соотноситься с не-

³ В отличие от литературного словенского языка словенские диалекты могут различать тональные противопоставления и на кратких слогах.

⁴ Согласно данным ряда славянских языков, фразовая мелодика начала отрезка характеризуется подъемом мелодики в зоне первого ударного слога, в конечном такте законченного высказывания она понижается. Таким образом, приводимые данные показывают нейтрализацию словесных акцентов этих диалектов под воздействием фразовой мелодики. По нашим наблюдениям, степень воздействия фразовой мелодики на словесную есть фактор типологический; таким образом, в каждом языке мы можем говорить о сильной или слабой фразовой просодии. Словенский язык принадлежит к языкам с сильной фразовой просодией.

¹ J. T o p o r i š i č, Slovenska stavčna intonacija, Ljubljana, 1969; его же, Pojmovanje tonemičnosti slovenskega jezika, «Slavistična revija», 1, XV, 1967; его же, Liki slovenskih tonemov, «Slavistična revija», 1, XVI, 1968.

² B. V o d u š e k, Grundsätzliche Betrachtungen über den melodischen Verlauf der Wortakzente in den zentralen slowenischen Mundarten, «Linguistica», IV, 1961.

которой мелодической фигурой, характеризующей ударение слова. В рамках этой фигуры реализуются двукомпонентные рисунки, различающие акут и циркумфлекс; эта контурная заданность может по-разному соотноситься с временной заданностью слогов, продолжительность которых определяется не только временной структурой синтагмы, но и абсолютной длительностью звуков, входящих в данное слово, почему вся фигура может и не раскладываться на число слогов «без остатка». Поэтому, очевидно, Г. Невекловскому не удалось решить вопроса о счете по морам без привлечения данных всей мелодической линии слова (Wortprofil). Таким образом, эта характеристика оказалась не автономной, а зависимой.

2. Подсчеты количественной протяженности долгих ударных дали следующие результаты: в яунтальских диалектах акут всегда длительнее циркумфлекса, в розентальских и гайльтальских диалектах системных различий акута и циркумфлекса нет.

3. Движение тона изучалось на материале ударных слогов в последнем и начальном тактах высказывания. Понятие контура: выпуклый, вогнутый, плоский — оказывается, по данным автора, несущественным. Существенным признаком оказывается направление тона (восходящий, ровный, нисходящий), которое в розентальских и гайльтальских диалектах служит конституирующей чертой интонационного различия акцентов: акут имеет понижающийся тон, циркумфлекс — повышающийся. В яунтальских диалектах, по утверждению автора, свойство это не является релевантной чертой, однако внимательный анализ цифровых и процентных данных (стр. 96) говорит о том, что и здесь акут больше, чем циркумфлекс, демонстрирует тенденцию к тональному подъему. Интересным является тот факт, что, судя по приводимым данным, именно в яунтальском диалекте отмечено 15 случаев тонального подъема у акута в абсолютном конце, тогда как в остальных диалектах в конечном такте представлено абсолютное понижение. Это значит, что в яунтальском диалекте словесная просодия оказывается сильнее фразовой.

4. Как показали наблюдения над сербскими словесными акцентами, различное соотношение высот ударного и постударного слогов при восходящих и нисходящих видах ударения является стойкой различительной чертой⁵. В литературном словенском языке эти высотные соотношения не столь определены. Анализ диалектных показателей Г. Невекловский проводил несколько по-разному в трех описанных

зонах. В яунтальском диалекте высоты ударного и постударного слогов определялись на цепочках двух типов: а) оба слога принадлежат одному слову и б) оба слога принадлежат разным словам, например *selák je*. Оказалось, что внутри типа (а) акут и циркумфлекс различаются более последовательно, т. е. получается, что мелодическая фигура есть признак не ударения, но слова, и тональные сандхи здесь не имеют места. Для розентальского диалекта приводятся усредненные, общие данные, согласно которым правило посттонального различия соблюдается. В гайльтальском диалекте, где, судя по приводимым данным, отмечается та же закономерность, она признается сопутствующей, но не ведущей чертой.

5. Принято считать установленным, что в литературном словенском языке именно высотное положение ударных слогов различает акценты: акут низок, циркумфлекс высок⁶. Эта оппозиция для яунтальского и гайльтальского говоров соблюдается во всех фразовых позициях, для розентальского диалекта данные приводятся несколько иначе, заменяясь сведениями о движении тона в целых словах с противопоставляемыми акцентами. Именно это движение тона в слове Г. Невекловский считает ведущим признаком акцентного различия в розентальском диалекте⁷.

6. Для всякого исследователя, занимающегося проблемами соотношения фразовой и словесной мелодии, интересен анализ тех случаев, когда вся фраза состоит из одного слова. Такие случаи позволяют понять, как в данном языке слово, находясь в максимальной по силе фразового давления ситуации, сохраняет необходимые словесные противопоставления, выразив в то же время все функциональные нагрузки. Из приводимых в книге цифр и рисунков видно,

⁶ J. T o r o g i š i ć, *Liki slovenskih tonemov*, стр. 319.

⁷ Откровенное стремление автора найти «основной», единственный признак, отбросив мешающие избыточные эмпирические факты, несколько упрощает картину. Точно так же, если обратиться к сопоставлению сербского и словенского языков, то, судя по соответствующим экспериментальным данным, может создаться впечатление, что тип реализации долгих акцентов в этих языках различен: в сербском языке важен постударный слог, в словенском важно положение ударного слога. Однако, судя по данным, в частности П. Ивича и И. Лехисте, как цифровым, так и графическим, и в сербском языке положение ударных слогов различается по тому же правилу. Поэтому, если оперировать конкретными данными, а не конструктами, точнее говорить о большей или меньшей значимости типа реализации акцентов в этих языках (I. L e h i s t e, P. I v i ć, *Accent in Sebocroatian*, «Michigan Slavic materials», 4, 1963, стр. 19, 40—55).

⁵ Это наблюдение впервые было сделано Л. Мазингом (см.: L. M a z i n g, *Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents*, «Mémoires de l'Académie impériale», VII série, XXI, 5, SpB., 1876).

что в таких случаях в яунтальском диалекте словоразличающим оказывается рисунок ударного слога, в розентальском противопоставляются ударный и постударный слоги — вплоть до линии резкого подъема при акуте, нарушающей фразовую понижающуюся мелодику. В гайтальском диалекте существенно и положение противопоставляемых ударных слогов, и движение тона в ударном и постударном слогах. Эти интересные данные демонстрируют различие алловариантных возможностей реализации одной и той же оппозиции. Однако слабостью применяемой методики в данном случае является то, что Г. Невекловский рассматривает однословные фразы только при интонации законченности. Между тем, судя по нашим экспериментальным данным, именно восходящая мелодика, особенно при вопросе, отличает словенский язык от сербского, так как в этом случае в словенском языке акцентные различия нейтрализуются, а в сербском сохраняются.

7. Данные интенсивности оказались по всем диалектам несущественными для различения акцентов. В литературном же языке в произношении люблянских дикторов интенсивность акута последовательно оказывалась больше интенсивности ударного слога под циркумфлексом.

8. В заключительной части книги приводятся интересные данные о способах реализации словесной и фразовой просодии в описанных говорах. В слогосчитающих говорах (Яунталь, Гайталь) словеснопросодические различия разрешаются по вертикали: акут располагается низко, циркумфлекс — высоко; фразовые противопоставления разрешаются по горизонтали: существенна общая линия — повышения или понижения. В моросчитающем диалекте (Розенталь) словеснопросодические различия реализуются в общей линии слова — Wortprofil, т. е. по горизонтали, фразовые же различия оформляются по вертикальной оси; иначе говоря, рисунок нисходящей и восходящей мелодики может совпадать, но их высотное положение различно.

Рецензируемая книга велика по объему, и обсуждая все приводимые в ней данные не представляется возможным. Поэтому мы не касались таких проблем, как различение кратких ударных слогов или специфика выражения акцента в однословных словах.

Можно сожалеть о том, что в книге неточно и нерегулярно соблюдается единый методический план при описании всех групп диалектов. Несомненно, что конкретные цифровые и процентные данные часто противоречат явно выраженному стремлению исследователя представить систему розентальских диалектов как полностью отличную от двух остальных. Неясно также, почему вначале столь категорично декларируется идея «правды» о словенских акцентах, хотя приводимые результаты в

целом вполне укладываются в рамки уже предлагавшихся теорий.

Хочется отметить как некоторую незаконченность исследования отсутствие данных восприятия. Между тем это может помочь выявлению данных о том, в какой степени в описываемых диалектах акцентные различия живы и активно воспринимаются. Как покажет анализ второй книги, шкала такого рода междиалектных расхождений очень велика. Кроме того, неудачна полная разнородность информантов — в данном случае важен не только возраст или образование, но также и то на каком языке информант говорит чаще: на немецком или на словенском.

Дискуссионно речена в книге проблема соотношения объективных эмпирических данных и конструируемой модели явления. С одной стороны, Г. Невекловский показывает весь комплекс отмеченных фактов, с другой стороны, он ищет одну какую-то ведущую черту, один релевантный для данного говора различительный признак. Однако возможен и путь более абстрактного моделирования, когда разные акцентные решения представляются вариантами некоторого инварианта, реализующегося в n -мерном пространстве признаков, причем каждый реальный акцентный тип может использовать как максимум, так и минимум всех потенциальных различающих возможностей. Именно так представляет раннее состояние словенской акцентной реализации Б. Водушек. Он считает, что древнее решение использовало все возможности, это: «низкий, нисходяще-восходящий акут, противопоставленный в рамках ударного слога высокому, восходяще-нисходящему циркумфлексу». Максимально близким, по Б. Водушке, к этому состоянию оказывается гайтальский диалект. При таком обобщенном подходе обязательно вычисление какого-то одного сквозного признака, реализующегося при всех комбинациях — возможны алловарианты, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции и не пересекающиеся по характеристикам.

Противопоставлению существующей акцентологической теории и реальности сегодняшних фактов языкового существования посвящена вторая книга, авторы которой также обратились к фактам славянской словесной просодии, на этот раз — на материале сербского языка. В последние десять лет данные сербского словесного ударения изучались подробно, использовались самые различные инструментальные возможности⁸. Однако все исследова-

⁸ В. Водушек, указ. соч., стр. 38.

⁹ См. об этом в работах, вышедших в последнее время на русском языке: Р. В. Булатова, Новые исследования по сербохорватской акцентологии, «Советское славяноведение», 1971, 6; В. Г. Скляренко, [реп. на кн.:] I. Lehiste, P. Ivić, Accent in Serbocroatian, «Исследования по

тели, занимавшиеся этой проблемой, исходили — в качестве исходной презумпции — из существования четырех словесных акцентов и фиксировали разные аспекты их акустического воплощения, не ставя под сомнение их реальность.

Л. Матейка и Т. Магнер задались целью проверить реальность четырехакцентной системы, известной как система Вука Караджича, с позиций данных второй половины XX в. Из двух возможных подходов к проблеме: 1) выяснить, действительно ли в современном сербском языке есть четырехакцентная парадигма, т. е. различаются ли эти акценты или нет, 2) выяснить, так ли они оформляются интонационно, как это принято считать, — авторы выбирают первый.

Л. Матейка и Т. Магнер решают задачу, не обращаясь к данным инструментального анализа, а пользуются результатами восприятия. В многогранной и объективной методике проведенного исследования — одно из достоинств рецензируемой книги. В первых трех главах книги рассматриваются «Акцентные нормы Вука», «Фонологическая интерпретация системы Вука», «История сербохорватского словесного ударения»; собственно экспериментальная часть занимает последние пять глав. В четвертой главе авторы приводят точки зрения современных лингвистов на состояние акцентной системы в литературном языке. В первую очередь их интересуют те наблюдения, которые свидетельствуют о деструкции системы. Это: 1) совпадение двух кратких акцентов (Б. Мидлетиц)¹⁰; 2) слишком большое число дублетных форм (данные Правописа 1960 г.); 3) утрата постударных долгот (Й. Хамм, П. Ивич); 4) появление нисходящих акцентов в середине слова (по норме они должны быть на первом слоге) и даже на последнем слоге, где, в согласии с нормой, вообще не может быть ударения (М. Стеванович); 5) утрата у горожан корреляции между собственным произношением и акцентной нормой, предписанной канонами (П. Ивич).

Техника проведенного эксперимента подробно описывается в главе пятой. Было отобрано 100 предложений, составленных таким образом, что каждая контролируемая оппозиция (типа *пàра* «пароход» и *пàра* «монета») воплощается как минимум в двух в остальном тождественных предло-

сербохорватскому языку», М., 1972; Т. М. Николаева, Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке, «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков», М., 1973.

¹⁰ В скобках мы приводим лишь те имена, на которые есть ссылка в тексте книги; разумеется, сходные соображения высказывались и другими учеными: в книге сознательно приводятся наиболее яркие и категорические мнения.

жениях, например, *И данас пàра игра улогу* — предл. № 50 и *И данас пàра игра улогу* — предл. № 95. В некоторых случаях для получения более объективных данных ситуация усложняется до 3 или 4 предложений. Например, проверка восприятия постударной долготы на минимальной паре *учитеља* «учителя» и *учитеља* «учителей» осуществляется на базе четырех предложений (т. е. двух повторений): № 1. *Ту нема учитеља данас*, № 28. *Ту нема учитеља данас*, № 57. *Ту нема учитеља данас*, № 85. *Ту нема учитеља данас*.

Порядок следования этих ста предложений имитировал произвольность. Все фразы были прочитаны лингвистом Д. Алеричем, уроженцем Герцеговины. Сразу же после прочтения ему было предложено прослушать свои предложения и выполнить тестовую проверку. Задание повторили через неделю. В обоих случаях ответ был безошибочным. Основное же испытание состояло в том, что слушателям предлагался список из ста заготовок с возможными выборами акцентных решений для проверяемого слова. Так, например, для предложения *Ево Луке у даљини* (оппозиция *Лука* «Лука» и *лука* «порт») была составлена тестовая заготовка под тем же номером: № 11 а) *Луке* (Лука), б) *Луке* («порт»). Испытуемый должен был указать, каково из двух форм он слышит в данной фразе. Порядок тестовых заготовок соответствовал порядку чтения предложений. При выполнении теста нужно было указать возраст, имя, место рождения и место обучения: школа, гимназия, университет. Полученные данные составляли результаты теста № 1. Для теста № 2 Д. Алеричем и Д. Брововичем (лингвист, уроженец Боснии) были прочитаны 50 предложений. Оба лингвиста безошибочно выполнили тестовую проверку по собственному чтению и по чтению коллеги. Оба испытания проводились в 1966 г. в больших городах Сербии, Хорватии, Боснии, Герцеговины, Черногории. Особо исследовалось место рождения Караджича — Тршач. Всего было 829 испытуемых, в основном — учащихся.

Л. Матейка и Т. Магнер ставили своей задачей проверить не только восприятие литературной нормы, но и восприятие акцентных различий в местном произношении. С этой целью был проведен тест № 3, задачей которого было сопоставить чтение одного из местных информантов с чтением Алерича и Брововича.

Обсуждение результатов начинается с выделения шести групп территорий, различающихся процентным показателем того, какая часть испытуемых опознала формы правильно: А—90—100%, В—80—89%, С—70—79%, D—60—69%, E—50—59%, F—49—0%. В соответствии с этим выделено шесть перцентивных ареалов, например: А — Гацко, Столац; В — Травник, Дубровник, Бања Лука, Мостар и др. При этом показательно, что в F объединены крупные города и столицы (Загреб, Белград).

Слабым местом словеснопросодической модели оказалась поставленная долгота, особенно в Белграде и Загребе. Различные долгих и кратких ударных слогов (*nās — nās*) осуществлялось последовательно — средняя опознаваемость была примерно 84% (ниже всего в Нише — 30%, на первом месте — Дубровник — 97%). Гораздо более зыбким было опознание тональных различий; например, в Столаце, Титограде было опознано 0%. Таким образом, по мнению авторов, при комбинации тона и количества дифференциальным признаком является количество.

Проверка на восприятие ударения при изменении его места в слове (*зеленѣх — род мн. опред. — зеленѣх — род мн. неопред.*) дала хорошие перцептивные показатели. Отдельно рассматривался перенос на проклитику (*од кости — од кдсти*), который воспринимался гораздо хуже. В связи с этим авторы считают правило переноса на проклитику абсолютно устаревшим и именно здесь видят основное отступление от нормы столетней давности, предписывающей фонетически контрасты, которые «не только нетипичны для сегодняшнего узуса, но могут казаться странными и даже смешными». Кроме этих случаев, перенос ударения надежно распознается.

Итак, определяется следующая перцептивная иерархия параметров: место акцента, количество ударных, поставленное количество, тон. Л. Матейка и Т. Магнер подробно описывают зональные перцептивные различия.

Тест № 3 фиксировал чтение местных жителей. Д. Алерича и Д. Брозовича просили расставить акценты при прослушивании местных записей. Наиболее интересным результатом анализа ими чтения местных дикторов оказалась обнаруженная тенденция к замене тональных различий простым различием места ударения (в тех случаях, когда ударение падает на разные слоги слова). Таким образом, *приятелья* и *приятелья* предстают как *приятелья* и *приятелья*. Так намечается путь к тому, чтобы в данной системе было представлено подвижное ударение, при котором ряд просодических различий окажется избыточным.

Расстановка акцентных знаков Брозовичем и Алеричем показала еще один важный для системных характеристик факт: существует различие между расстановкой вуковской нотации опытными лингвистами и быстрым определением грамматической формы при прослушивании фраз менее подготовленными информантами. Это значит, что акцентные различия в ряде перцептивных зон переходят из фактов системы в область нормы, теряя при этом функциональную нагрузку.

Для исследователя, знакомого с экспериментальными данными последних лет о сербском ударении, неожиданной является та категоричность, с которой авторы отказывают тону в различении словесных

опозиций. Нам также приходилось исследовать словеснопросодические характеристики сербского ударения¹¹, причем не в изолированных словах, а внутри фразы, т. е. в ситуации, когда словесная просодия подвергается воздействию со стороны фразовой. Дикторами были жители Белграда — города, который, по данным Л. Матейки и Т. Магнера, попадает в худшую перцептивную группу. Самым последовательным признаком различия оказался тональный, в особенности при сопоставлении двух долгих акцентов: регулярный подъем на втором слоге после восходящего акцента и понижение тона после нисходящего. Эти различия реализовались даже в позиции фразового ударения как в конклюдивной каденции, так и в полукаденции и антикаденции.

Как же совместить такого рода экспериментальные данные с результатами Магнера и Матейки? Можно представить, что в ряде обследованных ареальных зон акцентные различия уже утрачены, но, судя по приводимым фактам, информанты не могли различить фраз, произносимых квалифицированными фонетистами, носителями безупречной литературной нормы, которые сами безошибочно отождествляли акценты в своем произношении и в произношении коллеги. Авторы книги с большим скепсисом, если не сказать с подозрением, отзываются о ранних акцентологических исследованиях, особенно той поры, когда экспериментальная фонетика была на низком уровне или вообще не существовала (стр. 185). Однако наблюдения Л. Мазинга 1876 г. подтверждаются до сих пор.

Сопоставляя все данные о современном состоянии сербской акцентной системы (включая и результаты авторов рецензируемой книги), мы можем предложить лишь следующий компромиссный вывод: акцентные различия в современном сербском языке существуют, в ряде зон они регулярно воспроизводятся, но в тех случаях, когда речь идет об осознанном грамматическом различении, а не об акцентной орфоэпии, они не воспринимаются. Авторам можно было бы посоветовать провести еще один тест, чисто фонетический — на различение акцентов, заранее описанных информантам и воспроизведенных. Поэтому, признавая существование акцентной нормы хотя бы в орфоэпическом плане, вероятно, нельзя согласиться с утверждением авторов о том, что «современная Югославия —... арена, где с драматизмом демонстрируется то, как внутренние силы языка в целом оказываются сильнее, чем поже-

¹¹ Т. М. Николаева, указ. соч.; е е же, Соотношение словесной и фразовой мелодики в сербском языке, «Памяти Виктора Владимировича Виноградова», М., 1971; е е же, Соотношение фразовой и словесной просодии. Некоторые аспекты проблемы, «Зборник за филологију и лингвистику», XIV, 1974.

лания немногих грамматистов-консерваторов, которым хотелось бы предопределить судьбу языка» (стр. 191).

Двумя ведущими признаками различия Л. Матейка и Т. Магнер считают место акцента и длительность ударных. Интересно выделение первого из них. Выдвижение на первый план места акцента в слове приводит, по мнению авторов, к появлению недифференцированного обобщенного ударения и исчезновению функционально нагруженной постударной долготы. Из этого мы можем сделать вывод, что новый сербский материал входит в сферу действия закона о несовместимости свободного ударения и фонологической долготы, выдвинутого Р. О. Якобсоном¹². В нормативном сербском произношении место акцента несвободно (хотя и не фиксировано). В соответствии с этим неударная долгота имеет функциональную нагрузку.

Как же объяснить закон несовместимости с точки зрения современных экспериментальных данных? В ряде специальных исследований последних лет на материале славянских языков показано, что интенсивность, динамическая линия слова и фразы имеет свою специфическую фигуру — будучи усиленной в начале речевого отрезка, она понижается к его концу. Функция ее,

как нам кажется, — быть показателем оформленности, глобальности отрезка, это — делимитативная функция. Мелодика в нетональных языках есть фактор семантики, связи, смысла, это «фразовый» акустический параметр. И только длительность оказывается функционально свободной и может выполнять функцию передачи словесного ударения (см. данные русского, украинского ударения). Очевидно, что в тех языках, где ударение падает на первый слог, место ударения и вершина интенсивности (самая сильная динамическая точка) совпадают, и длительность оказывается свободной также и от передачи словесного ударения и может выполнять грамматические функции — см. данные чешского и словацкого языков. Понятно также, почему, в свете сказанного, в польском языке, где ударение тоже фиксировано, длительность не несет грамматической нагрузки: здесь место ударения не совпадает с точкой высокой интенсивности. В сербском же языке значительная часть слов имеет ударение именно на первом слоге.

Обе книги, разные по методам и по установкам, демонстрируют тенденцию к сближению традиции эмпирического подхода к фактам словесной просодии и стремления построить систематизированную модель явления. Как представляется, сегодня в этом сближении заинтересованы современная экспериментальная фонетика, с одной стороны, и фонология — с другой.

Т. М. Николаева

¹² R. Jakobson, Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie, TCLP, IV, 1931, стр. 182; J. K r a m s k ý, Incompatibility of free quantity and free stress, «Travaux linguistiques de Prague», 2, 1966.

«Общее и прикладное языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1967 г.». Сост. Б. А. Малинская, М. Ц. Шабат.

Отв. ред. Р. Р. Мдивани, А. А. Реформатский. — М., «Наука», 1972. 295 стр.

Современное бурное развитие лингвистики вызвало появление хорошо организованной службы информации: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР осуществляет выпуск ежемесячных бюллетеней новых поступлений в библиотеки СССР (как отечественной, так и зарубежной литературы), налаживается выпуск реферативных журналов, отражающих содержание примерно 10% новых работ и, наконец, выходят в свет ретроспективные библиографии по языкознанию¹, к числу которых относятся реферлируемый труд (далее — ОиПЯ). Следует подчеркнуть особую

ценность изданий последнего вида, поскольку они никогда не устаревают; более того, итоговая значимость их со временем повышается. Эти издания рассчитаны на использование не только языковедами различных специальностей, но и специалистами смежных отраслей знания, а также работниками различных справочно-информационных служб. Нельзя не подчеркнуть и того, что благодаря выходу ОиПЯ как продолжения ОЯ и СиПЯ теория нашего языкознания «забиблиографирована» в целом за полвека, начиная с 1917 г.²

Отбор материала в ОиПЯ, потребовавший большой ответственности и высокой квалификации авторов, произведен чрез-

¹ Ср. «Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965; «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965 (далее — ОЯ и СиПЯ).

² Сразу выскажем одно из пожеланий на будущее: сбить дату, ограничивающую обзор литературы, со сроком выхода в свет ретроспективной библиографии.

вычайно тщательно: в книгу включено 5824 названия, охватывающих статьи из журналов, сборники с детальной росписью входящих в них статей, монографии, тезисы докладов, авторефераты диссертаций, а также работы по частному языкознанию, которые характеризуются общеязыковедческим ракурсом освещения проблем (например: № 3076 — И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке...). Вне поля зрения составителей осталось лишь незначительное количество статей, в частности, отсутствуют отдельные статьи из сборников «Иностранные языки в высшей школе» и из методических сборников, выпущенных Академией общественных наук и Высшей партийной школой при ЦК КПСС. С другой стороны, можно поставить под сомнение включение в книгу отдельных студенческих сборников (№ 2576).

Объединение общего языкознания со структурным и прикладным в одной книге оказалось весьма удачным, так как позволило избежать ненужных повторов и компактно представить работы, затрагивающие теорию советского языкознания за пять лет. Классификация материала в основном совпадает с изданиями ОЯ и СИПЯ, что обеспечивает необходимую преемственность изданий, и в то же время она адекватно отражает состояние нашей науки за 1962—1967 гг.: научная жизнь (сведения о библиографиях, съездах, конференциях и симпозиумах как в СССР, так и за рубежом), главные проблемы общего языкознания (язык и общество, язык и мышление, проблемы стратификации языка и рассмотрении отдельных его аспектов), история языка и методы его исследования, лингвистические основы автоматического перевода, обработки текстов и обучения языку и т.п.

В целом рубрикация в ОИПЯ является достаточно полной и не вызывает принципиальных возражений. Однако по отношению к материалу нам все-таки хотелось бы сделать замечания. Поскольку весь указатель в целом посвящен современному состоянию языка, представляется целесообразным появление особого раздела под таким же названием, в который включены работы обзорного характера и выделены отдельные проблемы (стр. 22—27), названия которых еще повторяются в разделе «Метаязык и терминология лингвистики» и в разделах, посвященных отдельным уровням языка. Возможно, вместо этого целесообразно было бы выделить раздел «История языкознания», в котором были бы собраны только работы по истории той или иной проблемы, тогда как обзорные статьи о современном состоянии языкознания могли быть помещены в соответствующих теоретических разделах. Кроме того, жаль, что в разделе «Место языкознания в системе наук» в ка-

честве подраздела выделен лишь «Семиотика и языкознание». Можно было выделить также раздел «Философия и языкознание», включив в него почти весь материал, помещенный под рубрикой «Философия языка» (стр. 44), а, может быть, выделить также и раздел «Психология и языкознание» с подразделом «Психолингвистика». Подраздел «Языковые контакты...» (стр. 183—186) следовало бы перенести в раздел «Социолингвистика». Отметим еще отдельные неудачные моменты с тем, чтобы избежать их в будущих изданиях. Прежде всего, это касается отнесения многих работ по теории значения (полисемия, синонимия, омонимия) к разделу «Лексикология» (например: №№ 3234—3236, 3255—3256, 3258—3265, 3290—3294, 3303—3304, 3306—3310 и др.), тогда как целесообразнее было включить их в раздел «Лингвистическая семантика».

Все книги, вышедшие в издании Научного совета по теории языкознания, хотелось бы видеть в разделе «Общие проблемы», например: № 3288 — С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение; № 4449 — Р. А. Будагов. Проблемы развития языка; № 5095 — А. А. Леонтьев. Психолингвистика; № 2942 — В. З. Панфилов. Грамматика и логика, туда же несомненно должна была войти и книга Г. В. Колшанского «Логика и структура языка» (№ 2714). В «Общие проблемы» должны были бы быть включены и № 1137—1139, 1142—1143, 1145, 1148, 5034—5035, а № 1133 — в раздел «Философия языка», тогда как № 2022 и 2027 должны были бы попасть в раздел «Методы». В отдельных случаях вызывает сомнение атрибуция работ (№ 2944, 2789, 2817, 2820, 3225, 3353, 5069, 5082, 5088, 5089, 5114).

Для языковеда, занимающегося общими вопросами языкознания, совместное рассмотрение традиционных и прикладных работ является положительной стороной Указателя; однако лингвисту-прикладнику, занятому более или менее конкретными вопросами, желательна большая специализация внутри разделов.

Раздел «Семантика», например, не содержит никаких делений, хотя работы, представленные в нем, распадаются по крайней мере на два класса (семантику языка и семантику текста), каждый из которых характеризуется своими собственными исходными установками, методами исследования и целями. В классе «семантика текста» может быть выделен подкласс математических работ (И. И. Ратцева, № 3185—3186; Ю. А. Шрейдера, № 3223—3224); он логически дополняется работами М. В. Арапова, В. Б. Борщева и Ю. А. Шрейдера (№ 1608—1609) и др., которые находятся в разделе «Моделирование». Здесь вызывает сомнение целесообразность включения работ по математической лингвистике,

лишь косвенным образом связанных с языкознанием, как, например, работы А. В. Гладкого (№ 1529—1531).

Представляется весьма полезной установка авторов Указателя на объединение работ по принципам единства метода исследования и теоретических аспектов рассматриваемых работ. Правда, в некоторых случаях метод исследования понимается слишком широко. Так, например, автоматический перевод, информационный поиск, автоматические словари вошли в подразделы раздела «Моделирование» (подчиненного «Методам...»), хотя эти проблемы (и соответствующие исследования) утвердились в науке и практике уже в рассматриваемый период не только как методология, но и как сумма результатов, опыта и перспектив новых методов. Видимо, это могло бы найти какое-то отражение в рубрикации Указателя.

Составителями Указателя проделана большая работа по изучению материалов, помещенных в нелингвистических изданиях, что является несомненным достоинством рецензируемого труда.

В качестве положительной стороны книги, значительно облегчающей поиск

нужного материала, особенно по узкой тематике, следует отметить, и «Предметный указатель» (включающий и рубрику «Personalia»), которого не было в ОЯ и СиПЯ.

Наконец, следует отметить и весьма удачное (за редким исключением) аннотирование, в котором раскрывается содержание работы и объясняется материал исследования: в частности, указывается язык или область изучения, уточняются малоинформативные заголовки. Следует отметить и отдельные случаи отсутствия аннотаций там, где они представляются уместными (№ 265, 495, 2897, 2916).

Все эти замечания, касающиеся лишь единичных недочетов в труде, охватившем многотысячный перечень названий, разумеется, ни в коей мере не умаляют огромной и чрезвычайно нужной работы составителей и редакторов ОиПЯ, подготовивших Указатель, который безусловно станет настоящим справочником каждого языковеда.

Н. А. Слюсарева, Ю. Н. Марчук

«О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“» (Материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов»). ИЯЛИ Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. — Якутск, 1973. 237 стр.

Рецензируемый сборник, изданный Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР фотоофсетным способом, примыкает к «Тюркологическим сборникам», выпускаемым Институтом востоковедения АН СССР на базе материалов тюркологических конференций в Ленинграде¹, и продолжает разработку истории отечественной тюркской филологии, которая усилиями советских ученых и особенно А. Н. Кононова не только оживилась в

последние десятилетия, но и приобрела статус самостоятельной дисциплины².

На этот раз внимание тюркологов привлекла одна из могучих фигур отечественной компаративистики, до сих пор поражающая разносторонностью своих интересов, энциклопедичностью, глубиной и интенсивностью научных разработок в санскритологии, тюркологии, а отчасти и в русистике³. Восточными языками О. Н. Бётлингк стал заниматься в Санкт-петербургском университете, куда он поступил в 1833 г. и где изучал преимуще-

¹ См.: «Тюркологический сборник, 1971» (М., 1972) и «Тюркологический сборник. 1972» (М., 1973), освещающие научно-исследовательскую деятельность соответственно В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского. Эстафету в освещении истории отечественного тюркского языкознания (и шире — тюркологии) принял журнал «Советская тюркология»: место для статьи по этой тематике нашлось уже в самом первом номере журнала (1970, 1; см. также 1971, 1, 2). Начиная с № 4 за 1971 г. структура журнала обогатилась специальным отделом «История отечественной тюркологии» (см.: 1971, 5; 1972, 2, 4; 1973, 3, 4, 5; 1974, 1); с № 3 за 1971 г. заведен также отдел «Публикации».

² См.: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Докладный период, Л., 1972; «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Докладный период» (в печати). Библиографию трудов ученого в этой области см. в нашей рецензии на указанную книгу А. Н. Кононова («Народы Азии и Африки», 1973, 3).

³ О значении трудов О. Н. Бётлингка в отечественном языкознании и мировой компаративистике см.: С. К. Булич, Памяти О. Н. ф. Бётлингка, СПб., 1904; Э. А. Макаев, Н. З. Гаджиева, Сравнительное языковедение в истории Академии наук, ВЯ, 1974, 5, стр. 38, 40.

щественно арабский и персидский языки. Первый же научный труд Бётлингга — двухтомное издание индийской грамматики Панини с научными комментариями — сразу поставил ученого в ряд лучших санскритологов того времени. Его монография по санскритской акцентологии явилась одной из первых работ, положивших начало современному учению об ударении в индоевропейских языках. В 1842 г. Академия наук избрала О. Н. Бётлингга своим адъюнктом по кафедре санскрита, в 1845 г. — экстраординарным академиком, в 1855 г. — ординарным академиком.

Этому ученому с богатейшей языковедческой эрудицией и тонкой лингвистической наблюдательностью в 1845 г. акад. А. Ф. Миддендорф предложил для обработки собранные во время собственных экспедиций материалы по якутскому языку, который до тех пор в сфере научного изучения вовлечен не был. Так родился фундаментальный труд по якутскому языку⁴, в котором, по словам А. Потта, впервые к изучению тюркских языков был применен сравнительный метод, выработанный индоевропейцами⁵, и который О. Н. Бётлингк «совершенно справедливо сам считал... одним из лучших, и, может быть, даже самым лучшим из своих научных исследований»⁶, хотя главным трудом жизни ученого признается его большой санскритский словарь.

Основополагающая важность труда О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» для якутского языкознания⁷, более того — для якутского национального самосознания подчеркивается во «Вступительном слове» Е. И. Коркиной (стр. 4—6).

Создание этой работы рассматривается в статье Е. И. Убрятовой «Труды О. Н. Бётлингга „Über die Sprache der Jakuten“ 120 лет!» (стр. 7—44), написанной в лучших традициях истории лингвистической мысли⁸. Статья Е. И. Убрятовой, наи-

более обстоятельная и фундаментальная, по существу вобрала в себя основные линии, по которым строятся остальные статьи сборника, непосредственно относящиеся к истории тюркологии и освещающие научно-исследовательскую деятельность ученого, рассказывающие о помощи Бётлингку в практическом овладении якутским языком, оказанной ему тонким знатоком этого языка А. Я. Уваровским. Это статьи Н. А. Габышева «Об авторе якутского текста в труде О. Бётлингга» (стр. 45—58), П. А. Слещова «Заметки о языке „Воспоминаний“ А. Я. Уваровского» (стр. 186—206), Н. С. Григорьева «Якутский язык и О. Н. Бётлингк» (стр. 207—210), Н. И. Широковой «Бётлингк и Банзаров» (стр. 233—235).

Согласившись привянуть на себя труд по обработке якутских материалов Миддендорфа, Бётлингк воспользовался пребыванием в Петербурге уроженца Якутии А. Я. Уваровского — русского, для которого якутский был по существу вторым родным языком. С помощью этого информанта, который глубоко понимал стоящие перед ним задачи, для ученого зазвучали якутские материалы. Не менее важно и то, что Уваровским были написаны тексты на якутском языке, которые при недостаточности и фрагментарности языковых материалов А. Ф. Миддендорфа явились основой проводившегося исследования (эти тексты, оснащенные немецким переводом, составили первый выпуск книги «Über die Sprache der Jakuten»).

Современные якутологи, высоко оценивая, вслед за О. Н. Бётлинггом, роль А. Я. Уваровского в создании первой научной грамматики якутского языка, согласно отмечают безукоризненность его текстов во многих отношениях и прежде всего — в литературном, благодаря чему «...современные якутские литературоведы нередко с них начинают историю якутской художественной литературы» (Е. И. Убрятова, стр. 19; см. также П. А. Слещов, стр. 187; Н. С. Григорьев, стр. 209). «Воспоминания» Уваровского признаются «замечательно правдивым произведением о Якутии своего времени» (Н. А. Габышев, стр. 56), а краткий пересказ им олонхо выполнен «в чисто якутском эпическом стиле» (Н. В. Емельянов, «О сюжете олонхо А. Я. Уваровского „Эр Соготох“», стр. 228). Даже то, что прежде принимали за языковые «ошибки» О. Н. Бётлингга, в свете показаний современной якутской диалектологии расценивается как «драгоценные свидетельства о языке северных якутов середины XIX в.», диалектные особенности языка которых отразил

⁴ Отметим, что книга Бётлингга (до фотомеханического воспроизведения ее в 1964 г. в Гааге) была известна как III том естественно-исторического описания Сибири А. Ф. Миддендорфа, наиболее полного для своего времени: «Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch» von O. Böhlingk. Abdruck des III. Bd. von A. Th. v. Midden-dorf's «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens», St.-Pb., 1851.

⁵ См. рецензию А. Потта на эту книгу (ZDMG, 8, 1854, стр. 196 и сл.).

⁶ С. К. Булич, указ. соч., стр. 6.

⁷ См. также более подробно: Е. И. Коркина, Работа О. Н. Бётлингга «О языке якутов», «Советская тюркология», 1971, 4.

⁸ Вниманию Е. И. Убрятовой и прежде привлекала названная книга, правда, в более специальном аспекте: на V Тюрко-

логической конференции в Ленинграде ею было сделано сообщение «Синтаксис сложноподчиненного предложения в труде О. Н. Бётлингга „О языке якутов“» (см.: «Советская тюркология», 1971, 4, стр. 134).

Уваровский в своем произношении и написании (Е. И. Убрятова, стр. 18; при этом отмечаются и недостатки работы с одним информантом).

Труд О. Н. Бётлингга рассматривается на фоне всей предшествующей (весьма небогатой) истории изучения якутского языка; при этом автор статьи вносит важные уточнения в существующие сведения (см., например, стр. 15 — о составленном Дм. Давыдовым списке якутских слов).

Обращаясь к установке ученого-компаративиста провести впервые последовательное сопоставление якутского языка с урало-алтайскими, Е. И. Убрятова анализирует привлекавшийся в книге материал остальных тюркских языков, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других. Критикуя урало-алтаистические сопоставления за разрозненность используемого в них материала по различным языкам, О. Н. Бётлингк призвал, прежде всего, «... тщательно и со всех сторон исследовать каждый член каждой фамилии по одиночке и потом через сравнение всех членов перейти к определению первобытных форм, корней и грамматических окончаний еще не разделившейся фамилии» (цит. по ст. Е. И. Убрятовой, стр. 29).

Обширное «Введение» к «*Jakutische Grammatik*» до сих пор не утратило самостоятельного теоретического значения и согласно оценивается лингвистами «как превосходный общеграмматический этюд»⁹, в котором наряду с другими разрабатываются две важные темы — «различия между флексией и агглютинацией» и «морфологические и логические признаки якутского языка»¹⁰. На ряде конкретных примеров О. Н. Бётлингк показывал несостоятельность утверждений о том, что «в агглютинативных языках материя (основа) и форма (аффикс) будто бы соединены механически и формы якобы легко сопоставляются с самостоятельными словами» (стр. 28). Анализируя далее общелингвистические взгляды О. Н. Бётлингга, Е. И. Убрятова разбирает воззрения ученого на морфологическую классификацию языков и особо отмечает его критическое отношение к самим принципам и критериям ее: он считал «... способ соединения материи и формы даже слишком внешним признаком, чтобы на нем одном основывать классификацию языков» (цит. по ст. Е. И. Убрятовой, стр. 28). Е. И. Убрятова подчеркивает, что, ставя под сомнение принципиальное различие между языками флективными и агглютинативными, ученый уже тогда отмечал случаи агглютинации в первых и флексии во вторых; ему принадлежит предположение о том, что в древнем состоянии у индоевропейских языков было

еще больше черт, сближающих их с языками агглютинативными (стр. 28, 29).

Творчески раскрывая содержание каждой из частей Грамматики О. Н. Бётлингга, Е. И. Убрятова показывает, что далеко не все, сделанное ученым, учитывается и используется отечественными тюркологами. Наиболее влиятельным трудом О. Н. Бётлингга оказался, естественно, для якутского языкознания, а также для зарубежной тюркологии. Всякий раз отмечая в Грамматике то, что в ней объективно устарело или не соответствует современной стандартизованной якутской норме, Е. И. Убрятова обращает на это внимание зарубежных ученых, до сих пор целиком полагающихся на материалы Бётлингга при описании современного якутского языка и в силу этого допускающих неточности (например, в передаче долготы гласных, стр. 33—34).

В статье Е. И. Коркиной «Об одном из ранних переводов „Якутской грамматики“ О. Н. Бётлингга на русский язык» (стр. 218—227) всесторонне анализируется попытка уроженца Якутии Н. Е. Чаплова, владевшего якутским языком и пользовавшегося консультациями лиц, в совершенстве знающих язык, составить на основе труда О. Н. Бётлингга «общедоступную грамматику якутского языка» (стр. 218).

Другая, большая часть статей рецензируемого сборника представляет собой дальнейшую разработку проблематики, затронутой в свое время О. Н. Бётлингком (часто — впервые) в его «*Jakutische Grammatik*».

Н. П. Петров в статье «О. Н. Бётлингк и чувашский алфавит» (стр. 59—69) отмечает, что «современные алфавиты многих тюркских и финно-угорских языков прямо или косвенно связаны с якутским алфавитом акад. О. Н. Бётлингга» (стр. 59), и прослеживает влияние этого алфавита¹¹ на чувашский, изучая историю усовершенствования последнего с XVIII в. до наших дней.

Впервые место словесного ударения в якутском научно определено О. Н. Бётлингком. И. Е. Алексеев («О. Н. Бётлингк и изучение словесного ударения в якутском языке», стр. 70—101) экспериментальными методами исследовал основные фонетические характеристики якутского словесного ударения и установил, что в двухсложных словах ударение музыкальное, а в многосложных — музыкально-долготное (тонико-квантитативное).

Якутские долгие гласные и дифтонги также были впервые обнаружены и опи-

¹¹ Как известно, более чем через двадцать лет ученый вновь обратился к изучению якутских материалов, см.: O. B ö h l i n g k, Zur Orthographie im Jakuten, «*Mélanges Asiatiques*», VII (1873—1876), 1876, стр. 761 и сл.

⁹ С. К. Булич, указ. соч., стр. 6.

¹⁰ А. P o t t, указ. соч., стр. 196.

саны О. Н. Бётлингк. П. П. Барашков в статье «О происхождении якутских долгих гласных и дифтонгов» (стр. 102—114) трактует этот вопрос в аспекте несоответствия конечных согласных древнетюркского языка конечным согласным якутского языка по их акустическому свойству (стр. 114).

И. П. Винокуров («О. Н. Бётлингк о замене падежей в якутском языке», стр. 115—125) отмечает, что ученый, уделявший внимание синтаксическим функциям падежей, не проследил условий их синонимичности. Синонимичность падежей автор усматривает там, где С. Н. Иванов видит более сложные отношения, например: осн. падеж — коррелят вин. падежа¹², поскольку «... обоим этим падежам свойственна функция прямого дополнения» — «отвлеченно-предметного, предметно-качественного» (осн. падеж) или «конкретно-предметного» (вин. падеж)¹³. Имя существительное, являясь прямым дополнением, по уточнению В. Г. Гузева и Д. М. Насилова, «выступая в отвлеченно-предметном, предметно-качественном значении, функционирует вне категорий числа и определенности — неопределенности» — обе эти категории признаются релевантными только «в зоне конкретно-предметных значений»¹⁴.

Между тем И. П. Винокуров в своих попытках выявить «конкретные различия» между этими падежами тяготеет к традиционной точке зрения («... вин. падеж выражает определенность предмета, а неопределенный [геср. основной. — Г. Б.] падеж — неопределенность предмета», стр. 116), восходящей к О. Н. Бётлингку, хотя и замечает сам, что противопоставление вин. и неопр. падежей по признаку определенности — неопределенности в якутском языке «не имеет всеобъемлющего характера» (стр. 117). Автор не объясняет констатируемой им известной «свободы в выборе конструкции с вин. или неопр. падежом» и делает вывод, которым фактически замыкается круг его рассуждений: «Строгое разграничение этих значений (определенности — неопределенности. — Г. Б.) исключило бы возможность синонимичного употребления названных падежей в данной функции, чего мы не наблюдаем» (стр. 117).

¹² См.: С. Н. И в а н о в, К истолкованию многозначности грамматических форм, ВЯ, 1973, 6, стр. 107 и сл.

¹³ С. Н. И в а н о в, Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969, стр. 62, 63.

¹⁴ В. Г. Г у з е в, Д. М. Н а с и л о в Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности — неопределенности, «Советская тюркология», 1971, 5, стр. 24.

Н. Е. Петров («О. Н. Бётлингк о служебных словах в якутском языке», стр. 126—143)¹⁵ предлагает новое объяснение происхождения отдельных якутских послелогов. Спорным представляется стремление автора истолковать расхождения в трактовке послелогов Бётлингком («... в якутском языке почти нет настоящих послелогов, ... вместо них выступают имена в определенной падежной форме и различные деепричастия») и современным якутским языковедением за счет лишь исторического развития соответствующей категории в истекшие 120 лет (стр. 133).

С лексикографической работой О. Н. Бётлингка, представленной в его «Jakutisch-deutsches Wörterbuch» связаны статьи Н. К. Антонова «О якутских основах неизвестного происхождения» (стр. 143—166), В. И. Рассадина «Бурятия в якутском языке» (стр. 167—179), И. Е. Иванова «Топонимы Якутии в труде О. Н. Бётлингка „О языке якутов“» (стр. 211—217) и А. К. Сивцева «Об этнонимах *саха*, *якут* и *нучча*» (стр. 180—185, делается попытка пересмотреть существующую этимологию самоназвания якутов *саха* в связи с эвенк. *саха* «смуглый»)¹⁶.

В. И. Рассадин, выделяя в якутском языке элементы, соотносимые с бурятскими и не имеющие аналогий в других тюркских языках, намечает некоторые «типологически общие модификации исконных праязучков в обоих языках»; он предполагает при этом, что «своеобразным толчком в развитии фонетических систем обоих языков, приведшим к одинаковым результатам», мог послужить некий «общий субстрат» (стр. 178).

Н. К. Антонов извлеч из «Jakutisch-deutsches Wörterbuch» 810 якутских имен-

¹⁵ См. также: Н. Е. П е т р о в, О. Н. Бётлингк и некоторые вопросы изучения служебных слов в тюркских языках, «Советская тюркология», 1972, 4.

¹⁶ Иные взгляды на этимологию этнонима см. в статьях Е. И. Убрятовой (стр. 23—24) и И. Е. Иванова (стр. 214). Здоровый дух дискуссии сказался также в том, что его участники выражают диаметрально противоположные мнения и в таком кардинальном для якутского языковедения вопросе, как происхождение якутского языка (ср.: П. П. Барашков, стр. 113, и Н. К. Антонов, стр. 166). Здесь можно пожалеть только об отсутствии необходимых при этом перекрестных отсылок. В этом, как и в ряде других моментов (особенно — в довольно частых стилистических и прочих погрешностях, среди которых весьма досадны ошибки в иноязычных примерах: **түгилчанимча* вместо узб. *тўғилганимча*, стр. 123, см. также стр. 225 и др.), проявилась недостаточность общей редакторской, а отчасти — и корректорской работы.

ных основ, которые, по его сведениям, не имеют иноязычных параллелей, и сгруппировал их по признакам количества слогов, употребительности, по значению (стр. 144, 145). Представляется, что к перечисленным целесообразно было бы добавить еще один признак — формальный. По нашим наблюдениям, к рядам слов из числа рассматриваемых вполне может быть применен компонентный анализ и как его разновидность — формантный анализ — уже на том основании, что слова, оканчивающиеся на определенные комплексы звуков, здесь далеко не единичны. Кстати, именно посредством выделения повторяющихся конечных комплексов пытался объяснить происхождение многих слов О. Н. Бётлингк. Вполне вероятно, что при подобном подходе удалось бы вычленил из некоторых «основ неизвестного происхождения» якутские или иноязычные словообразовательные аффиксы (на первый взгляд, таковыми кажутся *-ды/-ду*, *-лык/-нык/-нык*; *-вай/-хай*, *-гэй/-кэй*, *-бой/-сой*, *-гыр/-гир*, *-гыл/-кыл*; *-ис/-ыс* и проч.) и «обнажить» заимствованный корень [ср., например, на стр. 157: *кэн-ис* «обжора» — *кэн-сэ* «имеющий склонность охотно брать от других, но своего не давать» (сюда же *кэн-тэх* «ненасытный, жадный?»)]. Или на стр. 161: *юһуйа* «заливчик в реке» и *юһагай* «промоина, через которую речушка впадает в реку»].

При осуществляемом автором подходе далеко не все его выводы кажутся убедительными. В частности, вряд ли можно согласиться с тем, что «основы без иноязычных параллелей особенно многочисленны в группах основ отвлеченных понятий (? — Г. Б.) и прилагательных (всего 371), которые не могут относиться к

ядру основного словарного фонда якутского языка» (? — Г. Б.) (стр. 166). Не говоря уже о том, что в этой формулировке многое вызывает вопросы и сомнения, беспокоит также известная субъективность в отнесении многих слов к группе выражающих отвлеченные понятия. Сюда зачислены и такие слова, как, например, *далбар* «большой берестяной кумысный сосуд...», *кирчим* «весеннее голодное время» (стр. 149), *нөөкурук* «тюк, пучок» (стр. 156), нумеративы *удьурба*, *учурба* «пук, связка (табаку)» (стр. 164), *боһомо* «штука (голова) крупного скота», а также *бэристэх* «продажа мяса или масла... фунтами» (стр. 163). При более строгом семантическом членении слов, отнесенных автором к группе абстрактной лексики, эти подсчеты могут его подвести. Изменению количественных соотношений между выделенными группами слов, видимо, будет способствовать более полное использование имеющихся словарей и лексикологических исследований. Так, якут. *умна* «милостыня, подаяние» (стр. 150) Е. И. Убрятова связывает с др.-тюрк. *umdu* «желание, надежда»¹⁷, объясняя изменения в звуковом составе слова с позиций якутской фонетики: назализация *-d* — *umdu* > **umli*, переход конечного узкого гласного в широкий — **umli* > *umla*.

Рецензируемый сборник окажется весьма полезным для специалистов-тюркологов и найдет своего читателя в кругах всех тех, кому дорога история отечественного языкознания.

Г. Ф. Благова

¹⁷ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 611.

«Тюркологический сборник. 1972». — М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. 412 стр.

Рецензируемый сборник примыкает к циклу одноименных продолжающихся изданий, публикация которых началась более двадцатилетия назад¹. Все они увидели свет благодаря настойчивому труду сплоченного коллектива тюркологов, объединившихся вокруг Ленинградского отделения Института востоковедения

¹ См.: «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951 (был посвящен С. Е. Малову к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности); «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1963; «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970; «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972 (посвящен памяти В. В. Радлова); см. также: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963.

Академии Наук СССР и Восточного факультета ЛГУ, во главе с неперменным инициатором и ответственным редактором названных сборников чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононовым.

Сборники 1970, 1971 и 1972 гг. содержат преимущественно материалы Всесоюзных тюркологических конференций 1967—1969 гг., проходивших в Ленинграде и снискавших заслуженную популярность среди специалистов.

Как и большинство предыдущих выпусков, связанных с именами выдающихся отечественных тюркологов, рецензируемый сборник посвящается памяти первого русского востоковеда-лингвиста Платона Михайловича Мелиоранского (1868—1906). Столетие со дня рождения ученого было отмечено рядом докладов на III Тюркологической конференции в Ле-

нинграде 2—4 июня 1969 г. Все они публикуются в рассматриваемом сборнике наряду с проблемными и обзорными статьями по таким аспектам современной тюркологии, с которыми наиболее тесно связано научное наследие П. М. Мелиоранского.

Сборнику предпослан компактный и вместе с тем весьма информативный очерк А. Н. Кононова «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология» (стр. 7—17). Охарактеризовав основные вехи жизни и творчества ученого, «за свой очень короткий научно-исследовательский век — всего тринадцать лет, с 1893 по 1906 гг.», написавшего свыше сорока работ, «многие из которых вошли в золотой фонд тюркологии» (стр. 10), автор останавливается на оценке ставших классическими «Краткой грамматики казак-киргизского языка» (Ч. I—II, 1894 и 1897), «Араба филолога о турецком языке» и «Памятника в честь Кюль-Тегина» (1900), а также «Араба филолога о монгольском языке» (1904). Тюркологические труды П. М. Мелиоранского распределяются по семи разделам: 1) издание памятников арабского, рунического и уйгурского письма; 2) грамматика; 3) фольклор; 4) «Rossica-Turcica»; 5) историко-филологические работы; 6) транскрипция географических наименований; 7) рецензии преимущественно на языковедческие работы, где наиболее полно излагались воззрения ученого на методы и приемы лингвистического анализа.

Сам ученик В. В. Радлова, исследователь оставил после себя целую плеяду талантливейших питомцев факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, среди которых навсегда сохранятся в истории советской тюркологии имена А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и др. Ныне эта связь времен достойно осуществляется в работах современных отечественных тюркологов. В полном соответствии с известной характеристикой П. М. Мелиоранского как ученого, которая принадлежит акад. В. В. Бартольд², А. Н. Кононов заключает: «Несмотря на широкий диапазон своих научных интересов, а может быть и благодаря им, П. М. Мелиоранский был и осознавал себя прежде всего тюркологом-языковедом» (стр. 11—12).

Последующее содержание сборника организовано в четыре тематические рубри-

ки: «Языкознание», «Литературоведение и фольклористика», «Этнография, история» и «Хроника», из которых подробнее будет рассмотрена, естественно, первая.

Раздел «Языкознание» открывается обстоятельной статьей Э. Р. Тенишева «П. М. Мелиоранский — языковед» (стр. 18—23). Отмечая, что теоретические взгляды ученого формировались под влиянием классика неограмматики Г. Пауля, автор показывает, что собственно тюркологическое кредо П. М. Мелиоранского сводится к четырем методическим принципам: 1) строгому разграничению народно-разговорного и письменно-книжного языка; 2) последовательному историзму; 3) отказу от необоснованных типологических сопоставлений; 4) здоровому скептицизму по отношению к «алтайской теории» (стр. 23). Основным же заветом П. М. Мелиоранского будущим поколениям тюркологов-компаративистов было создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, что и реализуется на нынешнем этапе развития нашей науки.

А. М. Шербак в статье «П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности» (стр. 24—35) показал, что ученый ставил перед собой ряд связанных друг с другом задач: критическое издание древне- и среднетюркских текстов, исследование их языка, уточнение методов и приемов филологического и историко-лингвистического анализа. Призывая коллег к четкой интерпретации графических особенностей памятников, исследователь считал совершенно недостаточной одну их транслитерацию и неоднократно подчеркивал необходимость фонетических реконструкций при публикации тюркоязычных текстов. При этом П. М. Мелиоранский всегда высоко оценивал заслуги пионеров тюркской текстологии — даже в случаях расхождений с ними в трактовке языковых элементов.

Работа ныне покойной А. И. Попова «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизов в русском языке» (стр. 36—50) посвящена детальному разбору трех статей ученого из цикла *Turco-Slavica*, вызвавших в 1902—1905 гг. полемику с Ф. Е. Коршем. Всего П. М. Мелиоранский проанализировал 45 лексических единиц древнерусского языка домонгольского времени, имеющих восточное (преимущественно тюркское) происхождение. Этимологии двадцати из них (например, *клубукъ*, *кумыз(а)*, *курганъ*, *сань*, *товарь*, *чертогъ*), по мнению А. И. Попова, сохраняют полноценное научное значение. Статья призывает тюркологов и славистов к внимательному изучению трудов П. М. Мелиоранского, что значительно уменьшит число всякого рода ошибок и неточностей в интерпретации элементов древнерусской лексики в той их части, которая восходит к ориентализмам. Так, термин *сайгатъ*, впервые правильно объясненный Н. Г. Чернышевским и подтверж-

² Ср. также слова Н. К. Дмитриева, блестящего представителя сразу двух тюркологических школ — московской и ленинградской: «Это был наиболее последовательный лингвист среди тюркологов, человек, обладавший тонким филологическим методом» (Н. К. Дмитриев, Труды русских ученых в области тюркологии, в кн.: «Уч. зап. МГУ», 107 — Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, III, кн. 2, 1946, стр. 67).

денный П. М. Мелиоранским в значении «доля добычи, подарок из трофеев старшему лицу», до последнего времени неправильно толкуется составителями терминологических и этимологических словарей русского языка³. Особенно «не повезло» двум лексемам из «Слова о полку Игореве»: *кочь* «баран; хребрец» — несомненный тюркизм, не попавший в поле зрения П. М. Мелиоранского и не учтенный М. Фасмером, а также часто комментируемый как «раб, пленник» *кощей*⁴ — в действительности же он восходит к тюрк. *кошчи* «обозник; пахарь». Примечательны попытки А. И. Попова по-новому — после П. М. Мелиоранского — прочесть отдельные «темные места» в «Слове о полку Игореве»: *карна* «труба, рожок» (из иран. через посредство куманск.); *попущеть* «омрачиться, сердиться» из *пущ* (< турецк.); *басты* «главный, главарь» герр. «великий» (< казах.); *орьтма* от *артмак* «переметная сума, выюк» (< половецк.) и пр.

В статьях Г. Ф. Благовой «П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии» (стр. 51—61) и «Вариантные заимствования *тукор* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке» (стр. 93—140) содержится большой фактический и библиографический материал о вкладе ученого в исследование тюркских апеллятивных имен. Убедительно доказано, что основные линии тюркологических штудий Мелиоранского оказались как бы спроецированными на не существовавшие тогда еще лингвистические дисциплины — топонимику и этнонимику.

В первой статье рассказано о плодотворной деятельности ученого в составе Подкомиссии по транскрипции географических наименований при ИРГО (1904—1906), куда он представил свои соображения о системе обозначений для 40-верстной карты Европейской России. Чрезвычайно важными представляются пределы этимологизации и, как следствие ее, фонетизации топонимов, установленные П. М. Мелиоранским. Он, в частности, предпочитал употреблять башкирские и татарские основы без русских окончаний: дер. *Терекли* вместо *Тереклинская*, оз. *Чабар кјул* вместо *Чабаркульское* и под. Заметим, что современная карта тюркского Урало-Поволжья узаконила подачу указанных написаний именно в формах, близких к рекомендациям П. М. Мелиоранского.

Во второй статье Г. Ф. Благова, отталкиваясь от традиционного для отечественного востоковедения неразличения по смыслу терминов *тукор* и *тюрк*, которого придерживался и П. М. Мелиоранский, прослеживает почти тысячелетний путь

к становлению обобщающего имени тюркоязычных народов в русском языке. Данное разыскание Г. Ф. Благовой примыкает к обширному циклу ее исследований в области тюркской этнонимии, представляющих значительный лингво-историко-этимологический и культурно-филологический интерес⁵.

Две статьи языковедческой части рецензируемого сборника носят обзорный характер и посвящены лингвистическому изучению памятников тюркской письменности (статья Д. М. Насилова, стр. 62—68) и исследованиям по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв. (статья В. Г. Гузева, стр. 69—92). Автор первой из них, Д. М. Насилов, критически анализирует ряд лингво-исторических работ, в том числе и тех, которые прослеживают отдельные грамматические категории в некий отрезок времени, доказательно раскрывает безотлагательную необходимость и плодотворность системного подхода к изучению грамматических категорий в языке письменных тюркских памятников, исследованию которых П. М. Мелиоранский придавал первостепенное значение. Конкретным образцом такого подхода названа монография С. Н. Иванова «Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана» (Ташкент, 1969).

В. Г. Гузев в своем обзоре в числе других важнейших трудов по староанатолийскому языку подробно рассматривает замечательное сочинение П. М. Мелиоранского «Араб филолог о турецком языке». В обзоре разделяется мнение Мелиоранского о том, что анализ фонетических особенностей языка малоазийско-огузских памятников даст надежные результаты, если при этом в должной мере учитываются данные текстов, написанных арабией, их транскрипция и трудов грамматистов XI—XVII вв. Статья В. Г. Гузева насыщена разнообразной информацией о работах отечественных и зарубежных османистов, в том числе и о труднодоступных источниках.

Хотя остальные части сборника уместнее рецензировать не в лингвистическом журнале, целый ряд литературоведческих и исторических статей включает в себя либо тексты, интересные для языковеда-тюрколога, либо специальный анализ отдельных терминов. Таковы большая статья В. М. Жирмунского «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса „Едигей“» (стр. 141—185); публикация из научного архива А. Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, запи-

⁵ См. серию ее статей в следующих изданиях: «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969; «Народы Азии и Африки», 1970, 1 сб. «Этнонимы», М., 1970; «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972; «Советская тюркология», 1973, 4; ВЯ, 1974, 1.

³ См., например: М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1971, стр. 545.

См.: там же, II, М., 1967, стр. 362.

санный Н. Хакимовым» (стр. 186—211); комментированный перевод отрывка из трактата Алишера Навои «Мизан ал-авзан» в статье И. В. Стеблевой «О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии» (стр. 218—230); описание Л. Ю. Тугушевой поэтических памятников древних уйгуров (стр. 235—253). В связи с отчетом С. Г. Кляшторного об итогах полевых исследований 1968—1969 г. в Монголии (стр. 254—264) следует всецело поддержать инициативу его автора о необходимости критического издания «Корпуса древнетюркских надписей». Здесь же впервые публикуются рунические надписи на зеркале из Верхнего Прииртышья и на монете из Монголии (стр. 306—315 и 334—338). Столь же насыщен материалами, впервые вводимыми в научный оборот, раздел «Этнография, история» (стр. 254—395).

Сборник завершают список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем (составила Н. А. Дулина, стр. 396—402)⁶, а также хроника «Третья тюркологическая конференция» (В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева, стр. 403—412).

⁶ Как любезно сообщил нам Ф. Д. Ашнин, список следовало бы дополнить важным комментарием П. М. Мелиоранского к публикации В. В. Бартольда «Древнетюркские надписи и арабские источники», где речь шла о генезисе тюркского презенса на *-ур, -ур, -ыр, -ир, -р <-ар, -ар?* (см.: В. В. Бартольд, Соч., V, М., 1968, стр. 287—288).

Представляется необходимым снабжать каждый сборник смешанного содержания сводными индексами лексем (а по возможности — и морфем), анализируемых на его страницах. Иногда к этим указаниям, помогающим быстро найти слово, способное заинтересовать читателя, можно было бы присовокупить краткий квалифицированный комментарий, этимологическую справку, выполненные на уровне современной науки и призванные согласовывать между собой сведения об этих словах, сообщаемые разными авторами. К примеру, на стр. 179 рецензируемого сборника исторический антропоним *Идиге* (*Идику, Идүге*) «Едитей» объясняется как связанный с монг. *идуг* «сапог», а на стр. 188 воспроизводится другая форма этого же имени *Идюкю* — предположительно из карахандско-кашгарского *эдгю, идгю* «добрый, хороший».

«Тюркологический сборник. 1972» — достойный вклад в изучение научного творчества замечательного русского тюрколога П. М. Мелиоранского. Хотелось бы надеяться на то, что издание подобных мемориальных сборников или коллективных трудов типа *Festschrift*, посвящаемых выдающимся деятелям тюркологии, станет ежегодной традицией. Нет сомнения в том, что дающие основные материалы для «Тюркологических сборников» конференции тюркологов в Ленинграде будут и впредь способствовать прогрессу этой отрасли советской науки.

Т. М. Гарипов

В. Т. Коломиец. Развитие лексики слов'янских языков в послевоенный период. — Киев, «Наукова думка», 1973, 304 стр.

Изменения, происшедшие в лексике и словообразовании славянских языков за послевоенный период, нашли свое отражение преимущественно в работах частного характера. До последнего времени не было обобщающего исследования, посвященного вопросу развития лексики славянских языков в послевоенный период. С появлением книги В. Т. Коломиец «Развитие лексики славянских языков в послевоенный период» восполняется этот значительный пробел. Лексика и словообразование изучаемого периода далеко не для всех из современных славянских языков исследованы с надлежащей полнотой; общая картина языкового развития освещена недостаточно равномерно. Вполне понятны трудности, которые возникали перед исследователем этой сложной и важной проблемы.

Автор монографии ставит перед собой цель проследить развитие лексики и словообразования в восьми славянских язы-

ках за последние 25 лет. Помимо ценности подобных исследований для описательного и типологическо-сопоставительного изучения славянских языков, не вызывает сомнения также их важность для решения одного из кардинальных вопросов общего языкознания — о характере и причинах языковых изменений. Вместе с тем, поскольку объектом исследования является наиболее подвижный и чувствительный ярус языковой структуры — лексика, в славянских языках тесно связанный со словообразованием, это дает возможность частичного освещения другого важного вопроса — о влиянии изменений в обществе на изменения в лексике и — опосредствованно — в грамматике как одного из проявлений более широкой проблемы взаимосвязи языка и общества. Выбор периода, освещаемого в исследовании, дает возможность максимально достоверно воспринимать факты. Этот выбор интересен

и тем, что вхождение именно в это время западно- и южнославянских народов в мировую социалистическую систему обусловило целый ряд аналогичных или близких социальных преобразований в соответствующих странах, нашедших свое отражение в лексике.

В главе «Теоретические основы исследования» (стр. 3—42) автор рассматривает, в частности, задачу изучения лексико-семантических изменений в современных славянских языках и освещает вопрос о понятии неологизма, отдавая предпочтение сугубо хронологическому критерию при его определении. Считая идеальным проведение сопоставительного исследования послевоенных изменений лексики во всех двенадцати современных славянских языках, автор обосновывает свой выбор восьми из них (русского, украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, болгарского и сербскохорватского) и отказ от обследования остальных четырех (верхнелужицкого, нижнелужицкого, словенского и македонского) меньшей распространенностью последних и связанной с этим меньшей их освещенностью в предшествующих исследованиях. Разделяя соображения автора о целесообразности подобного ограничения, нельзя тем не менее вполне согласиться с некоторыми моментами ее аргументации (стр. 8—9). В частности, представляются излишними оправдания в отсутствии среди обследуемых македонского языка, поскольку он получил статус литературного лишь в конце второй мировой войны и не представляет материала для выявления в нем неологизмов — он сам является своего рода послевоенным «неологизмом» на лингвистической карте славянских языков и оказывается за рамками исследования. При наличии подобной оговорки, возможно, было бы весьма интересным, как полагает и автор, специальное исследование послевоенных изменений в области лексики, семантики и словообразования серболужицких и словенского языков. Эти языки характеризуются одинаковыми исходными моментами развития (приблизительно одно время появления первых памятников — в основном с XVI в., связь с Реформацией, сильное немецкое влияние). Дальнейшие расхождения были связаны в значительной мере с внешнелингвистическими факторами. Вместе с тем нет оснований противопоставлять эти три языка остальным современным славянским языкам. Последнее в большей мере допустимо по отношению к серболужицким языкам (особенно нижнелужицкому), испытывающим, как ни один из современных славянских языков, воздействие интерференции. Словенский же язык, несмотря на относительно небольшое число говорящих на нем (несколько больше 1 млн.), является весьма развитым и имеет разнообразные функции.

Большое место в той же главе отведено вопросу о состоянии освещения послевоенных изменений в лексике рассматриваемых славянских языков. Здесь наряду с исчерпывающим списком соответствующих работ дается их критический обзор.

Автор убедительно обосновывает в качестве основного метода собирание материалов не непосредственно по первоисточникам, а из работ исследователей, родными языками которых являются соответствующие славянские языки (стр. 37—39). Исключение делается только для двух славянских языков (белорусского и сербскохорватского), где число соответствующих исследований невелико.

Наиболее сложной и богатой по содержанию является глава «Послевоенные изменения в составе лексики славянских языков» (стр. 43—236), на которую приходится около двух третей объема книги. Здесь рассматриваются следующие вопросы: 1) соотношение процессов отмирания и возникновения слов в современных славянских литературных языках; 2) категории отмирающей лексики в славянских литературных языках послевоенного периода; 3) лексические неологизмы неспециальной семантики в славянских литературных языках; 4) лексические неологизмы специальной семантики в славянских литературных языках; 5) рост употребительности отдельных категорий существующих слов. Глава отличается чрезвычайным богатством и разнородностью собранных и в основном убедительно и глубоко истолкованных фактов. Особую ценность в этой интерпретации представляют цифровые данные, показывающие как количество зафиксированных по отдельным славянским языкам примеров той или иной группы лексических неологизмов, так и их долю среди неологизмов в процентах. Эти данные позволяют со всей доступной точностью представить динамику формирования отдельных групп лексики в целом и специфику их развития в отдельных славянских языках.

Очень интересен, в частности, раздел о категориях отмирающей лексики в славянских литературных языках, где прослеживаются причины отмирания лексики и намечаются разные ее группы в литературных славянских языках изучаемого периода. Автор убедительно показывает явный перевес процесса новообразования в лексике славянских литературных языков над процессом выпадения устаревших слов, приводящий к неуклонному обогащению лексики. Это утверждение вполне обоснованно для рассматриваемых языков в данный период, как и вообще для литературных языков, развитие которых идет по восходящей линии. В теоретическом же отношении важно иметь в виду и возможность противоположно-

го случая, когда в силу действия экстралингвистических факторов происходит деструкция, упадок, постепенное «иссыкание» в прошлом нередко даже высокоразвитых и влиятельных языков, их функциональное нисхождение вплоть до роли более или менее обособленной и расчлененной группы диалектов (нижненемецкий, фризский среди германских языков; провансальский и фриульский — иначе ретороманский в Италии — среди романских; по-видимому, в известной мере сопоставимы с ними среди славянских языков выделяемый сугубо лингвистически поморский, известный в двух близких разновидностях — кашубской и словинской, и — менее надежно — полабский как реликтовый осколок возможного в прошлом наддиалектного языка западнолехитского племенного союза). Большое количество интересных наблюдений находим в подразделе о неологизмах абстрактной семантики (раздел о неологизмах специальной семантики), а также в разделе, посвященном лексическим неологизмам специальной семантики.

По поводу других мест главы можно сделать только несколько частных замечаний.

Стр. 50. Так, вряд ли в число слов, выпавших из употребления в украинском языке, есть основание вводить слово *малорос*, реальное существование которого в украинском языке дореволюционного периода весьма сомнительно (ср. в связи с этим, в частности, свидетельство двух наиболее полных и авторитетных дореволюционных словарей украинского языка — «Словаря української мови» Б. Григченко и «Малорусько-німецького словаря» Е. Желеховского; ни один из них этого слова не фиксирует). Очевидно, данное слово проникло в словарь украинского языка как заимствование из русского языка (от русского *малорос*) уже после революции и, таким образом, представляет собой в современном украинском языке своеобразный экзотизм, отражающий действительность дореволюционной России, в частности, бытовавшие в официальном употреблении этнонимы.

Стр. 53. Слово *освітянин* «работник народного образования» (от укр. *освіта* «образование, просвещение»), которое автор считает в настоящее время выпавшим из употребления в украинском языке архаизмом, именно в последние годы вновь приобрело права гражданства среди учителей на Украине (ср., в частности, его довольно частое употребление на страницах органа Министерства просвещения УССР «Радянська освіта»).

В связи со случаями возможных значительных расхождений во времени реального появления в литературном языке и фиксации в языковедческих работах, видимо, следует не вполне согласиться

также с исследовательницей в более общем вопросе, а именно, в ее, по нашему мнению, слишком резком противопоставлении неологизмов и архаизмов (стр. 45—46): появление первых она рассматривает как «прыжок из небытия... к наличию» в противоположность постепенному отмиранию архаизмов. Видимо, сравнение это, вполне уместное в отношении появления большинства новейших терминов (но не вхождения их в общенародный язык), требует серьезных оговорок в отношении неологизмов специальной семантики, для которых характерно часто более постепенное вхождение в литературный язык. Возможно, принятие этой оговорки могло бы частично объяснить, например, отмечаемое в книге «отставание» русского языка от польского в количестве специальных неологизмов абстрактной семантики (374 при 449 в польском языке), вызванное, вероятно, более строгим нормализаторским отсеком реально существующих в разговорном варианте русского литературного языка неологизмов, чем это имеет место в польском языке.

В главе «Основные тенденции развития словообразования славянских языков в послевоенный период» (стр. 237—300) в двух основных разделах рассматриваются следующие вопросы: 1) источники пополнения лексики современных славянских языков; 2) собственные образования славянских языков послевоенного периода (самостоятельных и калькированных). Глава характеризуется богатством привлеченных языковых фактов, преимущественно правильно оцененных с точки зрения хронологии и хорошо систематизированных. Внимательный анализ языковых данных, обильно представленных во всем выделяемым словообразовательным группам, позволяет автору, как и в предшествующей главе, прийти к целому ряду интересных обобщений и выводов, ценных в теоретическом отношении. В частности, это касается раздела об источниках пополнения лексики современных славянских языков, где рассматриваются такие пути пополнения лексики, как заимствование, калькирование, словообразование с помощью заимствованных основ и аффиксов и собственных словообразовательных средств. Много ценных наблюдений и мыслей находим в разделе, посвященном собственным образованиям славянских языков (ср., в частности, интересный вывод о большей по сравнению с сербскохорватским и западнославянскими языками роли словосложения в болгарском и восточнославянских языках, о значении аффиксального словообразования в западнославянских языках и т. д.). Важное значение в главе имеет, в частности, убедительно аргументированная мысль о сохранении славянскими языками значительной степени общности в словообразовании, восходящей в конечном счете

к тенденциям, унаследованным от праславянского периода, а также отмечаемые случаи продуктивности части именных суффиксов (в особенности в терминологическом словообразовании), нередко совпадающих в славянских языках, при ограничении продуктивности остальных. Интересно наблюдение над ограниченным числом новых суффиксов, которые все возникли на основе заимствований.

Теоретические положения автора, серьезно продуманные и мотивированные, и приводимый фактический материал в большинстве случаев, как и в предшествующих главах, возражений не вызывают. По поводу их следует высказать лишь несколько критических замечаний, в основном не затрагивающих главных положений автора.

В частности, нельзя согласиться с категоричностью утверждения о том, что кальки вполне совпадают с собственными образованиями и полностью отражают распространенные наиболее продуктивные словообразовательные модели (стр. 238), тем более, что приводимый фактический материал и выводы автора вступают в известное противоречие с этим положением, явно требующим оговорки. Как показывают многочисленные факты из истории различных языков, в том числе содержащиеся в книге и правильно интерпретируемые автором (ср. мысль о развитии и распространении сложных слов в болгарском и восточнославянских языках под влиянием греческого), ориентация на особенности словообразования калькируемого языка может способствовать в калькирующем языке развитию продуктивности словообразовательных тенденций, вообще для него нетипичных.

В отношении продуктивности словообразования в восточнославянских и болгарском языках по сравнению с его меньшей поцелулярностью в западнославянских и сербскохорватском следует принимать во внимание не только положительный фактор греческого влияния на первые (при большей слабости его в отношении вторых) (стр. 260), но и менее отрицательное отношение носителей первых к немецким словообразовательным моделям, в частности, к продуктивным

в немецком языке сложным словам. Это способствовало более свободному проникновению калек немецких сложных слов (и вообще сложных слов) в восточнославянские языки и болгарский язык.

Стр. 239. Белорусское *аўталаўка* «автолавка» является не калькой, а заимствованием из русского языка; белорусск. *лаўка* имеет значение «скамейка», а понятие «лавка» передается белорусск. *крама* (следовательно, в случае калькирования должно было бы возникнуть слово «аўтакрама»).

Стр. 240. Укр. *різноробочий* «разноробочий», очевидно, является не калькой, а полукалькой (частично калькируемым заимствованием); ср. русск. *рабочий*, укр. *робітник*, редко (как сущ.) *робочий* — хотя в роли прилагательного укр. *робочий* вполне нормативно (ср.: *робочі руки* «рабочие руки»). Несомненной калькой в данном случае является *різнороб* (русск. *разнорабочий*), образованное по образцу уже имевшихся украинских образований, — ср. *чорнороб* (русск. *чернорабочий*), *хлібороб* (русск. *хлебопашец*, а также заимствованное из украинского и частично калькированное *хлебороб*).

Стр. 243. Русск. *апартеїд* — слово не английского происхождения, а заимствование (очевидно, через английский язык) из языка африкаанс (бурского), распространенного в Южно-Африканской Республике (ср. афр. *apartheid*). Своей формой в русском языке оно обязано, по всей видимости, ошибке (ср. его правильную русскую передачу *апартейд*, получившую меньшее распространение).

Отмеченные места, представляющиеся спорными, менее удачными либо требующими уточнений, занимают в книге весьма небольшое место. Не затрагивая, как правило, основных теоретических положений автора, высказанные критические замечания не могут существенно повлиять на общую высокую оценку рецензируемой книги, которая во многом опережает аналогичные работы в отдельных славянских языках и служит стимулом для дальнейших разысканий в соответствующих областях славянского языковедения.

О. Б. Ткаченко

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

В Амстердаме вышел в свет первый номер журнала «*Historiographia linguistica*». Новый журнал ставит своей задачей обсуждение различных вопросов, связанных с историей развития лингвистической мысли. Предполагаемая периодичность издания — три выпуска в год. Каждый выпуск должен включать в себя не менее трех статей и одного критиче-

ского обзора, аннотированную библиографию по специальной теме, а также ряд рецензий. В состав редакционной коллегии входят ученые из различных стран; главный редактор журнала — известный лингвист-историограф Э. Кёрнер. В качестве рабочих языков приняты английский, немецкий и французский.

Первый выпуск посвящен памяти ос-

нователя и редактора международного журнала по общему языкознанию Ф. Техмера (краткий библиографический обзор его творческой деятельности Э. Кёрнер намерен представить в одном из последующих выпусков). Основные разделы номера предваряются редакционной статьей, освещающей цели нового издания и сферу его интересов. Статья Р. Х. Робинса, открывающая первый раздел, посвящена одной из так называемых «вечных» тем лингвистики — рассмотрению двух противоположных приемов лингвистического описания: ориентации на факты (data-orientation) и ориентации на теорию (theory-orientation). На примере трех периодов развития европейского языкознания (античность, средние века и XVII—XVIII вв.) автор показывает различные формы проявления двух контрастирующих направлений в изучении языка. Он отмечает также, что тема эта не утратила своей актуальности и в наши дни, и оба метода вносят свою лепту в развитие науки о языке. В статье П. Вундерли ставится вопрос о преемственности идей Ф. де Соссюра Г. Гийомом и его последователями. Анализируя основные аспекты лингвистической теории Г. Гийома, автор аргументированно демонстрирует ее главные отличия от концепции Ф. де Соссюра. Третья статья раздела, написанная У. Рикеном, каса-

ется некоторых моментов возможной связи политики с лингвистической теорией (речь идет о сенсуалистической критике У. Домергом теории «естественного» словоупорядка во французском языке, отстаиваемой Антуаном де Риваролем во времена Французской революции). Завершается первый раздел «Аннотированной хронологической библиографией истории лингвистической мысли на Западе, 1822—1972», составленной Э. Кёрнером (в этом выпуске опубликована 1-я часть, охватывающая 1822—1915 гг.). Критический обзор Б. Г. Дэвиса посвящен книге К. Р. Янковского «Младограмматики: переоценка их места в развитии лингвистики» (издана в Гааге в 1972 г.). Широко представлен в номере и отдел рецензий. Объектом внимания исследователей явился, например, труд «Язык и психология: исторические аспекты психолингвистики» А. Блументаля и некоторые другие материалы. Заканчивается выпуск разделом «Miscellanea», где помещаются различного рода небольшие заметки. Кроме того, прилагается список книг, полученных редакцией.

Думается, что новый журнал будет полезен для всех, кто интересуется историей развития лингвистики.

Д. А. Бейлина

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Со 2 по 5 октября 1973 г. в Карловом университете в Праге проходило третье заседание Международной Комиссии по славянским литературным языкам, посвященное изучению славянских литературных языков эпохи возрождения. Это заседание совпало с конференцией, организованной философским факультетом Карлова университета по случаю 200-летия со дня рождения выдающегося деятеля чешского возрождения прошлого века Йозефа Юнгмана.

В деятельности конференции принимали участие все члены комиссии (кроме заболевшего акад. И. К. Белододеда), ряд иностранных ученых, представители общественной и культурной жизни страны, сотрудники чешских и словацких университетских и академических учреждений. Заседание было открыто вступительным словом председателя Комиссии А. Едлички, вводными словами проректора Карлова университета В. Рзюнка, декана философского факультета В. Раба, председателя Чехословацкого комитета славистов акад. Б. Гавранка и зарубежных гостей (чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина и Р. Оти). Деятельность конференции сосредоточилась на двух тематических циклах: 1) славянские литературные языки в эпоху народного возрождения, 2) Йозеф Юнгман и чешское языковое возрождение.

При обсуждении первого круга вопросов были затронуты общие вопросы истории литературных языков, в особенности проблематика исторического отграничения общего понятия литературности и критериев выделения понятия «литературный язык», вопросы непрерывного и прерывного развития литературного языка, теории контактов литературных языков и развития их словарного состава.

Ф. П. Филин (Москва) в докладе «О начальных истоках русского литературного языка» показал актуальность вопроса об условиях возникновения и начальных этапах развития литературных языков¹.

Вопросам русского литературного языка нового времени был посвящен доклад Г. Хютль-Ворт (Вена) «О проблемах формирования русского литературного языка конца XVIII в.». В докладе было обращено внимание на некоторые сходные моменты в развитии чешского литературного языка эпохи возрождения и русского литературного языка конца XVIII и начала XIX в. При всем различии исторической ситуации имелись и некоторые сходные моменты в процессах становления нормы в области грамматики, а особенно словарного состава и словообразования. Докладчица остановилась далее на участии церковнославянских и русских элементов, а также западноевропейских влияний в становлении русской литературной нормы нового времени. Изменяющаяся роль этих составляющих вела к определенному изменению внутренних соотношений в русском литературном языке. Старая оппозиция «славянорусский язык — народный русский язык» в конце XVIII в. превратилась в оппозицию «славянорусский язык — европеизированный русский литературный язык», которая в начале XIX в. в свою очередь вылилась в оппозицию «европеизированный литературный язык — русский литературный язык на народной основе».

В дискуссионном выступлении по обоим докладам Л. В. Копецкий (Прага) подчеркнул необходимость различать понятия «письменный язык» и «литературный язык». Для периода XVIII в. важно исследовать и язык мемуарной литературы, которая может дать материалы для изучения разговорного языка. Акад. Б. Гавранек (Прага) указал также на важность различения языка письменности и литературного языка и обратил внимание на значение так называемого культурного языка при изучении как дописьменного периода, так и дальнейших этапов развития литературных языков. Вл. Барнет (Прага) говорил о возможности использовать при рассмотрении проблематики возникновения русского литературного языка, кроме структурного аспекта, и аспект функциональный, направленный на выявление определенных коммуникативных сфер в отдельные периоды развития литературного языка и

¹ Подробнее см.: Ф. П. Филин, Об истоках русского литературного языка, ВЯ, 1974, 3.

их реализации соответствующими языковыми разновидностями. Введенное Г. Хютль-Ворт понятие модели имеет свою конкретную реализацию, в результате чего создается поле стилистических возможностей языка. Р. Оти (Оксфорд) напомнил, что объем и содержание понятия «литературный язык» исторически менялись, и предложил говорить о функциональных вариантах; например, церковнославянский язык воспринимался в древней Руси как русский, но в качестве его высокого варианта. Ф. П. Филин считает понятие литературного языка актуальным и для наиболее древнего периода, однако в отдельные периоды развития литературного языка его функциональный диапазон был неодинаков. Г. Хютль-Ворт в ответном слове сказала, что возникновение русского литературного языка нового времени можно рассматривать, с одной стороны, как синтез церковнославянской, русской и западноевропейской стихий, а с другой — как возникновение качественно новой русской литературной нормы.

В ряде докладов освещался вопрос о непрерывном и прерывном развитии языка. Б. Конески (Скопье) в докладе «О некоторых церковнославянских элементах в устной традиции в Македонии в XIX в.» говорил о сосуществовании двух письменных вариантов, из которых один сохранял связь с церковнославянской традицией, другой же не был с ней связан. При формировании нового македонского литературного языка сказало действие усиления грецизации южной Македонии.

А. И. Журавский (Минск) в докладе «Народная диалектная основа нового белорусского литературного языка» возражал против попыток представить развитие белорусского литературного языка как непрерывное. Он показал его прерывность на примере характера письменности и ее жанров в Белоруссии середины XVII в.

Хорватским отношениям, как показал Л. Йонке (Загреб) в докладе «Иллирийский тип книжного языка в период хорватского народного возрождения», были свойственны объединительные тенденции, целью которых было преодоление множественности в литературном употреблении (кайкавская, чакавская и иекавская / икавская штокавская письменность).

Доклад А. Младеновича (Нови Сад) «Постепенное распространение кириллической реформы В. Караджича в первой половине XIX в.» касался причин неравномерности принятия графической системы В. Караджича и роли графических систем в решении языковой проблематики славянского возрождения.

В дискуссии по докладу Б. Конеского Д. Брозович (Задар) обратил внимание на позицию самих носителей языка,

которая могла стать определяющим моментом в отношении к предшествующей письменной традиции; самый факт истолкован как проявление лишь пассивного знания славянской письменности. С. Гержман (Прага) на македонском материале привел примеры широких межславянских связей и обратил внимание на то, что задача интеллектуализации литературного языка часто ограничивает значение устных традиций при возникновении литературных языков нового времени.

Болгарское языковое возрождение было подробно освещено в докладе Л. Андрейчина (София) «Современный болгарский литературный язык как продукт болгарского возрождения». Докладчик охарактеризовал языковую ситуацию перед эпохой возрождения и ее культурно-политический фон и показал, что ориентация новоболгарского литературного языка на народную основу была мотивирована сильной общественной активизацией народных масс. Значительной была роль и других литературных языков, особенно русского. Картина болгарских отношений была дополнена докладом С. Иванчева (София), который, приводя аналогичные факты чешского языка эпохи возрождения, указал на значение заключительного этапа формирования литературных языков прежде всего для области профессиональной терминологии. Выступая по обоим докладом, С. Гержман указал на необходимость постоянно иметь в виду взаимозависимость явлений, даже и в случае их разного происхождения, исследовать контакты, на основе которых возможно сопоставительное изучение языкового возрождения у славян.

Теории контактов литературных языков был посвящен доклад Д. Брозовича «Чешский стандартный язык как эталон в эпоху славянского возрождения», в котором излагались основы сопоставительного типологического изучения славянского языкового возрождения. На примере русского и чешского языков докладчик подробно осветил факторы, которыми определяется выбор одного из них как образца для стандартизации других славянских литературных языков. В дискуссии этот доклад был дополнен выступлением Б. Погорелец (Люблина), которая указала на социологические факторы, обусловившие связь словенского возрождения с чешским. Ст. Урбанчик (Краков) говорил о чешском влиянии на литовский язык; чешского же влияния на польский язык не было, поскольку в эпоху чешского возрождения в польском литературном языке были свои задачи, из которых на первом месте стояла задача модернизации языка.

Важным вопросам лексикологии и лексикографии славянского языкового возрождения были посвящены доклады польских членов комиссии. Ст. Ур-

банчик в докладе «Польская просветительская лексикография» представил краткий обзор основных лексикографических трудов начиная с XV в. и подробно остановился на значении словаря Линда в славянском мире. Д. Бутлер (Варшава) в докладе «Развитие польского словарного состава в XIX в.» подробно осветила разнообразные лексико-семантические и стилистические процессы, которые во второй половине XIX в. привели к стабилизации словарного состава польского литературно языка нового времени.

Естественно, что доклады и выступления в дискуссии по первому тематическому циклу не могли охватить все вопросы, связанные со славянским языковым возрождением; по некоторым из них были высказаны новые взгляды и предложены новые решения. Основное же значение работы комиссии состояло в разработке теоретических основ для дальнейшего сопоставительно-типологического изучения этих вопросов.

При обсуждении второго тематического цикла были затронуты вопросы, связанные с чешским языковым возрождением первой половины XIX в., и прежде всего с языковой и языковедческой деятельностью И. Юнгмана. В имеющихся исследованиях уже выполнена общая характеристика роли И. Юнгмана в чешском языковом возрождении: его заслуги в определении потребностей современной ему чешской языковой коммуникации (Юнгман отстаивал традиционную грамматическую норму, кодифицированную И. Добровским, но выступал с программным требованием содержательного обогащения чешского словарного состава из разных источников, в особенности же путем заимствования из славянских языков), показана роль его стихотворных переводов в формировании чешского поэтического словаря, его организационная и творческая деятельность в формировании новой чешской терминологии. Доклады, представленные на конференции, во многом расширили и дополнили имеющиеся знания, наметили перспективы дальнейших исследований.

Обсуждались прежде всего следующие вопросы: 1) социальные корни чешского возрождения и роль отдельных деятелей; 2) отношение взглядов И. Юнгмана и И. Добровского, черты сходства и различия в их концепциях и отношение следующего поколения деятелей возрождения (представленного — во взглядах на потребности языковой коммуникации — прежде всего И. К. Тылом) к концепции Юнгмана; 3) отношение И. Юнгмана к славянскому миру и сопоставление его взглядов со взглядами представителей возрождения в других славянских странах; 4) концепция литературного языка Юнгмана; его взгляды на нормы литературного языка и его стилистическую дифферен-

циацию; 5) проблематика стихотворных переводов Юнгмана и других переводов эпохи возрождения; 6) славянизмы в терминологии возрождения; 7) общая оценка и детальная характеристика основной сферы деятельности Юнгмана — развития чешского словарного состава. Решение этих вопросов определяется новыми достижениями теории литературного языка, опирающимися на разработку проблематики отношения языка и общества. По этим вопросам было сообщено много нового материала, выводы докладчиков способствовали углублению сопоставительных славистических и общезыковедческих исследований.

Во вводном докладе по этому тематическому циклу В. Кржистек (Прага) показал общественные истоки чешского возрождения, указал на то, что Юнгман хорошо понимал сущность языка как общественного явления, он понимал народный язык как определяющий признак народности, причем принимал его в его делении на литературный язык, диалект и нелитературные образования. В развитии чешского литературного языка Юнгман выдвигал требование непрерывности.

Понимание языка как явления общественного не противоречит признанию того, что на развитие и формирование литературного языка в данных общественно-политических условиях значительное влияние могут оказывать представители народного коллектива (филологи, мастера слова, публицисты). Решительное влияние на определение путей дальнейшего развития чешского литературного языка эпохи возрождения имели И. Добровский и И. Юнгман. Понятно, что о взаимоотношениях двух великих деятелей на конференции говорили многие выступавшие (В. Кржистек, Б. Гавранек, Р. Оти, А. Едличка). Было согласно отмечено, что это конгенитальные научные деятели, языковедческая деятельность которых органически связана, взаимно дополняет одна другую и преодолевает барьер поколений, известную разницу во взглядах. Несмотря на эти отличия, их деятельность во многом способствовала развитию чешского языка. Общим для них было и то, что они действовали не в одиночку, но были окружены научными приверженцами. Р. Оти в своем выступлении подчеркнул, что Добровский и Юнгман приняли определенную концепцию литературного языка — культивирования классического языка — в отличие от другой концепции, представленной в деятельности Вука Караджича и Л. Штура, в соответствии с которой кодификация литературного языка опиралась на народную основу, на язык народных песен и т. д. Концепция Юнгмана развивает и продолжает концепцию Добровского в том отношении, что делает ставку на расширение функциональных

возможностей классического литературного чешского языка.

Диалектика развития — с точки зрения отношений обоих представителей первой поры эпохи возрождения — была рассмотрена на конференции и в аспекте их отношения к последующей эпохе. А. Е д л и ч к а (Прага) в докладе «Литературный язык, его теория и практика в понимании Й. Юнгмана» назвал две центральные проблемы, решенные Юнгманом для своего времени: это проблема отношения языка родного (народного) к языку другого народа и проблема стилистической дифференциации народного литературного языка. Целью стараний Юнгмана на поприще возрождения было достижение того, чтобы чешский языковой коллектив мог пользоваться во всех коммуникативных сферах чешским литературным языком. Проблема отношений литературного языка и нелитературных образований не была центральной для Юнгмана, так как с точки зрения грамматической кодификации она уже была решена Добровским. Однако проблематика этих отношений стала вновь актуальной для следующих поколений, и именно в связи с формированием чешского национального коллектива, его демократизацией и «дефилологизированным» отношением младшего поколения чешских писателей к языку. На смену идеалу необычности, возвышенности поэтического языка пришла задача доступности и стилистической естественности произведений литературы.

В дискуссии Ф. р. Д а н е ш (Прага) обратил внимание на то, что Юнгман разрабатывал теоретические вопросы литературного языка в тесной связи с изучением ситуации данной эпохи и ее мировоззрения; подобно этому нуждается в учете исторических условий и понимание новой теории литературного языка, разработанной пражской школой. Г. Л и л и ч (Ленинград), как и Фр. Данеш, указала на необходимость исследования того, как носители языка воспринимают различные теоретические принципы. Она, в частности, говорила о том, что в разные эпохи качество доступности или трудности текста оценивалось по-разному. И. Н о в о т н ы й (Устье над Лабем) привел конкретные примеры некоторых мыслей Юнгмана о теоретических основах языковой культуры.

Широкая славистическая ориентация Юнгмана сказалась в том, что значительное внимание привлекли вопросы отношения Юнгмана к славянскому миру. Его отношение к русской культуре было подробно рассмотрено в докладе А. С. М ы л ь н и к о в а (Ленинград; доклад был представлен в письменном виде), к словацкой — в докладе Е. И о н ы (Братислава).

На конференции были представлены доклады и сопоставительного плана. К. Г о

р а л е к сравнивал личность Юнгмана и его деятельность с личностью и деятельностью Вука Караджича. Юнгман справедливо полагал, что поэтический язык не есть лишь продукт поэтического творчества, в его создании может принимать участие и лингвистическая теория. Э. П а у л и н и (Братислава) говорил о деятельности Л. Штура и характеризовал ее в сравнении с концепциями Добровского и Юнгмана. Поскольку чешская литературная лексика, разработанная Юнгманом, была одним из источников лингвистической кодификации Штура, Юнгман, хотя и косвенно, способствовал развитию словацкого литературного языка. В дискуссии выступил Л. Йонке, который привел дополнительные данные о деятельности Вука Караджича.

На конференции были представлены доклады, посвященные разработке отдельных вопросов языковой и языковедческой деятельности Юнгмана. Несколько докладов и выступлений было посвящено поэтическим переводам Юнгмана, его терминологической работе, его ведущей роли в развитии словарного состава чешского литературного языка нового времени. Важнейшими стилистическими сферами Юнгман считал художественный и научный стили. В развитии чешского художественного слога Юнгман участвовал своими поэтическими переводами, научной разработкой терминологии; при этом известную роль в формировании их языковых особенностей играли славянские тексты-посредники (русские и польские). Этим вопросам были посвящены доклады И. Ф и л и п ц а (Прага), М. Г р е п л я (Брно), Г. Л и л и ч, Т. О р л о ш е в о й (Краков). Состоялся широкий обмен мнениями.

Языковая и языковедческая деятельность Юнгмана в наибольшей мере развернулась в области чешского словарного состава. Итоговое сообщение об этом было сделано акад. Б. Г а в р а н к о м. Он говорил о том, что успехи деятельности Юнгмана в этой области были обусловлены тем, что он опирался на законы словообразования чешского языка, установленные Добровским, что он очень хорошо знал старый язык, слова которого он некогда обновил или рекомендовал обновить, а благодаря своему сельскому происхождению прекрасно знал живой современный ему чешский язык. Важно наблюдение Гавранка над тем, что в последние годы Юнгман выступал не против образования новых слов вообще, но против злоупотребления неологизмами. Особое внимание Б. Гавранек уделил проблеме калькирования и оценке калек в творчестве Юнгмана. В произведениях Юнгмана, говорит Гавранек, употребляются и новые слова, и новообразования.

Поставленные на конференции доклады показали, что исследование чешского

языка эпохи возрождения и деятельности Юнгмана важно в методологическом и познавательном отношении. Этот важный раздел истории чешского языка должен изучаться с широким привлечением славянских параллелей.

В заключительном слове председатель Международной Комиссии по славянским литературным языкам А. Едличка обратил внимание присутствовавших на то, что проблематика истории славянских литературных языков представляет собою важную сторону программы деятельности комиссии. Работа конференции будет способствовать оживлению интереса к изучению славянских литературных языков эпохи возрождения и создаст необходимые предпосылки для сравнительного изучения этой проблематики. Конференция показала также актуальность и важность проблем, связанных с изучением отношения номенклатуры понятий и терминологии, и необходимость их решения с учетом исторической изменчивости соответствующих явлений.

В рабочей части заседания комиссия обсудила тезисы «Языковая ситуация», разработанные Ал. Едличкой и Вл. Барнетом, подчеркнувшими важность выработки общих понятий теории литературного языка. Члены комиссии обсуждали два предложенных понимания языковой ситуации, из которых одно исходит из узкого смысла понятия, другое из более

широкого понятия социальной коммуникации. Ф. П. Филин подчеркнул перспективность разработки ключевых понятий теории литературного языка для сравнительного и типологического изучения и предложил посвятить проблемам языковой ситуации в славянских странах специальный сборник. Г. Егер (Лейпциг) счел полезным понятие языковой ситуации и дополнил его понятием коммуникативного сообщества. К. Горалеk указал на неизученность невербальных форм коммуникации и обратил внимание на широкие взаимосвязи понятия «языковая коммуникация» с проблемами билингвизма. Б. Погорелец сделала некоторые уточнения понятия языковой коммуникации на словенском материале.

В организационной части заседания были разработаны принципы членства в комиссии; рассматривались также вопросы, связанные с учреждением национальных комиссий по литературным языкам. Доклады, поставленные на заседании, будут опубликованы в «Трудах» Карлова университета. Четвертое заседание комиссии состоится в 1974 г. в Москве; оно будет посвящено теме «Теоретические аспекты нормы литературного языка в синхронном и диахроническом аспектах».

Вл. Барнет, А. Едличка (Прага)
Перевела с чешского О. А. Лаптева

CONTENTS

Articles: V. Z. Panfilov (Moscow). Linguistic universals and typology of the sentence; Towards the 250-th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR; E. V. Sevortian (Moscow). The study of the Turkic languages in the Academy of Sciences of the USSR after the Great October Revolution; E. A. Makaev, N. Z. Gadžieva (Moscow). Comparative linguistics in the history of the Academy of Sciences; **Discussions:** N. Z. Kotelova (Leningrad). An artificial semantic language; E. S. Kubriakova (Moscow). Derivation, transposition, conversion; **Materials and notes:** K. S. Gorbachevič (Leningrad). The zones of word variation and norms of standard Russian; N. G. Mixailovskaja (Moscow). On the realization of word-meaning in Old Russian; Yu. S. Stepanov (Moscow). Dependence of the notion «phoneme» on the notion «syllable» in synchronic description and historical reconstruction; V. E. Seviakova (Moscow). Functional perspective of the interrogative sentence; E. N. Mamsurova (Leningrad). Some properties of the Catalan language in France in the light of linguistic geography and statistics; E. R. Tenišev (Moscow). Principles of isolating Uigur dialects. **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: V. Z. Panfilov (Moscou). Universaux linguistiques et typologie de la proposition; A l'occasion du 250-me anniversaire de l'Académie des Sciences de l'URSS; E. V. Sevortian (Moscou). L'étude des langues turques à l'Académie des Sciences de l'URSS après la Révolution d'Octobre; E. A. Makaev, N. Z. Gadžieva (Moscou). Linguistique comparée dans l'histoire de l'Académie des Sciences; **Discussions:** N. Z. Kotelova (Léningrad). Langue sémantique artificielle; E. S. Kubriakova (Moscou). Dérivation, transposition, conversion; **Matériaux et notices:** K. S. Gorbachevič (Léningrad). Zones de variation lexicale et normes du russe littéraire; N. G. Mixailovskaja (Moscou). Réalisation de la signification du mot en vieux slave; Yu. S. Stepanov (Moscou). Dépendance de la notion «phonème» de la notion «syllabe» dans la description synchronique et la reconstruction historique; V. E. Seviakova (Moscou). Division actuelle de la proposition interrogative; E. N. Mamsurova (Léningrad). Quelques particularités du catalan en France à la lumière de la géographie linguistique et de la statistique; E. R. Tenišev (Moscou). Principes de la délimitation des dialectes ouïgours; **Comptes-rendus; Vie scientifique.**

Технический редактор Т. И. Шеленкова

Сдано в набор 28/VI-1974 г.	T-12290	Подписано к печати 26/VIII-1974 г.	Тираж 7200 экз.
Зак. 831. Формат бумаги 70×108 ^{1/16} .		Усл. печ. л. 14,0.	Бум. л. 5,0. Уч.-изд. л. 15,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 24 стр., объем рецензии — 10 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах).

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

6. Все формулы и буквенные обозначения величин должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

7. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью; чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями, все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два-три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

8. Непринятые рукописи, как правило, не возвращаются.

9. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

10. Хроникальные заметки должны представляться в редакцию в течение двух месяцев с момента описываемого события в лингвистической жизни. Объем хроникальной заметки — 3—5 стр.